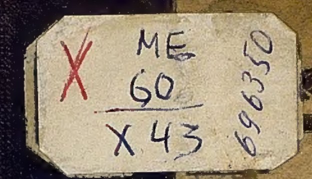
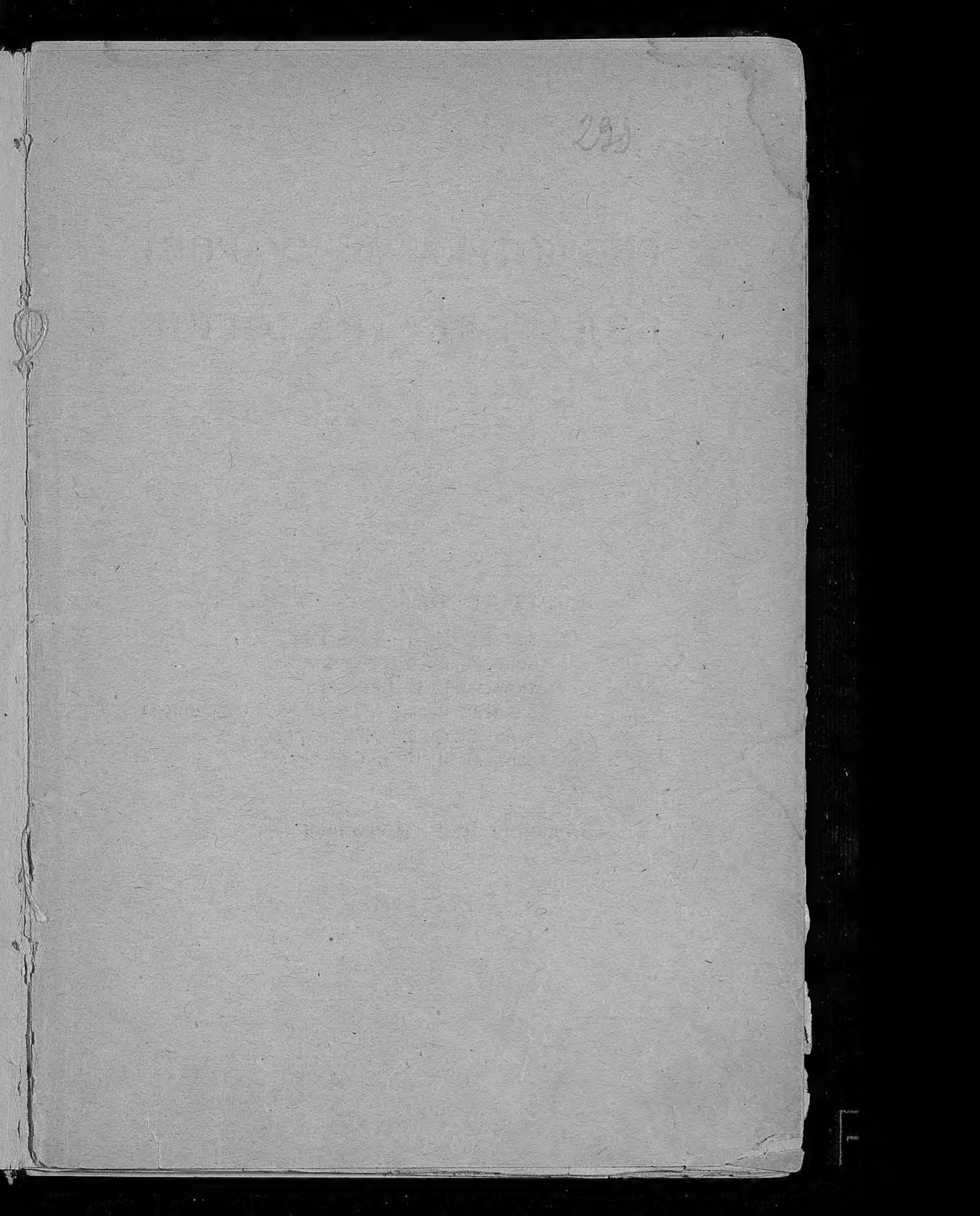

В. М. ХИЖНЯКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЗЕМСКАГО ДѢЯТЕЛЯ

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ «ОГНИ»

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОГНИ“.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

Записки Н. В. Басаргина.
Записки бр. Бестужевыхъ.
Записки Г. С. Винскаго.
Записки несчастнаго (В. П. Колесникова).
Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго.
Записки Я. И. де-Санглена.

Редакція П. Е. Щеголева.

В. М. ХИЖНЯКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЗЕМСКАГО ДѢЯТЕЛЯ.

Предисловіе В. Я. Богучарскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГНИ“.
Петроградъ
1916.

Дозволено Военной Цензурой, Петроградъ, 31 Марта 1916 г.

Типографія „ПРАВДА“, Разъѣзжая ул., д. № 16—18.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издательство „Огни“ предложило мнѣ написать предисловіе къ мемуарамъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля В. М. Хижнякова. Мнѣ представлялось бы это излишнимъ. Вѣдь, предисловіе къ книгѣ, написанное не самимъ авторомъ ея, а другимъ лицомъ—это въ нѣкоторомъ родѣ рекомендація книги вниманію читателей, выясненіе мотивовъ, опредѣлившихъ желательность появленія ея въ свѣтъ, краткое резюме, въ которомъ излагается содержаніе книги и указываются ея достоинства; между тѣмъ, мемуары В. М. Хижнякова ни въ чемъ подобномъ совершенно не нуждаются. Они говорятъ сами за себя—и именемъ почтеннаго автора книги, и очень большимъ интересомъ ея содержанія. Кому, въ самомъ дѣлѣ, изъ тѣхъ, кто небезучастно относится къ общественной жизни Россіи, въ прошломъ и настоящемъ, не извѣстно имя Василія Михайловича Хижнякова, — одного изъ немногихъ уже представителей „старой земской гвардіи“, отдавшаго десятки лѣтъ жизни на развитіе въ своей губерніи въ лучшемъ смыслѣ слова земскаго дѣла, человѣка не только превосходно знающаго это дѣло, но любящаго его и, — обыкновенная исторія!—именно поэтому близко познакомившагося на своей собственной личности и съ разными „скорпіонами“ со стороны администраціи—до обысковъ, гласнаго

надзора полиціи и высылки изъ черниговской губерніи включительно?

Съ другой стороны,—кому не извѣстна и чрезвычайная бѣдность у насъ мемуаровъ, написанныхъ земскими дѣятелями, рисующими земскую жизнь Россіи?

Это особенно бросалось въ глаза во время только что истекшаго пятидесятилѣтія земскихъ учрежденій.

И, вотъ, предъ нами воспоминанія одного изъ старѣйшихъ земцевъ. Нужно ли говорить въ особомъ предисловіи къ нимъ, что такими мемуарами заполняется въ значительной степени указанный пробѣлъ?

Но разъ признано, что предисловіе все таки нужно, я и постараюсь охарактеризовать въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ значеніе настоящей книги.

Въ мемуарахъ В. М. Хижнякова находится много страницъ, посвященныхъ его дѣтству, годамъ ученія, педагогической дѣятельности по окончаніи университета, — всѣ эти страницы читаются съ очень живымъ интересомъ, но,—какъ и слѣдовало ожидать, — центръ интереса книги не въ нихъ, а въ воспоминаніяхъ автора объ его многолѣтней дѣятельности въ качествѣ земскаго гласнаго, городского головы г. Чернигова и предсѣдателя черниговской губернской земской управы. Здѣсь передъ читателемъ проходитъ рядъ чрезвычайно поучительныхъ картинъ жизни одного изъ когда то наиболѣе передовыхъ земствъ, интересныхъ типовъ земскихъ дѣятелей, яркихъ фигуръ губернаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ и просятся въ галлерею щедринскихъ, обуянныхъ „административнымъ восторгомъ“, помпадуровъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время черниговскій губернаторъ Анастасьевъ. Среди многихъ другихъ подвиговъ этого джентльмена В. М. Хижняковъ разсказываетъ о такомъ:

„Положеніе объ институтѣ земскихъ начальниковъ, введенное въ черниговской губерніи въ 1889 году, приводило Анастасьева въ восторгъ. Онъ предсказывалъ, что съ новыми носителями сильной власти въ селахъ онъ перевоспитаетъ всю губернію. На первыхъ же порахъ онъ далъ руководящія указанія земскимъ начальникамъ и въ нихъ изобразилъ идеалъ новаго представителя сильной власти: разъѣзжаетъ земскій начальникъ на тройкѣ съ звонками; всѣ встрѣчные крестьяне заблаговременно сворачиваютъ съ дороги и снимаютъ шапки. Не исполняющимъ этого — немедленная кара. Всѣмъ сельскимъ обывателямъ, старостамъ и волостнымъ старшинамъ земскій начальникъ долженъ говорить „ты“. Необходимо во всемъ проявлять величіе и силу власти и почаще прибѣгать къ спасительной розгѣ“.

Это ли еще не администраторъ изъ Щедрина? Но въ томъ то и дѣло, что Анастасьевъ—не выдумка, не каррикатура, не преувеличенный образъ губернатора, какъ смотрѣли иногда на щедринскихъ персонажей, а сама дѣйствительность и притомъ, если и исключительная, то въ особомъ смыслѣ, о которомъ также надо сказать нѣсколько словъ.

Искореняя всячески „крамольный духъ“, Анастасьевъ донесъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на В. М. Хижнякова, какъ на человѣка, потворствующаго служащимъ въ земской управѣ неблагонадежнымъ лицамъ изъ „третьяго элемента“. Въ результатѣ В. М. Хижняковъ, занимавшій тогда должность предсѣдателя губернской земской управы, былъ вызванъ въ Петербургъ. Послѣдовало объясненіе съ директоромъ департамента полиціи В. К. Плеве. Во время этого объясненія Плеве заявилъ: „если губернаторъ рѣшительно представляетъ о комъ либо изъ служащихъ, что онъ

служить съ нимъ не можетъ, то министру приходится поступить по извѣстному третьему пункту".

При послѣднихъ словахъ Плеве, В. М. Хижняковъ быстро поднялся со стула и, сказавши, что будетъ ожидать исполненія выраженной угрозы, направился къ выходу.

— Позвольте,—остановилъ В. М. Хижнякова Плеве,— вы напрасно приняли слова мои, какъ личную вамъ угрозу. Скажу вамъ больше: если бы я на время сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ чего избави меня, Господи (онъ повернулся къ иконѣ и перекрестился), я ни одного дня не оставилъ бы Анастасьева въ должности губернатора".

Если даже и допустить (весьма, конечно, сомнительное предположеніе), что, крестясь на икону, Плеве говорилъ искренно, то и это означало бы лишь, что онъ очень переоцѣнивалъ значеніе въ подобныхъ дѣлахъ министровъ. Дѣло въ томъ, что, по словамъ В. М. Хижнякова, и тогдашній министръ внутренн. дѣлъ И. Н. Дурново,—на что у него имѣлись свои причины, — тоже „не благоволилъ" къ Анастасьеву,—и что же? Не смотря на это, Анастасьевъ еще цѣлые годы не только самодурствовалъ „во ввѣренной ему губерніи", но и получилъ затѣмъ совершенно исключительное по тому времени назначеніе, — прямо членомъ Государственнаго Совѣта. В. М. Хижняковъ упоминаетъ и объ этомъ фактѣ, но упоминаетъ лишь вскользь, какъ о чемъ то обычномъ, а между тѣмъ, назначеніе это было именно необычнымъ, исключительнымъ, результатомъ признанія выдающихся заслугъ черниговскаго губернатора. На стражѣ „сильной власти" стоялъ тогда князь В. П. Мещерскій, и его особое благоволеніе къ людямъ типа Анастасьева далеко перевѣшивало всякія „неблаговоленія" къ тому или иному изъ нихъ даже со стороны

такихъ, казалось бы, вершителей судебъ Россіи, какъ Дурново и Плеве.

Обратимся на минуту отъ мемуаровъ В. М. Хижнякова къ мемуарамъ кн. Мещерскаго. Тамъ найдемъ мы по поводу назначенія „богатыря-губернатора" Анастасьева членомъ Государственнаго Совѣта очень любопытныя воспоминанія. Не нужно, конечно, забывать при этомъ, что воспоминанія принадлежатъ перу одного изъ самыхъ „лукавыхъ царедворцевъ".

Кн. Мещерскій бесѣдовалъ съ Императоромъ Александромъ III. „Между прочимъ, — пишетъ кн. Мещерскій, — мы коснулись въ разговорѣ Государственнаго Совѣта по поводу воспоминаній объ оппозиціи, имъ проявленной при разсмотрѣніи проекта о земскихъ начальникахъ. Я сказалъ Государю, что эта оппозиція была и есть неизбѣжное послѣдствіе преданія, въ силу котораго члены Государственнаго Совѣта вербуются, главнымъ образомъ, изъ петербургскаго сановнаго міра. Безспорно, большая часть ихъ почтенные и способные люди, но у многихъ есть важный недостатокъ,—отсутствіе жизненной и административной школы. Земскіе начальники—это чисто жизненное учрежденіе, вызванное мѣстною нуждою, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что такая жизненная практическая мысль, какъ соединеніе въ одномъ лицѣ функцій администраціи и суда, встрѣтила отпоръ въ людяхъ, которые извѣстныя бюрократическія доктрины ставятъ выше мѣстныхъ жизненныхъ нуждъ. Вотъ почему,—сказалъ я,—мнѣ представляется, что весьма было бы разумно и для дѣла полезно къ нынѣшнему составу заслуженныхъ сановниковъ, засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, пріобщать отъ времени до времени людей прямо, такъ сказать, отъ провинціальной жизни въ видѣ выдающихся губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства.

— Да,—отвѣтилъ Государь,—я объ этомъ думалъ и даже намѣтилъ себѣ одного губернатора, — онъ, кажется, изъ вашихъ друзей, черниговскій Анастасьевъ.

Лучшаго нельзя было выбрать изъ губернаторовъ,— сказалъ я.

Такъ и состоялось назначеніе Анастасьева.

„Назначеніе это,—разсказываетъ далѣе кн. Мещерскій,—поразило чиновный и сановный міръ, какъ небывалое событіе,—назначеніе въ Государственный Совѣтъ прямо изъ губернаторовъ".

„Это ваша интрига", — сказалъ Мещерскому при встрѣчѣ съ нимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, на что „лукавый царедворецъ" отвѣтилъ: „не я заговорилъ объ Анастасьевѣ, какъ кандидатѣ, а Государь мнѣ сказалъ, что онъ его намѣтилъ, на что я, разумѣется, высказалъ восторженное одобреніе".

Таковъ разсказъ кн. Мещерскаго о назначеніи Анастасьева членомъ Государственнаго Совѣта, но и это еще не все, ибо въ тѣхъ же мемуарахъ описывается и замѣчательный эпилогъ такого факта.

Послѣ назначенія Анастасьева членомъ Государственнаго Совѣта,—пишетъ кн. Мещерскій,—„въ Анастасьевѣ, этомъ недавнемъ богатырѣ-губернаторѣ, въ которомъ такъ ярко горѣлъ святой огонь, кипѣла непоколебимая энергія, которой боялись его политическіе противники, вдругъ погасли и святой огонь, и живой умъ, и непобѣдимая энергія,—и я понялъ, что онъ изъ безстрашнаго борца, вдохновленнаго лучшими и высшими идеалами, превратился въ запуганнаго юпитерами Государственнаго Совѣта человѣка, не дерзающаго ни храбро высказывать свои мнѣнія, ни бороться за правду своего убѣжденія" [1]).

---

[1]) Кн. В. П. Мещерскій.—Мои воспоминанія, ч. III. стр. 376—380.

Самъ того не замѣчая, кн. Мещерскій дорисовалъ этими строками очень недурно фигуру своего друга, черниговскаго „богатыря“, положивши на нее послѣдній, не достающій въ мемуарахъ В. М. Хижнякова, штрихъ.

Я остановился такъ долго на Анастасьевѣ и потому, что онъ занимаетъ въ воспоминаніяхъ В. М. Хижнякова весьма замѣтное мѣсто, и по той причинѣ, что въ связи съ разсказомъ кн. Мещерскаго о дальнѣйшей судьбѣ черниговскаго воеводы, дѣлается особенно назидательнымъ многое изъ совершавшагося въ изображаемое В. М. Хижняковымъ время въ жизни провинціи.

Эту жизнь вообще и жизнь земскую въ частности и живописуютъ очень рельефно мемуары В. М. Хижнякова. Интересъ земской жизни сосредоточивался на борьбѣ культурныхъ земскихъ работниковъ съ темными силами, какъ мѣстными, такъ и насылаемыми изъ Петербурга. Такая борьба поглощала всѣ силы лучшихъ земскихъ людей того времени. Яркое изображеніе условій, среди которыхъ велась эта борьба, и составляетъ главное достоинство настоящихъ мемуаровъ. Можно не соглашаться съ тѣми или иными взглядами В. М. Хижнякова, высказываемыми имъ въ его мемуарахъ, но нельзя не признать большой цѣнности самихъ мемуаровъ, какъ таковыхъ,—мемуаровъ, являющихся безъ сомнѣнія значительнымъ вкладомъ въ этого рода литературу.

В. Богучарскій.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО.

I.

Раннее дѣтство.

Родился я въ концѣ 1842 года.

Потому-ли, что старикамъ вообще свойственно переживать мысленно давніе годы дѣтства и юности, или потому, что настоящее слишкомъ тяжело и мрачно, и невольно хочется хотя на время отрѣшиться отъ него,— мысль моя въ послѣдніе годы очень часто уносится въ далекое прошлое. Живо вспоминаются давно покинутыя мѣста, воскресаютъ давно сошедшіе въ могилу люди, и съ новымъ волненіемъ переживается многое, испытанное десятки лѣтъ назадъ.

Лучшіе годы мои отданы были вначалѣ учебной службѣ, а главнымъ образомъ—работѣ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени найдется кое-что, имѣющее общее значеніе и представляющее нѣкоторый интересъ для историка пережитыхъ мною десятилѣтій. Поэтому, пересмотрѣвъ множество старыхъ бумагъ и писемъ, печатныхъ матеріаловъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ я работалъ, и призвавъ на помощь память, я рѣшился воспоминанія о болѣе выдающихся фактахъ изъ моего прошлаго нанести на бумагу.

Дѣтство и юность я прожилъ въ Кіевѣ, въ отцовскомъ домѣ, на Софійской улицѣ.

Отецъ мой всю жизнь былъ чиновникомъ и умеръ въ скромной должности секретаря. Онъ окончилъ курсъ кіевской духовной академіи въ тридцатыхъ годахъ, когда университета въ Кіевѣ еще не было. Но изъ этого выс-

шаго учебнаго заведенія онъ не вынесъ широкихъ взглядовъ и гуманныхъ понятій. Твердо усвоивъ старинное правило, что дѣтей нужно воспитывать въ страхѣ Божьемъ, онъ обращался съ нами очень сурово. Мы его боялись, и мнѣ неоднократно приходилось терпѣть порядочныя его колотушки за разныя шалости.

Отличительною чертою нашей семьи было особенное благочестіе и набожность. Отецъ мой неукоснительно посѣщалъ не только обѣдни во всѣ воскресные и праздничные дни, но и вечернія богослуженія наканунѣ этихъ дней. Онъ всегда бралъ меня съ собою. Всѣ эти церковныя службы приходилось выстаивать отъ начала до конца, а иногда съ прибавкой разныхъ акафистовъ и молебновъ. Особенно утомительны были великопостныя богослуженія во время говѣнья, когда въ теченіе шести дней нужно было и утромъ, и вечеромъ стоять въ церкви, каждый разъ больше двухъ часовъ. Станешь, бывало, на колѣни, чтобы дать отдыхъ ногамъ, и посматриваешь съ тоской на церковныя окна. А тамъ солнце ярко свѣтитъ, весна уже вступаетъ въ свои права,—и мучительно хочется вырваться изъ душной атмосферы на свѣжій воздухъ.

Возилъ меня отецъ нѣсколько разъ въ годъ и въ Печерскую лавру, гдѣ нужно было выслушивать продолжительныя монашескія служенія и затѣмъ обходить ближнія и дальнія пещеры и прикладываться ко всѣмъ мощамъ.

Посты въ нашемъ домѣ соблюдались чрезвычайно строго. На первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста не было на столѣ даже рыбы.

Особенно строгій тонъ благочестія и набожности поддерживала въ домѣ жившая съ нами мать отца. Уголъ ея комнаты былъ увѣшанъ многочисленными иконами, передъ которыми она ежедневно молилась по цѣлымъ часамъ. Внуковъ она очень любила, хотя часто и пробирала очень строго. Часто въ зимніе вечера она собирала насъ къ себѣ. Призывалась и женская прислуга. Всѣ принимались за работу, которая большей частью состояла въ ощипываніи перьевъ, собранныхъ въ кухнѣ въ теченіе лѣта. Позднѣе, во время севастопольской войны, мы занимались дерганіемъ корпіи. Во

время работы обыкновенно кто-нибудь читалъ вслухъ житія святыхъ. Допускались иногда и сказки. Бабушка, происходившая изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ глуховскаго уѣзда, въ минуты особеннаго благодушія или раздраженія, всегда выражала свои чувства роднымъ украинскимъ языкомъ. И, при повѣствованіи сказокъ, она иногда вставляла, со свойственнымъ украинцамъ юморомъ, свои замѣчанія, которыя очень насъ смѣшили.

Вспоминаются мнѣ разныя странницы и богомолки, нерѣдко появлявшіяся въ бабушкиной комнатѣ. Ихъ низкопоклонство передъ бабушкой, слащавыя льстивыя рѣчи, ихъ безконечные разсказы о посѣщенныхъ ими монастыряхъ и святыхъ мѣстахъ и видѣнныхъ тамъ чудесахъ,—разсказы, въ которыхъ мы, дѣти, угадывали добрую половину лжи,—наконецъ, особенный противный запахъ, который онѣ съ собой вносили,—все это вызывало въ насъ гадливое чувство къ этимъ попрошайкамъ, и мы иногда исподтишка подтрунивали надъ ними, а онѣ въ отвѣтъ относились къ намъ съ явною злобой.

Эти богомолки приносили бабушкѣ иконки, крестики, пузырьки съ освященною водой, иногда будто-бы съ іорданской, и другія святости. Все это принималось съ благоговѣніемъ, и бабушка угощала принесшихъ чаемъ и разными закусками. Чай пили съ медомъ, такъ какъ при приготовленіи сахара употребляются, дескать, кости, и онъ долженъ считаться скоромнымъ. При уходѣ, эти странницы обыкновенно проливали слезы, говоря о своей скудости и нуждѣ, и бабушка давала имъ мелкія монеты и разныя подачки.

Одна изъ этихъ святошъ поражала насъ своимъ страннымъ вкусомъ. Войдя къ бабушкѣ и отдавъ должное иконамъ, она обыкновенно начинала съ просьбы: „Нельзя-ли, матушка, оливки сподобиться?“ — Бабушка наливала ей изъ бутылки полную чашку зеленоватаго лампаднаго масла, и она выпивала его залпомъ. Разъ случилось, что масла въ запасѣ не было. Богомолка сняла лампадку и съ наслажденіемъ проглотила, что тамъ оставалось.

Съ умиленіемъ вспоминается мнѣ соблюдавшійся бабушкой очень старинный обычай передъ наступленіемъ великаго поста. Въ воскресенье передъ первымъ днемъ

поста мы ужинали при полномъ сборѣ семьи. Ужинъ, конечно, безъ мясныхъ блюдъ, оканчивался не позднѣе одиннадцати часовъ. Затѣмъ, всѣ отодвигались отъ стола и усаживались въ какомъ-то торжественномъ настроеніи. Бабушка поднималась съ мѣста, подходила по очереди ко всѣмъ сидящимъ, не исключая дѣтей, низко кланялась каждому, прикасаясь къ полу пальцами правой руки, и просила у всѣхъ прощенія въ содѣянныхъ передъ каждымъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ.

Еще одно воспоминаніе, тоже изъ области благочестія. Въ праздничные дни являлось въ домъ отца по десятку, а иногда и больше, маленькихъ мальчиковъ изъ кантонистской школы, крещеныхъ евреевъ. Ихъ крестили тогда чуть не цѣлыми толпами. Какъ привлекали ихъ къ крещенію, я не знаю. Несомнѣнно, это дѣлалось принудительно. Когда крещеніе производилось въ нашей приходской церкви, отецъ, по приглашенію священника, былъ воспріемнымъ отцомъ. Приходившихъ къ намъ крестниковъ кормили, и „папаса“, какъ они называли отца, надѣлялъ ихъ душеспасительными книжками и пятаками на гостинцы.

Изъ лицъ, бывавшихъ въ домѣ отца, я помню отчетливо очень немногихъ.

Я ясно помню фигуру и громкій басъ извѣстнаго въ свое время Аскоченскаго. Онъ, кажется, былъ товарищемъ отца по академіи и навѣщалъ его довольно часто. Онъ что-то преподавалъ въ академіи, былъ знатокомъ церковнаго пѣнія и во время торжественныхъ богослуженій прекрасно управлялъ соединенными хорами кіевскихъ пѣвчихъ, что мнѣ неоднократно приходилось съ удовольствіемъ слушать.

При посѣщеніяхъ Аскоченскаго, въ кабинетѣ отца происходили обыкновенно очень бурныя пренія. Въ дѣтствѣ я, конечно, не вникалъ въ ихъ содержаніе и только позднѣе узналъ, что въ этихъ преніяхъ Аскоченскій выражалъ зародыши тѣхъ мыслей, которыя теперь дали такіе обильные всходы въ дѣятельности современныхъ націоналистовъ и крайнихъ правыхъ.

Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда печать заговорила свободнѣе, Аскоченскій переѣхалъ въ Петербургъ и началъ издавать жалкій журнальчикъ

„Домашняя Бесѣда“. Дикія реакціонныя и шовинистскія мысли, съ большимъ азартомъ и руганью приводимыя въ этомъ журналѣ, вызывали противъ него рѣзкія нападки и глумленія почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ. Но это продолжалось всего года два, а затѣмъ газеты и журналы совершенно замолчали о „Бесѣдѣ“ и ея издателѣ.

Пріѣхалъ какъ-то Аскоченскій въ Кіевъ и навѣстилъ моего отца. Встрѣтивъ очень радушно стараго товарища отецъ спросилъ его:

„Ну, что, Викторъ Ипатьевичъ? Ругаютъ тебя по прежнему?“

— Да, ругали меня во всю-ивановскую,—отвѣтилъ съ злобой Аскоченскій,—и пусть-бы продолжали ругать: по крайней мѣрѣ, я видѣлъ-бы, что со мной считаются. А теперь, представь себѣ, они, проклятые, на меня и мой журналъ не обращаютъ никакого вниманія и не вспоминаютъ о насъ ни однимъ словомъ.

Съ особенной симпатіей я вспоминаю другого частаго посѣтителя нашего дома, большого пріятеля моего отца, священника Евфимія Ботвиновскаго. Объ этомъ, въ свое время, очень популярномъ въ Кіевѣ человѣкѣ и всеобщемъ любимцѣ, вспоминаетъ современникъ мой Лѣсковъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ. Появленіе у насъ бати-Евфима, какъ мы его называли, было для всѣхъ насъ праздникомъ. Онъ безъ умолку услаждалъ насъ курьезными разсказами, смѣшилъ остроумными шутками, а иногда, подпивши немного за ужиномъ, сбрасывалъ рясу, появлялся передъ нами въ широкихъ шароварахъ и русской поддевкѣ и съ увлеченіемъ танцовалъ. На послѣднее онъ, впрочемъ, рѣшался только въ такой часъ, когда всѣ были увѣрены, что бабушка, которой онъ очень побаивался, уже улеглась спать въ своей отдаленной комнатѣ. Но были случаи, когда этотъ разсчетъ не оправдывался, и бабушка неожиданно появлялась въ залѣ. Батя, съ азартомъ выдѣлывавшій трудные выверты трепака, который онъ отплясывалъ очень искусно, не замѣчалъ этого грознаго появленія.

„Тю на тебе, оглашенный!“ раздавался негодующій голосъ.

Бѣдный танцоръ моментально принималъ самый смиренный видъ и бросался цѣловать руки старухи и просить у нея прощенія. Но строгая бабушка вырывала у виновнаго руку и, сердито ворча, уходила къ себѣ.

Особенно хорошо чувствовалъ себя батя-Евфимъ, когда пріѣзжалъ въ Юровъ (о Юровѣ рѣчь впереди). Онъ принималъ энергичное участіе въ поѣздкахъ къ сосѣдямъ, въ охотѣ, пикникахъ, рыбной ловлѣ и всюду вносилъ веселье и смѣхъ. Онъ не отказывался и отъ выпивки въ компаніи, но никогда не напивался до неприличія и, покуражившись, дѣлался только интереснѣе и забавнѣе. Гостилъ онъ въ Юровѣ иногда нѣсколько дней.

Сельскіе батюшки, наѣзжавшіе въ Юровъ, иногда наивно спрашивали батю, на кого онъ оставляетъ свой приходъ.

„За меня тамъ дѣйствуетъ викарій", получался отвѣтъ. Это означало, что передъ выѣздомъ батя садилъ на свое мѣсто одного изъ сельскихъ священниковъ, пріѣхавшихъ по дѣламъ въ консисторію и проживавшихъ въ Кіевѣ въ ожиданіи рѣшенія этихъ дѣлъ.

Приходъ Евфимія былъ самый богатый въ Кіевѣ. Прихожане надѣляли его довольно щедро за разныя требы. Но у него никогда не было денегъ: онъ все раздавалъ обращавшимся къ нему бѣднякамъ, а иногда даже занималъ довольно значительныя суммы для выручки запутавшихся изъ бѣды.

Много у насъ разсказывали о курьезныхъ похожденіяхъ и выходкахъ бати-Евфима. Я особенно помню одинъ случай, о которомъ, впрочемъ, говорили по секрету только въ близкомъ кругу, такъ какъ оглашеніе этого случая могло-бы повести къ обвиненію въ кощунствѣ, и батя могъ жестоко пострадать.

Тогда процвѣтали еще винные откупа. Въ городѣ водка продавалась сравнительно дорого, а за чертой города она была гораздо дешевле. Откупщикъ, охраняя свои интересы, на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ Кіеву, содержалъ стражу, чтобы не допускать провоза въ городъ дешевки. Стража была вооружена длинными желѣзными палками съ заостренными концами. Проѣзжающихъ останавливали и обыскивали. Главное вни-

маніе обращали, конечно, на возы съ сѣномъ, соломой и другой кладью. А экипажи пропускали довольно снисходительно: въ нихъ много контрабанды не провезешь. А можетъ быть, тутъ играли роль и монеты, даваемыя стражникамъ, чтобы не задерживали.

Въ Юровѣ былъ тогда небольшой винокуренный заводъ. Въ то время не было ни казенной монополіи, ни арміи акцизныхъ чиновниковъ,—и винокурни были на вольномъ положеніи. Когда я возвращался изъ Юрова съ отцомъ, онъ всегда бралъ оттуда нѣсколько бутылокъ старой водки и разныхъ наливокъ. Даже благочестивая бабушка брала съ собою въ Кіевъ наливки. Кромѣ того, въ постояломъ дворѣ на половинѣ пути, гдѣ мы останавливались для отдыха лошадямъ, она покупала дешевые вкусные ликеры еврейскаго приготовленія, налитые въ небольшіе, совсѣмъ плоскіе штофики, приспособленные для контрабандной перевозки.

Не съ пустыми руками выѣзжалъ изъ Юрова и батя Евфимъ. Но контрабанда, провозимая имъ, была размѣромъ побольше. У него былъ небольшой боченокъ, который всегда въ Юровѣ наполняли „старкой". Съ стражниками откупщика онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Проѣзжая обыкновенно ночью, онъ останавливался у сторожеваго поста, присаживался къ костру, забавлялъ стражниковъ своими шутками, распивалъ съ ними добавочную карманную бутылку, давалъ имъ деньги,—и стражники всегда встрѣчали и провожали его очень любезно, а къ экипажу его никогда не прикасались.

Откупщикомъ по всей губерніи былъ тогда богатый кіевскій купецъ Толли. Щедро одаряя, какъ дѣлалось тогда довольно откровенно, губернскихъ властей и особенно казенную палату, въ вѣдѣніи которой находился откупъ, Толли чувствовалъ себя всесильнымъ и очень чванился этимъ. Батя-Евфимъ былъ съ нимъ, какъ и со всѣми, въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Но однажды въ компаніи онъ отпустилъ какую-то злую шутку по адресу важнаго откупщика. Послѣдній узналъ объ этомъ, очень возмутился и погрозилъ „насолить" дерзкому.

Въ Юровъ тогда уже ѣздили по вновь устроенному житомирскому шоссе. Сторожевой пунктъ откупщика находился въ 20 верстахъ отъ Кіева на берегу р. Ирпени. Собравшись однажды въ Юровъ, батя получилъ анонимную записку: „берегитесь, на обратномъ пути васъ ожидаетъ большая непріятность". — Прогостивъ въ Юровѣ два или три дня и собираясь уѣзжать, онъ попросилъ распорядиться, чтобы его боченокъ хорошо выполоскали и налили чистою водой. Всѣхъ очень поразило это, и къ нему начали приставать съ распросами, „Послѣ узнаете", таинственно отвѣтилъ онъ. Боченокъ. плотно закупоренный, поставили въ его экипажъ.

Подъѣзжая къ Ирпени, Евфимій увидѣлъ, что во всю ширину шоссе стоятъ стражники съ своими „списами".

„Пропустите, братцы!" крикнулъ онъ.

Одинъ изъ стражниковъ подошелъ къ экипажу.

„Выбачайте, батюшка", доложилъ онъ: „пришовъ приказъ зъ Киева,—мусымо васъ потрусыть" (обыскать).

Батя вышелъ изъ экипажа. Оттуда взяли боченокъ, отнесли его къ костру и собрались откупорить.

„Подождите немного", сказалъ Евфимъ.

Затѣмъ онъ снялъ шапку, что сдѣлали и другіе, и произнесъ:

„Господи Іисусе Христе, превративый въ Канѣ Галилейской воду въ вино, преврати сіе вино въ воду".

„Теперь откупоривайте", скомандовалъ онъ.

Вскрывъ боченокъ, стражники остолбенѣли въ благоговѣйномъ удивленіи.

Батя-Евфимъ любилъ принимать у себя разныхъ знаменитостей, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ. Посѣщая инкогнито театръ, когда публика восторгалась знаменитымъ англійскимъ трагикомъ мавромъ Ольдриджемъ, онъ очень увлекся его игрой и пригласилъ его къ себѣ. Но вышло нѣчто очень странное. Ни хозяинъ, ни собравшіеся его знакомые ничего не смыслили въ англійскомъ языкѣ, а Ольдриджъ ни слова не говорилъ по русски. Пришлось ограничиваться молчаливыми привѣтствіями.— Въ 1859 году (кажется) пріѣзжалъ въ Кіевъ Шевченко. Батя и его притащилъ къ себѣ,—и тутъ уже обильно текли возліянія и изліянія. И я тогда сподобился видѣть славнаго Тараса.

Фарисействующее духовенство кіевское ненавидѣло нашего любимаго батю, посылало на него доносы, и на Евфимія не разъ надвигались грозныя тучи. Но у него было много заступниковъ, которые выручали его изъ бѣды, и онъ прожилъ долго настоятелемъ Троицкой церкви, которую я помню еще въ ветхомъ видѣ на Софійской площади, а потомъ взамѣнъ ея выстроена новая на Васильковской улицѣ.

Однако, я началъ забѣгать впередъ. Возвращаюсь снова къ далекому дѣтству.

Вспоминая довольно ясно многое, происходившее болѣе 60 лѣтъ назадъ, я не могу возобновить въ памяти, кто именно обучалъ меня грамотѣ. Мать моя умерла вскорѣ послѣ моего рожденія. Но я хорошо помню, что этотъ корень ученія былъ для меня очень горекъ.

О звуковомъ методѣ обученія чтенію тогда у насъ не имѣли понятія. Заставляли изучать церковно-славянскую азбуку: *азъ, буки, вѣди, глаголь...* Затѣмъ шло зазубриваніе „складовъ“: буки-азъ-ба и т. д. И я съ отвращеніемъ и слезами заучивалъ всю эту тарабарщину. Прошло не мало мѣсяцевъ, пока я покончилъ съ этою галиматьей и могъ уже читать, сначала по церковно-славянскому букварю, а потомъ и „гражданскія“ книги.

Я скоро использовалъ умѣнье читать „по граждански“. Въ первый-же пріѣздъ въ Юровъ я нашелъ тамъ 12 книжекъ арабскихъ сказокъ—„Тысяча и одна ночь“ и скоро проглотилъ ихъ, зачитываясь до одурѣнія. Скоро послѣ этого, я съ увлеченіемъ прочелъ еще двѣ толстыхъ разжигавшихъ мое воображеніе книги—„Вѣчный Жидъ“ и „Графъ Монте-Кристо“.

Но нѣтъ основанія особенно негодовать на такую систему обученія: другой не знали. А изумительно до крайности то, что, спустя уже лѣтъ тридцать, въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, въ отдаленіи отъ земскихъ школъ, люди обучались чтенію у старыхъ грамотѣевъ по той-же каторжной системѣ. Даже очень недавно, уже въ XX столѣтіи, мнѣ передавали, что въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей губерніи, съ раскольничьими поселеніями, гдѣ земскія школы расположены рѣдко, старыя дѣвы-*чернички* изъ раскольничьихъ посадовъ ходятъ по

селамъ и учатъ грамотѣ по той-же системѣ, по которой и я имѣлъ несчастье обучаться.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ мужъ моей тетки Еремѣевъ купилъ у польскаго помѣщика деревню Юровъ и Коптіевку кіевскаго уѣзда, съ извѣстнымъ числомъ крѣпостныхъ душъ, котораго точно не помню *).

Юрову принадлежатъ самыя лучшія воспоминанія моего дѣтства и юности, и я не могу не посвятить имъ нѣсколькихъ страницъ.

Съ лихорадочнымъ радостнымъ волненіемъ я всегда ожидалъ счастливаго дня выѣзда въ Юровъ, особенно передъ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ. И теперь съ наслажденіемъ переживаю тѣ блаженныя минуты, когда въ нашу дорожную бричку укладываютъ разную поклажу, запрягаютъ лошадей, и я съ братомъ и сестрой выѣзжаемъ изъ Кіева.

Путь нашъ былъ довольно длинный. Пока онъ не былъ сокращенъ устройствомъ житомирскаго шоссе, до Юрова нужно было проѣхать болѣе 60 верстъ по старому почтовому тракту, да еще мѣстами по довольно

---

*) Я назвалъ фамилію дяди потому, что онъ въ свое время пользовался извѣстностью въ Кіевѣ. До покупки имѣнія, онъ былъ правителемъ секретнаго отдѣленія канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора. Потомъ онъ вышелъ въ отставку и взялся за хозяйство. Сначала дѣло шло безъ особыхъ треволненій, обычнымъ крѣпостнымъ порядкомъ. Затѣмъ, когда стало извѣстно о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ и послѣдовало самое освобожденіе, мирное теченіе жизни въ помѣщичьихъ гнѣздахъ нарушилось. Заволновался и Еремѣевъ. Получивъ очень скудное образованіе, онъ самъ въ значительной степени образовалъ себя и писалъ толково и грамотно. Но, не имѣя хорошаго фундамента, онъ постоянно колебался: то восторгался крѣпостнической газетой „Вѣсть", то увлекался передовыми изданіями. Онъ написалъ нѣсколько брошюръ по тогдашнимъ злободневнымъ вопросамъ и въ числѣ ихъ брошюру о всесословной волости.—Указывая мнѣ на ящики подъ его книжными шкапами, онъ, бывало, говорилъ мнѣ, когда я уже былъ студентомъ, что въ этихъ ящикахъ есть много черновиковъ и замѣтокъ по весьма интереснымъ дѣламъ генералъ-губернаторской канцеляріи и, между прочимъ, по дѣлу о привлеченіи Костомарова, Шевченка и Кулиша и объ ихъ ссылкѣ. Онъ предлагалъ мнѣ заняться разборкой этого матеріала, предоставляя использовать его съ литературными цѣлями. Я не имѣлъ возможности взяться скоро за эту интересную работу. А черезъ нѣсколько лѣтъ юровскій домъ сгорѣлъ до-тла со всѣмъ содержимымъ.

глубокому песку, такъ что, выѣхавъ утромъ, мы едва добирались до Юрова послѣ захода солнца.

Но этотъ путь насъ нисколько не тяготилъ. Все приводило насъ въ восторгъ, и мы болтали и хохотали безъ умолку. Иногда съ нами ѣхала и бабушка. Она тоже, выѣзжая въ Юровъ, бывала въ благодушномъ настроенiи и большей частью дремала въ бричкѣ, обложившись подушками. „Да годі вже вамъ реготать, дурни!" бывало проворчитъ она сквозь сонъ, и снова начинаетъ клевать носомъ.

На половинѣ пути, одиноко на открытомъ полѣ стоялъ еврейскiй постоялый дворъ, куда мы заѣзжали часа на три для отдыха и корма лошадей. Эти типичные „заѣзды", гдѣ подъ одной крышей помѣщаются и стойла для лошадей, и отдѣленiе для экипажей, и комнаты для хозяевъ и проѣзжающихъ, и теперь еще сохранились кое-гдѣ въ юго-западномъ краѣ. Мы вытаскивали изъ брички взятые съ собой припасы, ставился самоваръ, и все, а особенно приносимая хозяиномъ фаршированная щука спецiально еврейскаго приготовленiя, истреблялось съ волчьимъ аппетитомъ.

Въ Юровѣ насъ встрѣчали съ теплымъ привѣтомъ и радушiемъ,—и мы, послѣ довольно скучной и суровой атмосферы отцовскаго дома и надоѣвшихъ намъ несносныхъ уроковъ, сразу чувствовали иную, болѣе свободную обстановку, гдѣ намъ была почти полная воля.

Въ Юровѣ былъ довольно большой деревянный домъ, въ глубинѣ обширнаго двора. За домомъ былъ паркъ, главною красотой котораго была длинная, шаговъ на триста, старая липовая аллея, верхушки которой сплелись сводомъ и почти не пропускали солнечныхъ лучей. За паркомъ расположенъ былъ молодой садъ, гдѣ помѣщалась пасѣка.

Пасѣчникомъ былъ очень старый дѣдъ Кирилло. Я любилъ приходить къ дѣду ночевать въ его шалашѣ на душистомъ сѣнѣ. Придешь, бывало, пораньше, когда дѣдъ печетъ картошку и варитъ себѣ „кулішъ", сядешь возлѣ огонька и попросишь разсказать что-нибудь про старое время. Дѣдъ любилъ поболтать, особенно когда я приносилъ ему въ пузырькѣ немного водки, и долго разсказывалъ мнѣ о запорожцахъ, которыхъ онъ помнилъ,

о давнихъ запорожскихъ походахъ, о которыхъ во время его молодости говорилъ его дѣдъ, о жестокостяхъ прежнихъ помѣщиковъ *), и о томъ, какъ въ войну 1812 г. онъ былъ солдатомъ, какъ они гнали непріятеля изъ Россіи и какъ мерзлыхъ французовъ „складали въ сажни".

Молодой садъ доходилъ до берега р. Здвижа.

Люблю я такія небольшія тихія рѣчки. Въ нихъ, по моему, гораздо больше поэзіи, чѣмъ въ большихъ судоходныхъ рѣкахъ.

Здвижъ очень извилистъ и разнообразенъ. То онъ тихо течетъ между открытыми берегами неширокой и не очень глубокой полосой, съ совершенно прозрачною водой и чистымъ желтымъ песчанымъ дномъ; то онъ расширяется въ довольно обширные бассейны, обставленные высокими, ровными и очень густыми стѣнами очерета, въ темной водѣ этихъ бассейновъ и очень длинное весло не достигаетъ дна; то передъ мельничными запрудами онъ разливается въ широкія, больше сотни сажень, озера. А сколько звуковъ раздается на этой живой рѣкѣ! Они не умолкаютъ ни днемъ, ни ночью. Слышится и кряканье дикихъ утокъ, и пискъ куликовъ и малиновокъ, и жалобный свистъ водяныхъ курочекъ, и трубное гудѣніе выпи (по мѣстному „бугай"). Много дней и часовъ провелъ я съ удочками въ рукахъ на Здвижѣ,—и на берегу, и въ лодкѣ. И теперь по ночамъ живо вспоминаются иногда эти счастливые дни, и знакомые голоса рѣки снова звучатъ въ ушахъ прекрасною музыкой.

Большая часть дня занята была уженьемъ рыбы и купаньемъ по нѣсколько разъ въ день. Но нужно было и въ конюшню зайти, чтобы проѣхаться верхомъ, когда ведутъ лошадей на водопой, и въ скотный дворъ, и въ птичникъ заглянуть, и съ управляющимъ на поле или въ лѣсъ поѣхать. Дѣла было много, и дни пролетали съ стремительною быстротой, незамѣтно приближаясь къ окончанію каникулярнаго времени. За нѣсколько

*) Въ описываемое время генералъ-губернаторъ Бибиковъ издалъ уже свои „инвентари", которыми установлены были нормы для „панщины", а чрезмѣрныя жестокости помѣщиковъ онъ строго преслѣдовалъ, когда доходили до него жалобы объ этомъ.

дней до отъѣзда въ Кіевъ, на меня нападала тяжелая тоска. Для меня была невыносима мысль о близкой разлукѣ съ юровскимъ привольемъ, о возвращеніи въ суровую обстановку отцовскаго дома и о предстоящей зубристикѣ. И я отъѣзжалъ подальше на лодкѣ, уже безъ удочекъ, или забирался въ глухія мѣста парка и въ одиночествѣ выплакивалъ свое горе.

Большими для меня праздниками были дни, когда устраивались довольно отдаленныя экскурсіи.

Среди лѣта мы иногда всею семьей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ крѣпостныхъ дівчатъ, отправлялись въ казенный лѣсъ, верстахъ въ 12 отъ Юрова, собирать грибы и ягоды. Выѣзжали съ утра, взявъ самоваръ и запасъ провизіи на цѣлый день. Тетушка обыкновенно оставалась у табора и руководила кулинарнымъ дѣломъ, а всѣ остальные спѣшили разбрестись по лѣсу, постоянно весело перекликаясь, чтобы никто не отдалялся отъ компаніи и не заблудился въ большомъ темномъ лѣсу. Каждый, изъ соревнованія съ прочими, спѣшилъ наполнить свою корзинку. Къ вечеру цѣлые возы нагружались прекрасными грибами, душистою лѣсною малиной, черною смородиной и рѣдкою въ нашихъ лѣсахъ брусникой. Ужинали уже вечеромъ при свѣтѣ костровъ. На обратномъ пути я укладывался въ повозку и немедленно засыпалъ. Проснешься, бывало, отъ сильнаго толчка, посмотришь на звѣзды, и черезъ секунду снова засыпаешь. Никогда въ жизни я не испытывалъ такого сладкаго сна.

Еще съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю я болѣе продолжительные выѣзды во время косовицы. Въ Юровѣ было мало сѣнокосовъ, и дядя нанималъ на-скосъ обширныя поляны въ тѣхъ-же казенныхъ лѣсахъ. Изъ Юрова отправлялось туда до тридцати лучшихъ косарей. Везли большіе запасы хлѣба, крупъ, сала и проч. и боченокъ водки, такъ какъ пребываніе тамъ продолжалось дня три или четыре, пока скосятъ траву, сгребутъ постепенно высыхающее сѣно, сложатъ его въ копны и накладутъ огромные стоги, которые оставлялись на мѣстѣ до саннаго пути. Отправлялся туда на все время и управляющій и бралъ меня съ собой. Я усердно работалъ граблями, собиралъ грибы, дрова для

костра, участвовалъ въ стряпнѣ,—и все это дѣлалось съ особеннымъ наслажденіемъ. Вечеромъ, когда косари собирались къ костру ужинать, я съ жадностью слушалъ ихъ разсказы про разные страхи или очень смѣшныя исторіи, излагаемыя самымъ серьезнымъ тономъ, съ забавнымъ юморомъ и прибаутками, которые смѣшили меня до упаду.

Послѣ окончанія работы, косари получали увеличенную порцію водки, ужинали раньше и затѣмъ, со сложенными косами на плечахъ, выступали въ обратный путь. Обыкновенно, не смотря на усталость, они всю дорогу пѣли хоровыя пѣсни. Я всегда съ наслажденіемъ слушалъ ихъ и просилъ управляющаго не гнать лошадей. Двѣ или три версты мы ѣхали шагомъ, а потомъ я засыпалъ въ повозкѣ.

Тогда еще не умирала въ нашихъ селахъ память о вольномъ казачествѣ. Не забывалъ тогда народъ и старыхъ историческихъ думъ и пѣсенъ и съ одушевленіемъ распѣвалъ ихъ. Особенно помню я энергичный, напоминающій темпомъ походный маршъ, напѣвъ и слова пѣсни про славнаго Морозенка. Пѣли и про казака Байду и много другихъ.

Любилъ я слушать слѣпыхъ лирниковъ и кобзарей, которые нерѣдко навѣдывались въ юровскую усадьбу и пѣли старыя заунывныя казацкія думы. Помню, какъ старый кобзарь трогательнымъ дребезжащимъ голосомъ пѣлъ объ осадѣ турками почаевской лавры,—о томъ, какъ „Матіръ Божая почаівськая кулі вертала, турка вбивала, намастыръ рятувала".

Давно уже не поютъ у насъ въ селахъ этихъ прекрасныхъ старинныхъ думъ и пѣсенъ. Мужчины обыкновенно горланятъ безобразныя солдатскія пѣсни, а женщины, изрѣдка напѣвая за работой немногія сохранившіяся украинскія пѣсни, съ ихъ мелодичными напѣвами, большей частью забавляются грубыми романсами городскихъ мастеровыхъ, съ чуждыми, вовсе не музыкальными мотивами и исковерканными, иногда до безсмыслія, русскими словами.

Не поютъ уже и лирники про казацкую старину. Ихъ репертуаръ состоитъ изъ апокрифическихъ сказа-

ній „про божественное“ и изъ нелѣпыхъ шуточныхъ пѣсенъ „про чечоточку“ и „про Хому да Ярему“ *).

Вспоминается изъ далекаго дѣтства еще интересная бытовая сцена—проводы чумаковъ, отправлявшихся въ Крымъ за солью.

Юровскіе крѣпостные крестьяне не чумаковали. А, на другомъ берегу Здвижа расположено село Ситняки населенное бывшими казенными крестьянами. Имъ жилось гораздо вольнѣе, чѣмъ крѣпостнымъ, и они могли предпринимать чумацкія путешествія. Выѣзжали обыкновенно въ апрѣлѣ, окончивъ болѣе необходимыя весеннія работы, а возвращались черезъ три мѣсяца, къ началу жатвы.

Однажды весной, выходя послѣ обѣдни изъ ситняковской церкви, я увидѣлъ на площади большую толпу народа и десятка два возовъ, запряженныхъ рослыми круторогими волами. Оказалось, что это чумаки собрались въ далекій путь. Возы („мажи“) были больше обыкновеннаго размѣра, очень прочные и хорошо окованные. Они были нагружены сухарями и разными продовольственными припасами. Волы были хорошо откормлены. Чумаки были на-подборъ здоровые, рослые, въ чистыхъ сорочкахъ, въ новыхъ свиткахъ, съ длинными батогами въ рукахъ. Между ними было нѣсколько пожилыхъ, бывалыхъ, хорошо знакомыхъ съ предстоящимъ путемъ.

Вышелъ священникъ въ облаченіи и отслужилъ на площади напутственный молебенъ. Чумаки выслушали его, стоя на колѣняхъ и усердно молясь. Потомъ они поднялись, и старшій, обратясь къ толпѣ, громко и торжественно произнесъ: „Прощайте, панове громада!“. Но этимъ прощанье не ограничилось. Изъ толпы выбѣжало нѣсколько десятковъ бабъ, и начали онѣ лобызать

---

*) Считаю, впрочемъ, нужнымъ оговориться. Такая денаціонализація, выражающаяся, кромѣ того, въ измѣненіи старыхъ костюмовъ и головныхъ уборовъ и въ обильномъ заимствованіи великорусскихъ и книжныхъ словъ, иногда искажаемыхъ и употребляемыхъ совсѣмъ не кстати, особенно поражаетъ въ западной части черниговскаго уѣзда, гдѣ я живу, и вообще въ средней полосѣ нашей губерніи. Въ болѣе же южныхъ мѣстностяхъ Украины національность сохраняется въ болѣе чистомъ видѣ.

отъѣзжающихъ, съ рыданіями и жалобными причитаніями, какъ будто провожали ихъ на тотъ свѣтъ. Продолжалось это довольно долго. Наконецъ, старшій строго крикнулъ: „Годі! Рушаймо, хлопці!“.

Чумаки сняли шапки и, перекрестившись на церковь, еще разъ поклонились толпѣ. Заскрипѣла вереница возовъ, вытягиваясь въ длинную линію. Пожилые чумаки взяли по горсти земли, завязали ее въ тряпочки и повѣсили на шеи: если придется умереть въ дорогѣ, товарищи должны эту родную землю высыпать въ могилу.

Еще нѣсколько минутъ стояла толпа, провожая отъѣхавшихъ взглядами. Раздавались тихія всхлипыванія женъ и матерей. Скоро дорога поворачивала на югъ. Оттуда грянулъ хоръ прекрасной, давно забытой въ селахъ чумацкой пѣсни: — „Ой, высоко та сонечко сходыть, а нызенько заходыть; ой, тамъ нашъ батько, та нашъ панъ-отаманъ, гей, та по табору ходыть“...

Я былъ очень взволнованъ видѣннымъ, и, когда мы возвращались въ Юровъ, не могъ не выразить теткѣ овладѣвшаго мною желанія: какъ-бы я хотѣлъ поѣхать съ чумаками!

Безчисленныя свѣтлыя радости юровской жизни очень омрачались постоянно видѣннымъ мною жестокимъ обращеніемъ управляющаго съ крестьянами. Они никогда не слышали мягкаго ласковаго слова отъ грознаго „эконома“, какъ они его называли. Онъ обращался къ нимъ не иначе, какъ съ грубыми окриками и бранью, очень часто сопровождавшимися рукоприкладствомъ. Малѣйшая неисправность, забытое приказаніе,—словомъ все, что не нравилось эконому, вызывало толчки его тяжелой руки, сильныя пощечины или такія зуботычины кулакомъ, отъ которыхъ текла кровь изо рта потерпѣвшаго.

Помню курьезный случай съ этимъ рукоприкладствомъ. Однажды я ѣхалъ съ управляющимъ черезъ Коптіевку. Среди этой деревеньки стоялъ шинокъ. Услыхавъ пьяную пѣсню изъ шинка, управляющій остановилъ лошадей и быстро вошелъ туда. Тамъ оказалось трое крестьянъ, уклоняющихся отъ работы. Посыпалась брань и пущены были въ ходъ кулаки.

„А ты зачѣмъ тутъ сидишь?“ накинулся управляющій на какого-то человѣка, сидящаго въ шапкѣ за столомъ и курящаго трубку..

Сидящій, глядя съ улыбкой на разсвирѣпѣвшаго эконома, на повторенный послѣднимъ грозный вопросъ, пустилъ изо рта прямо ему въ лицо струю табачнаго дыма.

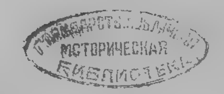
Трубка вылетѣла изъ зубовъ курящаго отъ сильнаго полученнаго имъ удара кулакомъ въ ухо.

Потерпѣвшій вскочилъ.

„А це що?!“ крикнулъ онъ, откинувъ полу бывшей на немъ верхней одежды, подъ которой оказался солдатскій мундиръ, и показывая на георгіевскій крестъ, полученный за венгерскую кампанію.

„Я тобі покажу!“ добавилъ онъ, поднимая трубку.

Здвижъ служитъ границею между кіевскимъ и радомысльскимъ уѣздами. Дядя долго арендовалъ казенныя земли въ ситняковской дачѣ, и управляющій часто туда ѣздилъ. Мѣсяца черезъ два послѣ описаннаго случая въ Коптіевкѣ, пріѣзжаетъ въ юровскую усадьбу становой приставъ для производства дознанія по дѣлу объ оскорбленіи дѣйствіемъ георгіевскаго кавалера такого-то. Приставу заявляютъ, что управляющій уѣхалъ въ Ситняки. Составляется протоколъ о ненахожденіи отвѣтчика въ мѣстѣ его жительства и о выѣздѣ его въ радомысльскій уѣздъ. Протоколъ этотъ отсылается въ радомысльское полицейское управленіе. Черезъ нѣсколько времени, оттуда командируется въ Ситняки для дознанія становой приставъ. Тамъ ему говорятъ, что управляющаго нѣтъ, и что онъ живетъ въ Юровѣ. Снова протоколъ о ненахожденіи, отсылаемый въ кіевское полицейское управленіе. Эта комедія съ выѣздами приставовъ и съ протоколами повторялась много разъ. Несомнѣнно, это продѣлывалось вслѣдствіе ходатайствъ и приношеній дяди, чтобы свести всю эту исторію на-нѣтъ. Помню, какъ за обѣденнымъ столомъ въ Юровѣ неоднократно посмѣивались надъ тѣмъ, какой расходъ на бумагу вызванъ описаннымъ случаемъ и какія огромныя „дѣла“ объ этомъ накопились въ двухъ полицейскихъ управленіяхъ.

Самое тяжелое воспоминаніе вызываетъ во мнѣ сѣченіе крѣпостныхъ, производившееся у крыльца квартиры управляющаго по субботамъ.

Правою рукою управляющаго былъ высокій красивый крестьянинъ Мыкола. Его почему-то звали эсауломъ. Каждый вечеръ онъ являлся къ управляющему и подробно докладывалъ, какія работы произведены за день, кто ихъ выполнялъ, кто сколько нажалъ, накосилъ, навязалъ и т. д. Совершенно неграмотный, Мыкола излагалъ докладъ по своимъ „биркамъ", т. е. гладкимъ палочкамъ, на которыхъ нарѣзаны были прямые черточки и крестики. Онъ-же сообщалъ о томъ, кто не явился на работу, кто не выполнилъ установленнаго урока и о разныхъ другихъ провинностяхъ. Въ субботу, послѣ захода солнца, эсаулъ приводилъ виновныхъ къ лобному мѣсту, гдѣ уже приготовлены были розги. Передъ наступленіемъ экзекуціи, я всегда убѣгалъ какъ можно дальше, чтобы не слышать раздирающихъ воплей истязуемыхъ. Бѣжалъ я на пасѣку къ Кириллѣ и зарывался въ сѣно, но ужасные звуки доносились туда. Я бѣжалъ дальше къ рѣкѣ, ложился на землю, плотно закрывалъ руками уши и рыдалъ горькими слезами. Но вопли и тамъ преслѣдовали меня. Въ субботніе вечера я всегда опаздывалъ къ ужину и сидѣлъ за столомъ, почти не прикасаясь къ пищѣ. Дядя и тетка видѣли, конечно, мой разстроенный видъ и заплаканные глаза и понимали причину моего настроенія. Они были добрые люди, и я не помню, чтобы въ обращеніи съ прислугой и рабочими они прибѣгали къ физическимъ воздѣйствіямъ. Но они признавали необходимость и спасительность розги. Мнѣ-же они не старались внушить своего убѣжденія и на эту тему никогда не говорили со мной ни слова.

Въ ближайшіе послѣ субботы дни, на приглашеніе управляющаго поѣхать съ нимъ куда-нибудь я всегда отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ.

Когда возникаютъ теперь въ моей памяти со всей живостью эти впечатлѣнія, я чувствую, что нижняя губа начинаетъ дрожать, какъ 60 лѣтъ назадъ, и къ глазамъ подступаютъ слезы жалости и негодованія.

II.

Гимназія.

Въ 1852 году, когда мнѣ не было еще десяти лѣтъ, я поступилъ въ первый классъ кіевской второй гимназіи (приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ тогда не было).

Гимназія эта помѣщалась тогда на углу Б. Владимірской улицы, противъ университетской стѣны, въ домѣ проф. Козлова. За этимъ домомъ къ западу, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ быстро началъ возникать новый обширный городъ, тогда были только зеленые холмы, на которыхъ гимназисты играли въ мячъ во время перемѣнъ между уроками.

Вообще не могу, кстати, не сказать, что очень немного найдется въ Россіи городовъ, которые могутъ сравниться съ Кіевомъ по быстротѣ территоріальнаго расширенія и застройки. Бабушка, прожившая до глубокой старости, разсказывала мнѣ, что лѣтъ за тридцать до описываемаго времени, когда ѣздили изъ стараго Кіева въ Печерскую лавру, нужно было возвращаться засвѣтло, такъ какъ все пространство отъ Крещатика почти до самой лавры было покрыто густымъ лѣсомъ, по которому вечеромъ опасно было проѣзжать.

Попечителемъ кіевскаго учебнаго округа былъ тогда ген.-губ. Бибиковъ (впослѣдствіи министръ вн. дѣлъ). Я не помню, чтобы этотъ боевой генералъ, лишившійся руки на войнѣ, пріѣзжалъ когда-нибудь въ гимназію во время уроковъ. Я видѣлъ его только одинъ разъ во дворѣ гимназіи. Тогда насъ въ послѣобѣденные часы обучали маршировкѣ. Учителемъ былъ офицеръ,

приходившій изъ кадетскаго корпуса, который помѣщался противъ нашей гимназіи, гдѣ теперь первая гимназія. Въ эти часы и пріѣхалъ однажды Бибиковъ посмотрѣть на нашу военную выправку. Помню, что онъ постоялъ нѣсколько минутъ, махнулъ рукой, разставилъ широко свои длинныя ноги и приказалъ самымъ маленькимъ первоклассникамъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, пробѣжать между его ногъ. Урокъ маршировки былъ сокращенъ по распоряженію милостиваго начальства.

Помощникомъ попечителя былъ отставной гвардеецъ Юзефовичъ, оставившій по себѣ весьма не лестную славу, о чемъ уже неоднократно писали. Объ этомъ гвардейскомъ руководителѣ просвѣщенія ходило въ свое время нѣсколько очень характерныхъ разсказовъ. Разсказывали о посѣщеніи Имп. Николаемъ I кіевскаго университета, кажется, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ актовомъ залѣ выстроились во фронтъ всѣ профессора въ мундирахъ. На флангѣ стоялъ Юзефовичъ. Попечитель округа представлялъ всѣхъ. Когда очередь дошла до фланговаго, Императоръ, помнившій его по гвардейскимъ смотрамъ, выразилъ свое удивленіе: „А, Юзефовичъ! И ты въ ученые попалъ?“ Объ этомъ „ученомъ“ разсказывали еще такой анекдотъ. Вступивъ въ должность помощника попечителя, онъ осматривалъ университетъ и существовавшія тогда общія квартиры студентовъ. Въ этихъ квартирахъ онъ остановился въ комнатѣ для занятій, посмотрѣлъ на потолокъ и рѣшилъ: „Здѣсь нужно повѣсить большую лампу. Но постарайтесь, чтобы она пришлась на самой серединѣ потолка“. Профессоръ математики прислужился и объяснилъ, что нужно провести двѣ діагонали и на пересѣченіи ихъ будетъ центръ. „Ну, такъ закажите сдѣлать эти діагонали на мой счетъ“, распорядился Юзефовичъ. Въ университетскихъ помѣщеніяхъ ему показывали кабинеты физическій, зоологическій, орнитологическій и другіе. Сначала онъ интересовался всѣмъ. Потомъ, когда дѣло дошло до геологіи, палеонтологіи, нумизматики, ему стало скучно, и онъ проходилъ дальше мимо затворенныхъ дверей кабинетовъ, причемъ ректоръ только пояснялъ, что помѣщается

за этими дверями. Между прочимъ, онъ упомянулъ о гербаріи. Юзефовичъ остановился и приказалъ, чтобы къ слѣдующему его пріѣзду разыскали его гербъ и показали ему.

Этотъ-же „ученый“, какъ извѣстно, вкравшись въ довѣріе Костомарова, обвинявшагося въ организаціи противозаконнаго сообщества, выманилъ у него компрометтирующую его рукопись, будто-бы для того, чтобы скрыть ее отъ обыска, а затѣмъ представилъ ее жандармамъ.

Юзефовичъ долго былъ предсѣдателемъ археографической комиссіи при университетѣ по разбору древнихъ актовъ юго-западнаго края, главнымъ работникомъ въ которой былъ покойный уважаемый профессоръ В. Б. Антоновичъ. Въ работахъ этой комиссіи ея предсѣдатель, конечно, ничего не понималъ, но, говорятъ, ничему въ нихъ и не мѣшалъ.

Остается еще упомянуть объ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ достойномъ дѣяніи Юзефовича.

Въ шестидесятыхъ годахъ открыто было въ Кіевѣ отдѣленіе географическаго общества. Въ работахъ его немедленно приняли участіе лучшія научныя и интеллигентныя силы и въ томъ числѣ близко извѣстный мнѣ П. П. Чубинскій, въ короткое время успѣвшій, съ нѣсколькими сотрудниками, произвести массу изслѣдованій въ юго-западномъ краѣ и издавшій нѣсколько большихъ томовъ результатовъ этихъ изслѣдованій. Много другихъ солидныхъ работъ издало отдѣленіе, но долго поработать ему не пришлось: въ началѣ семидесятыхъ годовъ оно было закрыто. Всѣ тогда были убѣждены, что закрытіе послѣдовало вслѣдствіе доноса Юзефовича, обвинившаго членовъ отдѣленія въ неблагонадежности и украинскомъ сепаратизмѣ. Въ этомъ обвиненіи больше всѣхъ скомпрометтированъ былъ М. П. Драгомановъ, читавшій тогда въ университетѣ лекціи по всеобщей исторіи.

Не могу не посвятить нѣсколькихъ строкъ Павлу Платоновичу Чубинскому, дорогому товарищу и другу моей юности, скончавшемуся слишкомъ рано,—тѣмъ болѣе, что объ этомъ очень выдающемся человѣкѣ въ прессѣ, помнится, сообщено было очень мало.

Съ Чубинскимъ я учился на одной скамьѣ въ гимназіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. У него были блестящія способности и замѣчательная память. Почти ничего не дѣлая, онъ шелъ впереди всѣхъ. Въ шестомъ классѣ онъ надѣлалъ крупныхъ дерзостей учителю французскаго языка Малербу и былъ исключенъ изъ гимназіи. Немедленно онъ поѣхалъ въ Петербургъ, прошелъ быстро все, что полагается въ программахъ шестого и седьмого классовъ, и выдержалъ экзаменъ въ университетъ. Такимъ образомъ, онъ очень опередилъ меня и вернулся въ Кіевъ съ университетскимъ дипломомъ, когда мнѣ оставалось еще полтора года до окончанія курса. Проживъ недолго на своей родинѣ, въ м. Борисполѣ полтавской губ., верстахъ въ 40 отъ Кіева, онъ затѣмъ поселился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ, постоянно принимая участіе въ кружковыхъ студенческихъ собраніяхъ, преимущественно въ украинскихъ. Говорилъ онъ прекрасно, съ большимъ одушевленіемъ и остроуміемъ и притомъ чрезвычайно быстро, какъ будто слова не могли угнаться за его бѣгущими мыслями.

Собрались мы однажды вечеромъ у товарища, жившаго въ довольно просторной комнатѣ *). Было насъ человѣкъ около пятнадцати. По обыкновенію, сложились по гривеннику, принесли булокъ и колбасы, появился на столѣ большой самоваръ,—и пошли жаркіе дебаты. А жгучихъ темъ для дебатовъ, какъ дальше будетъ сказано, у насъ тогда было довольно.

Часовъ около десяти неожиданно появился въ комнатѣ полиціймейстеръ.

— „Извините, господа", — очень любезно сказалъ онъ: „я помѣшаю вашей бесѣдѣ на самое короткое время. Есть-ли между вами г. Чубинскій?"

— Я Чубинскій,—заявилъ нашъ витія, раскраснѣвшійся отъ прерванной азартной рѣчи, — что вамъ угодно?

— „Я попрошу васъ, г. Чубинскій, съѣздить со мной на часокъ для полученія отъ васъ нѣкоторыхъ свѣдѣній. Будьте покойны, господа",—добавилъ поли-

*) Тогда за такую комнату платили три рубля въ мѣсяцъ.

ційместеръ, обращаясь къ намъ: „черезъ часъ я доставлю сюда вашего товарища, и онъ окончитъ начатую рѣчь“.

Прождали мы часа три. Увезенный не являлся,—и мы разошлись по домамъ, удрученные тяжелымъ предчувствіемъ.

Рѣчь осталась не оконченною, а часъ ожиданія растянулся на десять лѣтъ: Чубинскаго въ ту же ночь увезли съ жандармами въ архангельскую губ.

О жизни Чубинскаго въ Архангельскѣ и объ освобожденіи его изъ ссылки я разскажу со словъ самого Чубинскаго.

Когда я уже былъ на службѣ въ Черниговѣ, однажды вечеромъ, приблизительно въ 1871 г., раздался звонокъ у входной двери моей квартиры. Я вышелъ встрѣтить пришедшаго—и остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Павлуша! Какими судьбами?— вскрикнулъ я, съ величайшей радостью обнимая дорогого товарища.

Онъ вошелъ, горячо привѣтствовалъ мою жену, облобызалъ дѣтей и сразу завоевалъ ихъ симпатіи. Онъ былъ такой-же живой и кипучій, какъ прежде,—но я замѣтилъ, что у него не такой могучій видъ, какъ въ юности. Очевидно было, что сѣверная природа не очень благотворно повліяла на его здоровье.

Мы усѣлись пить чай, и вотъ что разсказалъ онъ мнѣ:

Когда его привезли въ Архангельскъ, тамъ былъ умный и просвѣщенный губернаторъ князь Гагаринъ. Собравъ свѣдѣнія о новомъ ссыльномъ, Гагаринъ познакомился съ нимъ и, оцѣнивъ его познанія и способности, опредѣлилъ его на должность секретаря губернскаго статистическаго комитета. Но Чубинскій не могъ довольствоваться казенными статистическими матеріалами и шаблоннымъ подведеніемъ итоговъ, почти ничего не дающихъ для ознакомленія съ дѣйствительнымъ состояніемъ края. Онъ составилъ подробную программу статистическаго, экономическаго и этнографическаго изслѣдованія губерніи. Программа была утверждена, и Чубинскій же назначенъ былъ ея исполнителемъ. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ съ нѣсколькими сотрудниками, тоже изъ интеллигентныхъ ссыльныхъ,

исколесилъ всю губернію, собралъ массу интереснѣйшаго матерьяла, затѣмъ обработалъ его, и эта работа была издана комитетомъ *).

Эти труды, а также почтенныя изслѣдованія другого ссыльнаго П. С. Ефименка служатъ драгоцѣннѣйшими источниками для изученія архангельскаго края.

Прошло года четыре. Истосковавшись по родинѣ и чувствуя, что здоровье не выдерживаетъ сѣвернаго климата, Чубинскій началъ просить губернатора объ исходатайствованіи ему разрѣшенія переѣхать на югъ. Губернаторъ очень сочувственно отнесся къ этой просьбѣ и сдѣлалъ самое благопріятное для просителя представленіе въ министерство. Представленіе оставлено безъ отвѣта. Обиженный такимъ невниманіемъ, онъ еще нѣсколько разъ хлопоталъ объ освобожденіи Чубинскаго, — и все безуспѣшно. Впослѣдствіи оказалось, что причиной этого былъ мѣстный жандармскій полковникъ, который употреблялъ всѣ мѣры, чтобы представленія губернатора не были удовлетворены, въ отместку за то, что Чубинскій не оказывалъ ему никакого почтенія и даже совершенно его игнорировалъ.

Помощь пришла съ другой стороны. Труды Чубинскаго были представляемы въ географическое общество, предсѣдателемъ котораго былъ тогда в. кн. Константинъ Николаевичъ. Труды эти были оцѣниваемы тамъ по достоинству, и авторъ ихъ включенъ былъ въ составъ членовъ общества. Въ это время искали знатока

---

*) Въ это же, приблизительно, время мнѣ пришлось познакомиться съ тѣмъ, какъ „отбывается“ казенная статистика. Тогдашній черниговскій губернаторъ, тоже просвѣщенный, князь Голицынъ, пригласилъ моего товарища, учителя гимназіи Константиновича, завѣдывать статистическимъ комитетомъ. Константиновичъ показывалъ мнѣ бланки для изслѣдованія Россіи, издававшіеся центральнымъ комитетомъ. Въ рубрикѣ о скотоводствѣ есть и мулы, и олени, и ослы, и буйволы; въ рубрикѣ о религіяхъ есть и язычники, и буддисты, и огнепоклонники и т. д. Словомъ, много такого, чего въ нашей губерніи вовсе нѣтъ. Бланки заполнялись полиціей и волостными правленіями. Нельзя-же оставить бланки не заполненными: начальство, пожалуй, будетъ недовольно. И вносились произвольныя цифры оленей, огнепоклонниковъ и т. п. Да и большинство другихъ цифръ вносилось на-угадъ. Затѣмъ въ канцеляріи губернатора итоги подводились и отсылались въ центральный комитетъ. Бумага все терпитъ.

архангельскаго края для ознакомленія съ нимъ в. кн. Алексѣя Александровича, собиравшагося совершить путешествіе въ этотъ край. Географическое общество порекомендовало Чубинскаго, и онъ, помимо губернатора и жандарма, вызванъ былъ въ Петербургъ. Выполнивъ прекрасно свою задачу и получивъ приличный гонораръ и въ знакъ особой благодарности довольно цѣнный перстень, пріятель мой началъ хлопоты о томъ, чего такъ безуспѣшно добивался кн. Гагаринъ. Хлопоты, при помощи сильной протекціи, скоро увѣнчались полнымъ успѣхомъ и Чубинскому была выдана бумага о разрѣшеніи свободнаго жительства по всей Россіи, *за исключеніемъ архангельской губерніи.*

— Что за вздоръ!—не могъ я не выразить сомнѣнія относительно подчеркнутыхъ словъ.

— Да ты пойми,—пояснилъ разсказчикъ: а что, еслибы я нарочно поѣхалъ въ Архангельскъ и показалъ носъ жандармскому полковнику? Нужно-же оберегать своихъ агентовъ отъ такихъ пассажей.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана министерскую бумагу, въ концѣ которой были слова, возбудившія во мнѣ сомнѣніе.

Опять я очень забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ своей гимназіи.

Въ началѣ моего пребыванія въ гимназіи, директоромъ былъ Ригельманъ, составитель извѣстной исторіи Малороссіи. Тогда директоръ второй гимназіи былъ вмѣстѣ и директоромъ казенныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ по всей кіевской губерніи. Занятый перепиской по этимъ училищамъ, а иногда и разъѣздами для ихъ ревизіи, Ригельманъ почти не показывался въ гимназіи, и я его почти не помню. Пробылъ онъ директоромъ не долго. Также смутно помню я и его преемника Стеблинъ-Каменскаго, тоже скоро выбывшаго и, помнится, назначеннаго потомъ виленскимъ губернаторомъ. Третьимъ директоромъ былъ Гренковъ. Онъ пробылъ въ этой должности до окончанія мною гимназіи. Его я хорошо помню. Онъ часто ходилъ по корридорамъ, слѣдя за порядкомъ и тишиной и за тѣмъ, чтобы учителя своевременно расходились по классамъ. Иногда присутствовалъ и на урокахъ. Ученикамъ онъ

дѣлалъ строгія внушенія, таскалъ ихъ за уши, а при болѣе значительныхъ провинностяхъ, призывалъ инспектора и приказывалъ ему внести виновнаго въ списокъ подлежащихъ субботней расправѣ. Мы его очень боялись. Бѣжишь, бывало, по корридору послѣ перемѣнки, когда всѣ уже разошлись по классамъ, и натолкнешься на грознаго директора. Отъ страха душа уходитъ въ пятки и сердце усиленно бьется.

Инспекторомъ былъ около пяти лѣтъ отставной офицеръ Монаховъ. Онъ и носилъ долго военную форму. Въ то время, какъ извѣстно, мало обращали вниманія на то, чтобы человѣкъ имѣлъ подготовку къ отправленію должности, на которую онъ назначается. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Монаховъ ничего не преподавалъ и въ преподаваніе другихъ не вмѣшивался. Онъ смотрѣлъ за внѣшнимъ порядкомъ, а главное—исполнялъ обязанность, къ выполненію которой былъ, несомнѣнно, подготовленъ: каждую субботу онъ ходилъ по классамъ, вызывалъ по списку получившихъ въ теченіе недѣли единицы или замѣченныхъ въ болѣе крупныхъ проказахъ, уводилъ ихъ, и подъ его наблюденіемъ производилась порка виновныхъ.

Я ни разу не подвергался этому позорному наказанію. Боясь строгости отца, я порядочно учился и избѣгалъ участвовать въ значительныхъ шалостяхъ, за которыя полагалось сѣченіе. Сидѣлъ я нѣсколько разъ въ карцерѣ за участіе въ проказахъ цѣлаго класса, отъ которыхъ безчестно было уклоняться, да иногда стоялъ на колѣняхъ и подвергался колотушкамъ за мелкія провинности въ классѣ.

А можетъ быть, избавленіе меня отъ розги объясняется и другой причиной. Отецъ мой раза два или три въ годъ приглашалъ къ себѣ директора, инспектора и учителей. Долго сидѣли за зелеными столами, причемъ, хорошо помню, начальство всегда выигрывало, и вечеръ оканчивался обильнымъ ужиномъ.

Считаю, впрочемъ, нужнымъ оговориться. Розга, вообще, въ глазахъ гимназистовъ не считалась тогда позоромъ. Въ нашемъ классѣ были „старики“, не учившіе никогда уроковъ, ежедневно получавшіе единицы, грубившіе учителямъ и почти каждую субботу под-

вергавшіеся поркѣ, да еще въ усиленной пропорціи. При этомъ они не издавали ни одного крика и возвращались послѣ экзекуціи въ классъ съ побѣдоноснымъ гордымъ видомъ. Мы, малыши, побаивались ихъ и смотрѣли на нихъ съ почтеніемъ, какъ на героевъ.

Изъ учителей низшихъ классовъ скажу о немногихъ, образы которыхъ, къ сожалѣнію, далеко не симпатичные, особенно рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти.

Учителемъ русскаго языка въ началѣ былъ Ковалевскій. Онъ былъ очень строгъ, что, однако, не помѣшало намъ въ первомъ классѣ продѣлать съ нимъ жестокую пакость, о которой сообщу послѣ. Онъ обучалъ насъ очень недолго и куда-то выбылъ. Преемникомъ его былъ Березницкій. Онъ былъ усерднымъ поклонникомъ Бахуса и приходилъ обыкновенно въ классъ въ пьяномъ угарѣ послѣ вчерашнихъ возліяній. Садясь за столъ, онъ клалъ передъ собой журналъ, табакерку, красный платокъ и щеточку, которою часто приглаживалъ напередъ свои виски. Грамматику мы должны были точно вызубривать по учебнику Востокова. Синтаксическимъ разборомъ не занимались. Тогда, помнится, на это мало обращали вниманія. Часто писали подъ диктовку и заучивали много стихотвореній. Березницкій былъ очень требователенъ и за незнаніе урока, ошибки въ диктовкѣ или за невниманіе и шалости въ классѣ, виновный призывался къ столу и получалъ десятки больныхъ ударовъ щеточкой по лѣвой ладони.

Вообще нужно сказать, что на русское правописаніе во всѣхъ классахъ тогда обращали большое вниманіе, и я, при окончаніи гимназіи, писалъ совершенно безошибочно, чѣмъ, къ сожалѣнію, не могутъ похвалиться многіе, оканчивающіе въ послѣднее время университетъ.

Нѣмецкому языку обучалъ Іензенъ. Онъ былъ довольно добродушный нѣмецъ. Образованіе его было очень скудно; по-русски онъ говорилъ безобразно,—и потому никакихъ объясненій не могъ намъ давать. Все зазубривалось, почти безъ всякаго пониманія. За незнаніе урока и невниманіе нѣмецъ подзывалъ ученика къ себѣ, заставлялъ сложить вмѣстѣ концы пальцевъ

лѣвой руки и по этимъ концамъ очень больно билъ линейкой. Научился я отъ него очень немногому.

Французскій языкъ преподавалъ Лабенскій. Это былъ польскій французъ или французскій полякъ. Въ рѣчи его оба эти языка смѣшивались съ русскимъ, но польскіе слова и акцентъ преобладали. Онъ былъ тоже очень мало образованъ и былъ не въ состояніи что-нибудь толково объяснить. Онъ постоянно суетился, бѣгалъ по классу, кричалъ, ругалъ насъ и дѣлалъ наставленія.

„Родители безъ подштанниковъ ходятъ, а вы не промышляете. А, лайдаки! На коляна! A genoux!“ Кричитъ, бывало, онъ.

И весь классъ разражается громкимъ хохотомъ.

Вообще смѣха на этихъ урокахъ, вызываемаго уродливымъ языкомъ учителя, было гораздо больше, чѣмъ ученія,—и, конечно, изъ этихъ уроковъ мы вынесли очень мало познаній.

Географіи мы учились у Нехаевскаго. Зубрили учебникъ Ободовскаго и изъ его рамокъ не выходили. Но Нехаевскій постоянно заставлялъ насъ рисовать карты, часто задавалъ отрывочные вопросы изъ пройденнаго, и мы порядочно знали географію и на экзаменъ шли почти безъ приготовленія.

Съ большой любовью вспоминаю я учителя латинскаго языка Ивана Даниловича Юскевичъ-Красковскаго*). Онъ былъ большимъ знатокомъ своего предмета. Чтобы показать красоты языка и возбудить въ насъ охоту къ его изученію, онъ часто съ большимъ воодушевленіемъ произносилъ наизусть цѣлыя страницы изъ рѣчей Цицерона. Бранилъ онъ насъ нерѣдко, но мы чувствовали, что это дѣлается добродушно, любили его и усердно учили его уроки, что давалось намъ легко, благодаря толковымъ объясненіямъ въ классѣ. Затѣвая постоянно разныя проказы противъ другихъ учителей, я не помню случая, чтобы мы сознательно сдѣлали Ивану Даниловичу какую-нибудь непріятность. Къ сожалѣнію, мы недолго учились у него: онъ былъ уже довольно старъ

---

*) Преподаваніе латинскаго языка начиналось тогда съ четвертаго класса.

и скоро вышелъ въ отставку. Но онъ заложилъ хорошій фундаментъ, и въ слѣдующихъ классахъ латынь насъ не затрудняла. До большой премудрости,—до одъ Горація, метаморфозъ Овидія мы не доходили, но Корнелія Непота, Саллюстія и даже Цицерона мы въ седьмомъ классѣ переводили довольно легко, чуть-ли не лучше многихъ классиковъ, выходящихъ въ послѣднее время изъ университета. Иванъ Даниловичъ прожилъ еще долго въ отставкѣ и, какъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, разносторонне образованный и горячій украинофилъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ кіевскихъ интеллигентныхъ кругахъ.

Такою-же любовью сопровождается воспоминаніе мое объ Иванѣ Максимовичѣ Сошенкѣ, обучавшемъ насъ рисованію. Рисовать онъ насъ не научилъ. Но это былъ чрезвычайно любвеобильный человѣкъ, и обращеніе его съ нами было всегда мягкое и ласковое, да еще съ разными украинскими шутками и поговорками. Къ разнымъ проказамъ въ классѣ, направленнымъ противъ него, онъ относился очень добродушно. Я увѣренъ, что если мы вынесли изъ гимназіи что-нибудь порядочное въ воспитательномъ смыслѣ, то этимъ мы обязаны Ивану Максимовичу и немногимъ другимъ, воспитавшимъ въ насъ добрыя чувства своимъ мягкимъ, участливымъ человѣческимъ отношеніемъ къ намъ. Какъ непохожи на этихъ симпатичныхъ людей нынѣшніе педагоги въ футлярахъ, за рѣдкими исключеніями, относящіеся къ ученикамъ съ сухимъ чиновничьимъ формализмомъ, безъ всякаго сердечнаго участія къ нимъ!

Сошенко былъ товарищемъ по художественной академіи и близкимъ другомъ Шевченка. Узнавъ объ этомъ и увлекаясь въ высшихъ классахъ гимназіи чтеніемъ ходившихъ по рукамъ стихотвореній великаго Тараса въ писанномъ видѣ, я однажды попросилъ у Ивана Максимовича разрѣшенія зайти къ нему на квартиру. Онъ любезно пригласилъ меня, и я провелъ у него съ десятокъ незабвенныхъ вечеровъ. Угощая меня чаемъ, хозяинъ много разсказывалъ о своемъ славномъ другѣ.

Тогда была издана только миніатюрная тощая книжечка стихотвореній Шевченка. Въ ней была помѣщена „Катерина“ и еще что-то маленькое. Я какъ-то спро-

силъ Сошенка, можно-ли довѣрять подлинности тѣхъ рукописей, которыя я читалъ съ такою жадностью.

„Бачивъ я ці листки“, отвѣтилъ онъ, „та багато тамъ набрехано. А ось подывысь на правдыве Тарасове писанне“.

И онъ отперъ завѣтный ящикъ, вынулъ довольно толстую пачку писанной бумаги и показалъ ее мнѣ, какъ святыню.

Это были поэмы и другія стихотворенія, писанныя рукою самого Шевченка. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на это сокровище и попросилъ разрѣшенія переписать все. Сошенко далъ это разрѣшеніе, но съ тѣмъ, чтобы я писалъ тутъ-же, въ его квартирѣ, и съ предостереженіемъ, чтобы переписанное я показывалъ другимъ съ большимъ выборомъ и осторожностью. Не мало часовъ употребилъ я на эту переписку и потомъ переплелъ все. Книжка эта, къ сожалѣнію, не сохранилась.

Прежде, чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ о высшихъ классахъ гимназіи, слѣдуетъ еще разсказать о болѣе крупныхъ шалостяхъ и проступкахъ, которые мы продѣлывали, получая, однако, за нихъ не очень крупныя возмездія. Эти пакости, нужно признаться, отличались часто большой грубостью и жестокостью. Иниціаторами и подстрекателями въ этихъ дѣлахъ были обыкновенно старики, о которыхъ я говорилъ. Тогда не запрещалось сидѣть болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ классѣ. Когда я поступилъ въ первый классъ, я засталъ тамъ трехъ братьевъ Алексѣевыхъ. Это были рослые ребята. Старшій уже нѣсколько лѣтъ брилъ бороду. Вѣроятно, они просидѣли лѣтъ по шести въ этомъ классѣ. Въ слѣдующихъ низшихъ классахъ тоже довольно было такихъ, которымъ жениться пора. Эти господа никогда не учили уроковъ, не выполняли письменныхъ работъ и съ презрѣніемъ смотрѣли, какъ учитель ставилъ имъ въ журналъ единицы и нули. Очевидно, они хотѣли доказать и родителямъ, и начальству полную безполезность своего пребыванія въ гимназіи. Надоѣли имъ и гимназическія стѣсненія, и порка, которой они подвергались почти каждую субботу, и они рвались на волю. Въ своей скучной праздности они только и занимались измышленіемъ разныхъ пакостей

противъ учителей и гимназическаго начальства. А за ними тянулись и мы, малыши, частью изъ озорства, а главнымъ образомъ, изъ боязни передъ этими „героями“, отъ которыхъ мы нерѣдко получали порядочныя трепки.

Какъ я уже упоминалъ, съ грознымъ учителемъ Ковалевскимъ продѣлали въ первомъ классѣ такую гадость: къ двернымъ косякамъ вершка на два отъ пола прибили небольшіе гвозди и между ними протянули крѣпкую бичевку. Ковалевскій,входя въ классъ,зацѣпился и грохнулся на полъ. Поднявшись съ окровавленнымъ лицомъ, онъ вышелъ, угрожая намъ жестокой карой. Но одинъ изъ героевъ подбѣжалъ къ двери, быстро вырвалъ гвозди, снялъ бичевку и слѣды преступленія выбросилъ за окно. Минуты черезъ три явилось начальство, начались грозные допросы, но отъ всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: господинъ учитель упалъ, потому что поскользнулся. Такъ мы и избавились отъ всякой кары. А главная цѣль была достигнута: урока не было.

Иногда, для достиженія той-же цѣли, зимой на горячую печку бросали передъ урокомъ что-нибудь жирное. По классу разносился невыносимый угаръ. Учитель, войдя въ классъ, спѣшилъ выйти. Наши головы трещали, и мы тоже бѣжали за нимъ. Цѣлый часъ шло провѣтриваніе класса, а мы въ это время весело бѣгали по двору. Когда „нѣмецъ“ или „французъ“ входили въ классъ, мы всегда читали молитву, но не установленную коротенькую „Преблагій Господи...“, а заводили длинное чтеніе псалма „Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей...“ и Символа вѣры. Читали медленно, съ умиленіемъ и усердно крестились. Въ этомъ чтеніи проходило около четверти часа.

Домъ Козлова былъ мало приспособенъ для учебнаго заведенія. Въ нижнемъ этажѣ одна дверь вела въ полутемную комнату, освѣщенную только изъ свѣтлаго наружнаго корридора. По стѣнамъ этой комнаты были стоячія вѣшалки для верхняго платья, а двѣ двери изъ нея вели во второй и третій классы. Однажды на большой перемѣнѣ, передъ урокомъ Лабенскаго, мы, второклассники, произвели въ классѣ ужасный кавардакъ: скамьи раздвинули по всему классу и перевернули вверхъ дномъ, повалили классную доску, опрокинули учитель-

скій столъ и стулъ, а сами вышли въ темную комнату и спрятались за вѣшалками. Раздался звонокъ и послышались быстрые шаги Лабенскаго. Несомнѣнно, онъ былъ очень доволенъ тѣмъ,что вмѣсто обычнаго гвалта онъ застаетъ въ классѣ такую небывалую тишину. Но—отворилась дверь, онъ отшатнулся въ изумленіи, пробормоталъ какое-то польское ругательство и устремился назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились директоръ, инспекторъ и надзиратель. А учениковъ нѣтъ. Зовутъ швейцара. Уходили-ли ученики въ парадную дверь?—Оказывается, что вышли только немногіе, отпущенные надзирателемъ. Зовутъ привратника, дежурившаго у воротъ. Тотъ докладываетъ, что въ ворота и калитку никто изъ учениковъ не выходилъ. Посылаютъ на чердакъ искать виновныхъ. Помню, что я въ это время волновался и отъ страха передъ предстоящимъ наказаніемъ, и въ то-же время давился отъ смѣха, слыша, какъ мы одурачили начальство.—Но, пока вернулись посланные на чердакъ, кто-то догадался и отодвинулъ вѣшалку. Преступники оказались такъ близко. Директоръ накричалъ на насъ и ушелъ съ угрозами. Долго возились, пока возстановили порядокъ въ классѣ. Половина урока пропала, но, по окончаніи уроковъ, насъ арестовали на два или три часа, и обѣдать пришлось поздно, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, претерпѣли еще и домашнюю трепку.

„Старики" продѣлывали иногда и болѣе крупные подвиги. Былъ у насъ предобродушный учитель Хильчевскій. Ученики пронюхали, что у него есть особая странность: онъ не выносилъ вида и жужжанія хрущей (майскихъ жуковъ). Его и прозвали хрущомъ. Приходя въ классъ, Хильчевскій обыкновенно выдвигалъ ящикъ учительскаго стола и сидѣлъ, опираясь на этотъ ящикъ. Ученики приносили въ платкахъ кучи хрущей и передъ его урокомъ наполняли ими ящикъ. Отодвинувъ ящикъ, Хильчевскій вскакивалъ, совершенно блѣдный, и приказывалъ скорѣе выкинуть за окно ненавистныхъ ему насѣкомыхъ. Возня эта происходила долго, и часть урока пропадала,—„что и требовалось доказать", какъ говорилось у насъ въ концѣ геометрическихъ теоремъ.

Ученикъ третьяго класса Кричуновичъ однажды побилъ надзирателя Вульфа. Пришелъ инспекторъ и по-

звалъ виновнаго въ карцеръ. Тотъ дерзко отказался, напомнивъ о томъ, что онъ австрійскій подданный, и что никто его не смѣетъ тронуть. Во время перемѣнки Вульфъ пришелъ въ классъ съ двумя служителями, чтобы силою арестовать преступника. Въ замочную скважину запертой двери между нашимъ и третьимъ классами мы съ жадностью слѣдили за всѣмъ. Кричуновичъ стоялъ на задней, самой высокой скамьѣ, съ двумя ножами въ рукахъ. Служители робко подступали къ нему, а онъ кричалъ: не подходи, зарѣжу! Наконецъ, Вульфъ перемигнулся съ своими помощниками. Они начали наступать рѣшительнѣе. Осаждаемый отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ нимъ. Мы не любили Вульфа, постоянно шпіонившаго и доносившаго на насъ, и страстно желали „герою“ полной побѣды, Но въ этотъ моментъ Вульфъ быстро подкрался сзади къ Кричуновичу и сильно схватилъ его за локти. Служители овладѣли его руками и немедленно связали ихъ. Преступника увели и заперли въ карцеръ. Окно карцера выходило во дворъ. На другой день мы толпились подъ этимъ окномъ, чуть не съ благоговѣніемъ взирая на героя, стоявшаго у открытой форточки. Кто-то умудрился бросить въ эту форточку конецъ длинной бичевки, по которой поднимались булки, колбасы и другіе приносимые нами съѣстные припасы. Это продолжалось нѣсколько дней. Затѣмъ мы увидѣли однажды закрытую форточку, и герой больше въ ней не показывался. Говорили, что его куда-то увезли. Порки не было,—вѣроятно, по дипломатическимъ причинамъ.

Былъ еще болѣе крупный геройскій подвигъ. Ученикъ пятаго класса Шварцъ сильно избилъ въ классѣ учителя нѣмецкаго языка Гаазе. Этотъ подвигъ имѣлъ гораздо болѣе серьезныя послѣдствія. Въ гимназическій дворъ явились солдаты. Учениковъ всѣхъ классовъ вывели и размѣстили шеренгами вокругъ двора для созерцанія назидательной сцены. Шварца вывели изъ карцера и разложили среди двора, возлѣ большой кучи розогъ. Началась порка военная, болѣе чувствительная, какъ оказалось, чѣмъ знакомая нашимъ героямъ гимназическая. Нѣсколько минутъ Шварцъ выносилъ ее молча. Затѣмъ мы услыхали тяжелые стоны, смѣнившіеся скоро раздирающими воплями. Потомъ опять истязуемый

замолчалъ. Палачи вдругъ остановились по командѣ, съ поднятыми руками для новыхъ ударовъ. Насчастнаго подняли. Онъ былъ совершенно блѣденъ и ѐдва держался на ногахъ, опираясь на другихъ. Съ него сорвали гимназическій сюртукъ и замѣнили его солдатскою шинелью. Онъ былъ присужденъ къ солдатчинѣ на Кавказѣ. Служба Шварца на Кавказѣ продолжалась, кажется, не менѣе десяти лѣтъ. Потомъ онъ былъ зубнымъ врачемъ въ Кіевѣ.

Воинственныя похожденія нашихъ героевъ совершались иногда и внѣ гимназіи.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ обширное пространство, окаймляемое улицами Владимірской, Фундуклеевской, Крещатикомъ и Козье-Болотнымъ проулкомъ, представляло пустырь съ довольно высокими зелеными холмами. Ни Прорѣзной улицы, ни пересѣкающихъ ее, подъ прямымъ угломъ, поперечныхъ тогда не было. На пустырѣ выпасывался скотъ и домашняя птица изъ окружающихъ его дворовъ. Возвращаясь изъ гимназіи въ хорошую погоду, мы сворачивали въ Фундуклеевскую, входили въ первыя ворота на лѣво и шли дальше по холмамъ до Козьяго-Болота. А въ счастливые дни, когда не было послѣдняго урока, мы на этихъ холмахъ устраивали разныя игры.

Но холмы эти были иногда свидѣтелями и менѣе мирныхъ сборищъ. Въ то время существовала жестокая ненависть между гимназистами и семинаристами. Гимназистовъ послѣдніе называли карандашами, а семинаристамъ присвоено было болѣе обидное прозвище— клоповъ или таракановъ, точно не помню. Враждующія стороны сходились иногда на упомянутомъ пустырѣ, и между ними происходили довольно серьезныя драки. Гимназія комплектовала свою армію изъ учениковъ высшихъ классовъ. Къ нимъ присоединялись и наши „старики". Воины являлись послѣ битвы въ классы иногда съ большими синяками и подбитыми физіономіями, а нѣкоторые не показывались цѣлыя недѣли, залѣчивая дома болѣе серьезныя поврежденія.

Относительно гимназическихъ проказъ и грубыхъ выходокъ нужно сдѣлать важную оговорку. Во второй гимназіи было тогда много поляковъ. За немногими

исключеніями, они не принимали участія въ дракахъ и другихъ безобразныхъ затѣяхъ другихъ учениковъ, держась вообще отдѣльною группой, въ сторонѣ отъ прочихъ, и глядя на нихъ нѣсколько свысока. Это, конечно, было результатомъ болѣе культурнаго воспитанія въ польскихъ семействахъ.

Когда я перешелъ въ пятый классъ, я сразу почувствовалъ, что-то новое, непривычное. Это уже былъ 1856 годъ. Надъ Россіею пронеслись новыя вѣянія, проникшія и въ нашу гимназію. Обращеніе съ нами учителей совсѣмъ измѣнилось. Изъ корридора уже не раздавались вопли подвергаемыхъ сѣченію. А затѣмъ попечителемъ учебнаго округа былъ назначенъ Н. И. Пироговъ, и мы еще больше почувствовали, какъ измѣняется атмосфера и какимъ гуманнымъ и участливымъ дѣлается отношеніе къ намъ начальства и учителей *).

Нельзя, конечно, требовать, чтобы старые мѣхи были пригодны для новаго вина. Съ такими мѣхами намъ еще приходилось имѣть дѣло въ высшихъ классахъ.

Учителемъ исторіи былъ Самчевскій. Онъ заставлялъ насъ зубрить всеобщую исторію по учебнику Смарагдова, а русскую по Устрялову. Приходя въ классъ, онъ раскладывалъ на столѣ какіе-то листки и постоянно что-то писалъ. Онъ приготовлялъ тогда къ печати составленныя имъ хронологическія таблицы по всеобщей исторіи. А въ это время, по его вызову, ученикъ отвѣчалъ урокъ. При сильной близорукости Самчевскаго, углубленнаго въ свою работу, это было очень легко: книга ставилась къ спинѣ передняго ученика, и урокъ излагался гладко, съ надлежащими заминками для большаго правдоподобія. Объясненій и дополненій къ уроку никогда не было, и нашъ историкъ терпѣть

---

*) Мнѣ и теперь досадно вспомнить озлой насмѣшкѣ, которую написалъ Добролюбовъ о Пироговѣ по поводу изданныхъ имъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ. Правила эти вывѣшены были въ классахъ, и я ихъ хорошо помню. Въ нихъ сказано было, что въ исключительныхъ случаяхъ и при соблюденіи опредѣленныхъ правилъ допускается розга. Но въ томъ то и дѣло, что внеся, вслѣдствіе сильнаго давленія сверху пунктъ о розгѣ, Пироговъ обставилъ приведеніе въ исполненіе этого наказанія такими, одно другое исключавшими правилами, что розга фактически не могла примѣняться.

не могъ, когда обращались къ нему съ вопросами относительно казавшихся неясными мѣстъ въ учебникѣ. А на подножкѣ задней скамьи любители въ это время рѣзались въ карты. Этотъ способъ обученія тяжело отзывался во время экзамена, когда Смарагдова и Устрялова нужно было вызубривать за-ново.

Математику въ высшихъ классахъ преподавалъ Байеръ. Это былъ взбалмошный, очень разсѣянный человѣкъ. Онъ постоянно кричалъ на насъ, когда мы не понимали его объясненій. А понять ихъ было не легко: такъ туманно и сбивчиво они излагались.

Греческій языкъ преподавался тогда въ высшихъ классахъ, но не обязательно. Не желавшіе ему обучаться должны были учиться законовѣдѣнію. „Грековъ" было очень немного, и я былъ въ ихъ числѣ. Преподавателемъ былъ Федоровъ, человѣкъ очень вялый, апатичный и съ видимою неохотой отбывавшій свою повинность. Въ греческомъ языкѣ я сдѣлалъ весьма небольшіе успѣхи. Прошелъ я кое-какъ склоняемыя части рѣчи, а какъ дошло дѣло до спряженій и я посмотрѣлъ на невѣдомые аористы, у меня пропала всякая охота погружаться въ эту премудрость. Помнится, окончательнаго экзамена по греческому языку вовсе не было.

Законовѣдѣніе преподавалъ Ренненкампфъ, скоро сдѣлавшійся профессоромъ, а впослѣдствіи ректоромъ университета, совмѣщая съ этимъ довольно долго должность городского головы и дѣятельность въ частныхъ банкахъ.

Обученіе французскому языку въ высшихъ классахъ прекрасно велъ полякъ Малербъ. Онъ получилъ высшее образованіе, хорошо зналъ языкъ и давалъ толковыя объясненія. Онъ былъ суровъ, требователенъ и безпощадно сажалъ въ карцеръ не приготовившихъ уроки или зѣвавшихъ въ классѣ. Уроки его были утомительны, потому что требовали большого напряженія. Vous, vous, vous! часто раздавался громкій голосъ Малерба, причемъ онъ указывалъ пальцемъ на ученика,—и вызванный долженъ былъ продолжать то, на чемъ остановился предыдущій, или повторить произнесенное Малербомъ объясненіе. Задавалъ онъ на-домъ переводы съ русскаго и разныя упражненія. Но всѣ болѣе трудныя мѣста были

предварительно проштудированы въ классѣ и домашняя работа не требовала много времени. За два года обученія у Малерба мы усвоили столько, что полуграмотный Лабенскій не могъ-бы дать намъ этого и въ десять лѣтъ.

Преподавателемъ словесности былъ незабвенный Михаилъ Корнѣевичъ Чалый. Уроковъ словесности было, къ сожалѣнію, мало,—всего, кажется, три въ недѣлю, а по программѣ нужно было пройти исторію иностранной и русской литературы. Мы всегда съ нетерпѣніемъ ожидали этихъ уроковъ. Прекрасно зная свой предметъ, Чалый умѣлъ выбирать самое существенное, давая намъ non multa, sed multum,—и мы въ теченіе трехъ лѣтъ легко пріобрѣли на его урокахъ не мало познаній и очень расширили свой умственный горизонтъ. Задавалъ онъ намъ уроки и чтеніе дома разныхъ авторовъ, съ пересказомъ прочитаннаго, но, довѣряя намъ, онъ рѣдко провѣрялъ выполненіе задаваемаго, слишкомъ дорожа временемъ въ классѣ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ задавалъ намъ сочиненія, съ указаніемъ источниковъ. Онъ разсматривалъ ихъ дома и возвращалъ намъ, съ краткими и иногда очень ядовитыми замѣчаніями на поляхъ. Болѣе выдающіяся въ положительномъ и отрицательномъ смыслахъ онъ разбиралъ въ классѣ, при нашемъ участіи, и этой критикѣ посвящался обыкновенно цѣлый урокъ.

Онъ былъ замѣчательный чтецъ. Онъ потрясалъ наши нервы чтеніемъ отрывковъ изъ трагедій Шекспира, стихотвореній и сценъ изъ Пушкина и т. п. и смѣшилъ насъ до слезъ разными комическими отрывками. Даже басни Крылова, которыя мы знали наизусть, онъ читалъ удивительно мастерски, съ измѣненіями голоса и самыми тонкими интонаціями, осмысливавшими каждое слово.

Мы часто обращались къ нему съ вопросами, и онъ охотно вступалъ въ бесѣды съ нами въ самомъ простомъ товарищескомъ тонѣ.

Онъ долженъ былъ, согласно требованію программы, удѣлять часть времени на преподаваніе теоріи стихосложенія. Задалъ онъ намъ первый урокъ по этой премудрости. Прочелъ я дома названія хорея, гекзаметра

и проч., посмотрѣлъ на изображенные въ учебникѣ черточки и крючки, подумалъ и рѣшилъ, что этой ерунды учить не стоитъ. На другой день Чалый вызываетъ меня. Я заявляю, что урока не приготовилъ.

— Это почему?—спрашиваетъ онъ съ удивленіемъ, такъ какъ я всегда получалъ у него пятерки.

Я объяснилъ, что правильность стиха, всякій лишній слогъ и неправильное удареніе прекрасно разбираетъ мое ухо, такъ-же, какъ и диссонансъ въ музыкѣ. А тугоухаго стихосложеніе ничему не научитъ, да и поэтовъ оно не создаетъ. Пушкинъ и Лермонтовъ, добавилъ я, вовсе не потому стали великими поэтами, что ихъ научили этому ваши черточки и крючки.

Чалый, улыбаясь, пытался убѣдить меня въ томъ, что нужно подчиняться программѣ. Но я остался непреклоннымъ.

— Не хотите-ли,—предложилъ я,—сдѣлаемъ такъ: я попробую написать стихотвореніе, нисколько не справляясь съ вашимъ стихосложеніемъ. Какимъ размѣромъ я буду писать, я не знаю. Если вы найдете въ моемъ писаніи погрѣшности противъ правилъ учебника, я обязываюсь вызубрить его. Въ противномъ случаѣ, избавьте меня отъ изученія этой галиматьи.

Не мало поломалъ я голову, не мало изгрызъ перьевъ*) надъ самонадѣянно взятою на себя работой. Черезъ нѣсколько дней я вручилъ Чалому страничку своего стихоплетства на тему о красотахъ лѣтней природы. Онъ съ улыбкой пробѣжалъ его и положилъ въ карманъ. Больше уроковъ по стихосложенію онъ у меня не спрашивалъ. Я и теперь не умѣю отличить хорея отъ дактиля.

Позднѣе Михаилъ Корнѣевичъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея, до преобразованія его въ филологическій институтъ. Онъ не чуждъ былъ писательству. Между прочимъ, въ „Кіевской Старинѣ“ помѣщены интересныя его воспоминанія объ его учебной службѣ**).

---

*) Стальныхъ перьевъ мы тогда еще не знали, а писали гусиными.

**) Мнѣ приходилось навѣщать Чалаго въ Кіевѣ, когда онъ былъ уже въ отставкѣ. Онъ любилъ поговорить и много интереснаго разска-

Съ такимъ-же чувствомъ уваженія и благодарности вспоминаю я Шумовскаго, преподававшаго намъ географію въ высшихъ классахъ. На первомъ-же урокѣ онъ заявилъ, что будетъ посвящать уроки бесѣдѣ съ нами и только въ концѣ мѣсяца будетъ провѣрять наши знанія. И тутъ-же онъ началъ свою живую, глубоко-заинтересовавшую насъ бесѣду. Во время этого урока, сидѣвшіе на задней скамьѣ („на Парнасѣ“, какъ у насъ говорили) вздумали по старому обычаю испытать новаго учителя. Они затѣяли у себя какія-то шалости, нарушивъ рѣдкую въ классѣ тишину. Всѣ съ негодованіемъ обернулись. Шумовскій поднялся и сказалъ.

— Ссориться съ вами и жаловаться на васъ я не хочу. На розыски мѣшающихъ мнѣ заниматься и на принятіе противъ нихъ мѣръ мнѣ жаль тратить время. Поэтому я заявляю, что если такія помѣхи будутъ продолжаться, я преподавать въ вашемъ классѣ не буду.

Съ тѣхъ поръ у насъ еще до прихода Шумовскаго водворялась гробовая тишина, и она никогда не нарушалась во время его уроковъ.

Бесѣды Шумовскаго представляли подробное обозрѣніе каждой страны. Онъ говорилъ о природѣ и ея особенностяхъ, о нравахъ, бытѣ и занятіяхъ населенія, о промышленности, культурѣ, письменности, государственномъ устройствѣ и т. д. Онъ приносилъ съ собой и показывалъ намъ прекрасныя иностранныя иллюстрированныя изданія и альбомы, и все, сообщаемое имъ, крѣпче запечатлѣвалось въ памяти.

Преподаваніе Чалаго и Шумовскаго было такъ обаятельно и вліяніе его было такъ глубоко, что я еще съ шестого класса проникся мыслью о святости учительскаго призванія и рѣшилъ поступить на историко-филологическій факультетъ и посвятить себя учительству*).

зывалъ о своихъ жизненныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ. Между прочимъ, онъ однажды разсказалъ мнѣ, что только при отставкѣ узналъ, что онъ почти во все время службы состоялъ подъ надзоромъ полиціи, вовсе не подозрѣвая этого въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Теперь поднадзорность не протекаетъ такъ незамѣтно, какъ я испыталъ это на себѣ.

*) Шумовскій и Малербъ недолго прослужили во второй гимназіи. Кажется, они были чѣмъ-то скомпрометтированы во время польскаго возстанія и куда-то исчезли.

Въ это время мы уже интересовались внутреннею политикой. Печать, послѣ николаевскаго гнета, заговорила другимъ языкомъ. Въ воздухѣ носилось ожиданіе крупныхъ реформъ. Объ этомъ много писали и говорили. Старшіе говорили сдержанно и съ опаской, боясь предстоявшихъ перемѣнъ. А мы, собираясь у кого-нибудь изъ товарищей или въ ботаническомъ (университетскомъ) саду, съ жадностью перечитывали газеты и съ восторгомъ предвкушали предстоящія преобразованія.

Долго мы засиживались надъ книгами Герцена: „Былое и Думы“ и „Съ того берега“, которыя доходили до насъ въ крайне истрепанномъ видѣ. „Колоколъ“ тоже часто ходилъ по рукамъ и читался на-расхватъ. Увлеченіе политикой, а отчасти и развлеченіями повело въ шестомъ классѣ къ тому, что я не выдержалъ экзамена по нѣсколькимъ предметамъ и остался на второй годъ. Въ наказаніе отецъ отдалъ меня въ общія квартиры при гимназіи. Мало хорошаго я могу сказать объ этомъ заведеніи.—При мнѣ, по распоряженію Пирогова, въ коридорахъ общихъ квартиръ были поставлены токарные станки, на которыхъ многіе охотно работали и достигали значительныхъ успѣховъ.

Знакомые студенты, когда я былъ въ седьмомъ классѣ, много говорили намъ о профессорѣ русской исторіи П. В. Павловѣ. Онъ былъ очень популяренъ среди молодежи своими лекціями, общеніемъ съ студентами, которые часто у него собирались, и энергичными заботами объ устройствѣ воскресныхъ школъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, скоро усмотрѣли потрясеніе основъ, и онѣ были закрыты. Входъ постороннихъ въ университетскія аудиторіи тогда допускался, и я, съ нѣсколькими товарищами, неоднократно удиралъ съ уроковъ, и мы пробирались въ аудиторію Павлова. За эти побѣги мы всегда отсиживали въ карцерѣ по нѣсколько часовъ.

Въ іюнѣ 1860 года я окончилъ гимназію. При выдачѣ аттестатовъ, директоръ объявилъ, что, при вступленіи въ университетъ, мы будемъ подвергнуты повѣрочному экзамену.

Придя домой, я немедленно отправился къ портному

и попросилъ его въ тотъ-же день пришить къ моему гимназическому сюртуку голубой воротникъ и студенческія пуговицы.

Увѣренный, что повѣрочный экзаменъ будетъ для меня по тригонометріи, въ которой я былъ очень слабъ, я запасся учебникомъ и взялъ у знакомаго студента вспомогательныя записки, чтобы преодолѣть на каникулахъ эту премудрость. А на другой день, облачившись въ студенческую форму и успѣвъ съ гордостью прогуляться въ ней по Крещатику, я укатилъ въ Юровъ.

Въ Юровѣ по внѣшности все было какъ-будто постарому. Но, присмотрѣвшись, я замѣтилъ большую перемѣну. Въ настроеніи дяди и тетки видны были недоумѣніе и тревога. Обращеніе ихъ съ прислугой и рабочими очень измѣнилось и было натянутымъ. Въ субботу къ крыльцу управляющаго не приносились розги, и порки уже не было. Уже былъ почти канунъ освобожденія крестьянъ.

III.

Университетъ.

Въ половинѣ августа я явился въ университетъ. Помню, что я входилъ туда съ чувствомъ торжества и съ самыми свѣтлыми надеждами. Оказалось, что я напрасно затратилъ часть дорогого каникулярнаго времени на возню съ тригонометріей. Когда я объявилъ, какой выбираю факультетъ, мнѣ задали нѣсколько легкихъ вопросовъ по исторіи всеобщей и русской и по словесности, да предложили тутъ-же написать небольшое сочиненіе, тоже на очень доступную тему. О тригонометріи вовсе не вспоминали. Все сошло благополучно. Черезъ нѣсколько дней мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета по историческому отдѣленію и выдали матрикулу, которая и теперь хранится у меня.

Въ концѣ августа начались лекціи.

Я очень живо помню лица, голоса, манеры своихъ профессоровъ и надѣюсь изобразить ихъ вполнѣ правдиво.

Павлова уже не было: онъ былъ перемѣщенъ въ Петербургскій университетъ *). Вмѣсто него, русскую

---

*) Въ СПБ. университетѣ Павловъ пробылъ недолго. Въ 1862 г. по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, онъ прочелъ соотвѣтственную публичную лекцію. Публика, какъ послѣ разсказывали мнѣ бывшіе на ней, проводила лектора бурными апплодиссментами и оваціями, а начальству лекція не понравилась, и Павлова жандармы немедленно увезли въ глухой медвѣжій уголъ Костромской губ.— Пробылъ онъ въ ссылкѣ, кажется, больше десяти лѣтъ. Вернувшись, онъ преподавалъ исторію искусствъ въ кіевскомъ университетѣ. Я встрѣтился съ нимъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Его съ трудомъ можно было узнать. Это былъ вялый, апатичный, совсѣмъ развинченный человѣкъ.

исторію преподавалъ А. И. Ставровскій. Онъ отличался крупною, коренастою фигурой, растрепаннымъ видомъ и довольно грубымъ, некультурнымъ тономъ и манерами. На лекціяхъ онъ нюхалъ табакъ и правою рукой, съ постоянно пригнутымъ четвертымъ пальцемъ и мизинцемъ, часто ерошилъ свои свѣтлые волосы. Память у него была огромная, и онъ представлялъ собою очень обширную кладовую, наполненную массой фактическихъ знаній. Читалъ онъ по конспекту, но заглядывалъ въ него рѣдко. Изъ его кладовой постоянно появлялись новые факты, часто не имѣющіе никакого отношенія къ содержанію лекціи. Сообщалъ онъ и множество анекдотовъ изъ русской и западно-европейской исторіи, часто очень пикантнаго свойства. Краснорѣчіемъ онъ не обладалъ и читалъ довольно вяло, съ частыми заминками. Прагматизма, обобщеній и выводовъ въ его лекціяхъ не было. Но на нихъ все-таки бывало довольно слушателей. Посѣщалъ ихъ исправно и я, какъ по ихъ внѣшней занимательности, такъ и потому, что для меня это былъ главный предметъ, и нужно было думать о полукурсовомъ экзаменѣ. Я даже записывалъ краткія замѣтки, по которымъ дома возстановлялъ главное содержаніе лекцій. Нѣкоторые слѣды этихъ трудовъ моихъ и теперь у меня сохранились.—Справедливость требуетъ еще прибавить, что Ставровскій былъ очень добрый человѣкъ. На своихъ экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ. А когда онъ былъ ассистентомъ по другимъ предметамъ, мы всегда расчитывали на его поддержку. Вызывалось всегда двое. Одинъ, взявъ билетъ, садился къ окну обдумывать, пока отвѣчалъ предыдущій. Ставровскій украдкой обыкновенно подсовывалъ ему конспектъ или подходящую книгу, взятые у студентовъ. Особенно усердно помогалъ онъ намъ на экзаменѣ по богословію, который происходилъ въ актовомъ залѣ, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи викарнаго архіерея Антонія, автора толстой книги „Догматическое Богословіе", которую мы должны были зубрить. Ставровскій держалъ передъ собой эту книгу, отыскивалъ въ ней то, что нужно было идущему къ окну, и передавалъ за спиной ему книгу. Экзаменъ проходилъ блестяще, и Антоній, благословляя насъ на прощанье,

благодарилъ за то, что мы такъ хорошо усвоили его произведеніе.

Преподавателемъ всеобщей исторіи былъ В. Я. Шульгинъ, Зевсъ-громовержецъ, какъ мы его называли. Онъ былъ жестоко обиженъ природой: туловище его было сдавлено сверху внизъ, образовавъ по большому горбу на спинѣ и на груди; ноги казались необыкновенно длинными; голова была вдавлена въ плечи. Лицо его было умное, строгое съ прекрасными выразительными глазами.

Шульгинъ былъ одаренъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ пользовался имъ съ видимымъ расчетомъ на эффектъ. Отдѣльныхъ историческихъ лицъ и цѣлыя эпохи онъ характеризовалъ яркими образами и картинами и производилъ на слушателей огромное впечатлѣніе. Но, увлекаясь его лекціями, мы въ то-же время чувствовали и сознавали, что научнаго въ нихъ мало, и что онѣ больше годятся для публичныхъ чтеній передъ широкою публикой, чѣмъ для университетской аудиторіи. Въ такомъ-же духѣ были составленные Шульгинымъ учебники по всеобщей исторіи. Эти три книжки, небольшаго объема, я читалъ въ литографированномъ видѣ. Онѣ были и напечатаны. Въ гимназіяхъ онѣ не употреблялись, и по нимъ, помнится, учились только въ женскихъ институтахъ. Со студентами держался Шульгинъ свысока и общенія съ ними избѣгалъ. Только изрѣдка передъ экзаменами студенты заходили къ нему и получали отъ него книги, которыхъ, при тогдашней скудости кіевскихъ книжныхъ магазиновъ, нельзя было купить *).

Выйдя года черезъ два въ отставку, Шульгинъ издавалъ газету консервативнаго направленія „Кіевлянинъ“. Она тогда еще не была такою реакціонною, какою сдѣлалась при его преемникѣ Д. И. Пихно.

Либеральною, передовою газетой былъ тогда „Кіевскій Телеграфъ“, который издавала Е. И. Гогоцкая (жена профессора). Она была въ то время очень из-

*) Кажется, въ Кіевѣ былъ тогда только одинъ книжный магазинъ Литова, помѣщавшійся въ небольшомъ деревянномъ домикѣ съ мезониномъ, близъ почтовой конторы. Дѣло Литова перешло къ Оглоблину, ведущему и теперь въ Кіевѣ обширную книжную торговлю.

вѣстна въ Кіевѣ учрежденіемъ школы для дѣвочекъ и энергичнымъ участіемъ въ разныхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ.

Исторію философіи и логику преподавалъ С. С. Гогоцкій. Я посѣтилъ вначалѣ нѣсколько его лекцій. Съ величайшимъ напряженіемъ слушалъ я монотонную, крайне туманную его рѣчь о законахъ мышленія, объ отвлеченныхъ субстанціяхъ, объ абсолютномъ и относительномъ *Я* и т. п. Занятіе это наводило на меня неодолимый сонъ, и не смотря на то, что предметы Гогоцкаго были для меня главными, и что онъ былъ въ родствѣ съ моимъ отцомъ и бывалъ у насъ, я скоро совсѣмъ пересталъ ходить на эти невыносимо скучныя лекціи.

Гогоцкій увлекался внутреннею политикой и, по поводу польскихъ притязаній и стремленій духовенства захватить въ свои руки начальное образованіе, онъ очень волновался и выпустилъ не мало брошюръ въ націоналистическомъ и клерикальномъ духѣ.

Е. И. устраивала у себя журъ-фиксы, которые и я посѣщалъ довольно исправно. Въ ея гостиной собиралась университетская молодежь, и велись оживленные дебаты самаго либеральнаго содержанія. Интереснѣе всѣхъ говорили М. П. Драгомановъ и сербъ Каричъ, женившійся потомъ на дочери Гогоцкаго и бывшій профессоромъ въ Бѣлградѣ. Хозяинъ выходилъ къ намъ на минуту и, поздоровавшись со всѣми, увлекалъ когонибудь къ себѣ. И въ то время, когда въ гостиной Евдокіи Ивановны съ жаромъ произносились освободительныя рѣчи, въ кабинетѣ Сильвестра Сильвестровича раздавалось его негодующее брюзжаніе въ черносотенномъ духѣ.

Гогоцкій составилъ и издалъ Философскій Словарь въ двухъ или трехъ толстыхъ томахъ. Онъ былъ очень скупъ и, затративъ немало на это изданіе, всѣми силами старался его сбыть. Но охотниковъ его пріобрѣтать почти не находилось, и бѣдный философъ раздавалъ его, скрѣпя сердце, кому попало, лишь-бы освободить комнаты отъ цѣлыхъ грудъ своихъ фоліантовъ.

Огромное число слушателей привлекалъ въ свою аудиторію профессоръ словесности А. И. Селинъ. Его лекціи посѣщали и многіе студенты другихъ факульте-

товъ. Приходилъ онъ съ большимъ портфелемъ, вынималъ изъ него множество разныхъ листочковъ, раскладывалъ ихъ на каѳедрѣ,—и начиналась лекція на очередную тему. Но онъ постоянно отвлекался отъ этой темы и разбрасывался на массу сообщеній, очень мало связанныхъ съ нею или даже вовсе не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. Начнетъ онъ о русскихъ былинахъ, а черезъ нѣсколько минутъ уже цитируется скандинавскій эпосъ, финская Калевала, Нибеллунги и т. д. Встрѣтится что-нибудь изъ русской миѳологіи,—и пойдетъ бѣглое обозрѣніе религій чуть не всего земного шара. А русскія былины остались въ сторонѣ. Объявилъ онъ какъ то, что слѣдующая лекція будетъ о Державинѣ. Вначалѣ рѣчь шла на объявленную тему. Но скоро она перешла на описаніе екатерининскаго двора, перечисленіе и характеристику любимцевъ Екатерины и ея отношеніе къ Петру III. Вдругъ онъ остановился, разыскалъ небольшой листокъ и обратился къ намъ съ предупрежденіемъ: „Господа, это между нами. Это сообщилъ мнѣ родственникъ мой, Александръ Ив. Герценъ. Это копія записки гр. Орлова къ Екатеринѣ съ пирушки, во время которой ея фавориты порѣшили съ Петромъ“. И онъ прочелъ намъ эту записку.

Вообще, почти всѣ лекціи Селина отличались очень винегретнымъ содержаніемъ,—и мы, выходя изъ его аудиторіи, спрашивали иногда другъ друга: о чемъ-же собственно онъ читалъ?—Обо всемъ.. И все-таки эти лекціи очень охотно посѣщались.

Позднѣе лекціи Селина очень обезцѣнились въ моихъ глазахъ. Однажды, уже на третьемъ курсѣ, пошелъ я въ свободный часъ въ аудиторію его, когда онъ читалъ для первокурсниковъ. Оказалось буквально тоже самое, что я слышалъ два года назадъ. Та-же интонація, тѣ-же возгласы и жесты, расчитанные на эффектъ. Никакого общенія съ студентами, никакого вліянія на нихъ Селинъ не имѣлъ, и мы цѣнили его не очень высоко, считая его только занимательнымъ краснобаемъ. Но позднѣе, когда въ университетѣ подняла голосъ реакція, когда большинство профессоровъ стало относиться къ студентамъ въ духѣ недавняго министра Кассо, Селинъ считался очень либеральнымъ и

популярнымъ профессоромъ. Его портретъ я видѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ у окончившихъ курсъ лѣтъ на десять позднѣе меня.

Довольно усердно посѣщалъ я лекціи славянской филологіи и литературы профессора Яроцкаго. Читалъ онъ чрезвычайно скучно, съ разстановкой между словами, чтобы дать возможность все записывать студентамъ славяно-русскаго отдѣленія. Для меня это былъ не главный предметъ, но я стремился познакомиться съ нимъ изъ-за особенной симпатіи къ южнымъ славянамъ, представители которыхъ были тогда въ университетѣ, а особенно много ихъ было въ духовной академіи. Я часто ходилъ къ нимъ въ академію и засиживался у нихъ до поздней ночи, съ увлеченіемъ слушая ихъ прекрасныя народныя пѣсни и разсказы о родинѣ и о страданіяхъ народа подъ игомъ турокъ.

Съ большимъ уваженіемъ вспоминаю лекціи по политической экономіи Н. Х. Бунге (впослѣдствіи министра финансовъ) и его вечернія научныя бесѣды съ студентами (никто изъ профессоровъ такихъ бесѣдъ не устраивалъ), и лекціи по статистикѣ профессора Цѣхановецкаго. Къ сожалѣнію, эти лекціи не долго пришлось слушать: преподаваніе этихъ предметовъ было перенесено на юридическій факультетъ.

Профессоромъ богословія былъ сначала каѳедральный протоіерей Скворцовъ. Онъ угощалъ слушателей многочисленными текстами и любилъ повторять: „аще не увѣруете, не имате разумѣти“. На лекціяхъ его была смертельная скука, и посѣщали ихъ очень немногіе. Пробылъ онъ при мнѣ очень недолго, и на его мѣсто назначенъ былъ докторъ богословія Ѳаворовъ.

Аудиторія Ѳаворова, особенно въ первое время, была переполнена. На лекціяхъ по догматическому богословію онъ старался примирить религію съ естествознаніемъ. Изложивъ какое-нибудь положеніе изъ Евангелія, онъ приводилъ много выдержекъ, опровергающихъ это положеніе, изъ сочиненій западно-европейскихъ ученыхъ и затѣмъ принимался разбивать эти опроверженія, обнаруживая при этомъ огромную эрудицію и большое искусство діалектики. Я не буду говорить о томъ, насколько студенты проникались его доводами. Но обшир-

ная литература, съ которою онъ насъ знакомилъ, и турниръ нашего ученаго богослова съ его отсутствующими противниками представляли большой интересъ. Еще болѣе интересны были его лекціи по исторіи церкви. Приводя массу свѣдѣній изъ европейской литературы, далеко выступающихъ собственно за предѣлы церковной исторіи, Ѳаворовъ значительно пополнялъ отрывочной эпизодическій курсъ Шульгина по всеобщей исторіи.

О другихъ профессорахъ могу сказать очень немного.

Греческій языкъ преподавалъ глубоко-ученый классикъ Нейкирхъ. Два или три раза я побывалъ на его лекціяхъ и затѣмъ до конца курса не былъ ни разу. Латинскимъ классикамъ обучалъ Делленъ, бывшій и директоромъ первой гимназіи. И на его лекціяхъ я тоже побывалъ всего нѣсколько разъ на первомъ семестрѣ. Помню только, что Делленъ очень красиво говорилъ по-латыни.

Вообще нужно сказать, что и я, и очень многіе изъ моихъ товарищей занимались мало и посѣщали почти исключительно только тѣ лекціи, которыя казались особенно занимательными. Отвлекали отъ занятій и посѣщенія знакомыхъ, и сердечныя увлеченія, да и время вообще было очень увлекательное. Съ радостнымъ трепетомъ ожидалось освобожденіе крестьянъ и другія великія реформы; обострялись національные вопросы; доходили отголоски волненій въ другихъ университетахъ,—и мы собирались и въ домашніе кружки, и въ довольно многолюдные митинги въ студенческой читальнѣ или въ сборномъ залѣ университета и вели жаркія пренія, доходившія въ національныхъ вопросахъ до очень рѣзкихъ вспышекъ.

Сборный залъ былъ тогда очень популярнымъ учрежденіемъ. Онъ представлялъ постоянную толкучку. Сюда приходили для взаимныхъ свиданій и переговоровъ, для полученія писемъ; на стѣнахъ висѣли витрины за стекломъ съ объявленіями профессоровъ и распоряженіями университетскаго начальства; на широкихъ подоконникахъ лежали кучи записокъ съ взаимными извѣщеніями, приглашеніями и нерѣдко съ призывомъ сдѣлать складчину для помощи нуждающемуся товариществу. Позднѣе

назрѣлъ у насъ національный антагонизмъ. Но въ вопросахъ университетской жизни и въ убѣжденіяхъ относительно главнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ студенты были вполнѣ солидарны. Аристократовъ, бѣлоподкладочниковъ, а тѣмъ болѣе народившихся въ послѣднее время академистовъ, у насъ не было. А если-бы такіе субъекты обнаружены были въ университетѣ, студенты выгнали-бы ихъ съ позоромъ изъ своей среды. Было, впрочемъ, во всемъ университетѣ *только три* козлища, не присоединявшіеся къ общему стаду. Это были сынъ тогдашняго кіевскаго губернатора Гессе, Сипягинъ и Владиміровъ. Они являлись въ университетъ расфранченные, въ бѣлыхъ перчаткахъ, держались въ сторонѣ отъ всѣхъ, ни съ кѣмъ не знакомились, и никто изъ студентовъ не подавалъ имъ руки. Но они были безвредны.

Не смотря на то, что университетскіе митинги, особенно передъ польскимъ возстаніемъ, были иногда очень бурны, за четыре года моего пребыванія въ университетѣ, тамъ *ни разу* не появлялся ни одинъ полицейскій мундиръ. И отечество нисколько отъ этого не пострадало.

Не могу не вспомнить одного случая, который наглядно показалъ мнѣ, до какой степени въ короткое время измѣнились и университетскіе порядки, и духъ студенчества. Однажды собрался я поѣхать въ Кіевъ. Это было лѣтъ черезъ десять послѣ выхода моего изъ университета. Меня попросили передать въ Кіевѣ деньги студенту, который былъ тогда очень боленъ, не указавъ его адреса. Войдя въ университетъ, я направился по знакомой дорогѣ въ сборный залъ. Тамъ было пусто и тихо. По старой привычкѣ, я вырвалъ листокъ изъ записной книжки, написалъ на немъ просьбу студентамъ сообщить мнѣ адресъ студента, которому я долженъ былъ отдать деньги, и направился къ подоконнику, чтобы положить листокъ *). Ко мнѣ быстро подошелъ педель, сидѣвшій у сосѣдней аудиторіи.

— Что вы дѣлаете?—съ ужасомъ спросилъ онъ.

---

*) Адреснаго стола тогда въ Кіевѣ не было.

Я объяснилъ.

— Это запрещено начальствомъ,—заявилъ онъ.

Я вспомнилъ, что въ боковомъ корридорѣ, ведущемъ въ ректорскую квартиру, я видѣлъ группу студентовъ, и пошелъ туда.

Къ моей просьбѣ помочь мнѣ разыскать нужнаго студента они отнеслись съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

— Не знаемъ,—отвѣтили они съ недоумѣніемъ,—вамъ нужно обратиться за справкой къ дежурному субъинспектору.

Въ 1860—61 учебномъ году нѣкоторыя аудиторіи университета представляли необычный видъ. Въ нихъ появлялись сотни дамъ и дѣвицъ. Тогда это было дозволено. Дамское нашествіе устремилось почти исключительно на лекціи по исторіи и словесности.

Профессора этихъ предметовъ относились къ такому нашествію далеко не одинаково.

Самымъ любезнымъ по отношенію къ слушательницамъ былъ Селинъ. Въ его аудиторіи скамьями для студентовъ занято было около $^2/_3$. На остальномъ пространствѣ по обѣ стороны каѳедры тѣсными рядами устанавливались стулья, сплошь занятые дамами. Всходя на каѳедру, Селинъ, съ своей джентльменскою манерой, кланялся студентамъ и отвѣшивалъ два поклона прекрасному полу. На первой лекціи въ присутствіи дамъ онъ произнесъ эффектное вступленіе на тему о значеніи и высокой роли женщинъ въ критическія эпохи, переживаемыя обществомъ, подобныя той, какую переживаетъ теперь Россія, и выразилъ привѣтствіе присутствующимъ, какъ піонеркамъ совершающагося у насъ передоваго общественнаго движенія. Женскихъ гимназій тогда еще не было, а институты и жалкіе частные пансіоны давали, какъ извѣстно, самыя скудныя познанія. Поэтому не удивительно, что дамы съ жадностью поглощали многочисленные факты и свѣдѣнія, выкладываемые Селинымъ. Когда на сценѣ кіевскаго театра выступалъ знаменитый англійскій трагикъ Ольдриджъ, о которомъ я уже упоминалъ, Селинъ не пропускалъ ни одного спектакля. Онъ сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ съ записною книжкою въ рукахъ и что-то записывалъ. Однажды дамы обратились къ нему съ просьбой прочесть лекцію

о Шекспирѣ и объ исполненіи Ольдриджемъ главныхъ ролей его трагедій. Селинъ любезно обѣщалъ исполнить эту просьбу и скоро прочелъ двѣ или три лекціи на просимую тему. Очарованный Ольдриджемъ, онъ читалъ съ большимъ увлеченіемъ, не разбрасывался по сторонамъ,—и это были блестящія его лекціи. Дамы послѣ всякихъ его лекцій неистово ему апплодировали. Селинъ сдѣлался ихъ кумиромъ.

Совершенно иначе относились къ присутствію дамъ наши историки. Оба они назначили свои лекціи съ девяти или десяти часовъ утра, надѣясь, что дамы полѣнятся приходить такъ рано. Но надежда эта не оправдалась: входя въ аудиторію, они заставали занятыми всѣ дамскія мѣста. Тогда они употребили другое средство, чтобы отбить у дамъ охоту приходить на ихъ лекціи.

Ставровскій началъ чтенія по нумизматикѣ. Монотонно, скучно велъ онъ эти чтенія, наводя на слушателей дремоту. Но дамы продолжали ходить. На одной изъ этихъ лекцій, говоря о кожаныхъ денежныхъ знакахъ „кунахъ", онъ ни къ селу, ни къ городу разсказалъ, что у нихъ, въ Новгородской губерніи, парни, гуляя съ дѣвками, употребляютъ выраженіе „куницу поймали". При этомъ онъ сдѣлалъ тѣлодвиженіе, заставившее дамъ покраснѣть и опустить глаза. Потомъ, также совсѣмъ не кстати, онъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ не очень скромнаго содержанія. Ряды дамъ на лекціяхъ значительно порѣдѣли.

Шульгинъ выбралъ для перваго семестра исторію папства. Съ его блестящимъ краснорѣчіемъ, онъ въ яркихъ чертахъ изображалъ глубокое нравственное паденіе католическаго духовенства и рисовалъ довольно откровенныя картины развратной жизни патеровъ и епископовъ. Упомянувъ о томъ, что и папы иногда подавали примѣръ такой жизни, профессоръ подробно описалъ одинъ изъ „райскихъ" вечеровъ Александра Борджіа. Онъ охарактеризовалъ хозяина вечера и изобразилъ обильный ужинъ въ одной изъ ярко освѣщенныхъ залъ Ватикана, съ такими-же обильными возліяніями, за которымъ сидѣли кардиналы и толпа знатныхъ блестящихъ гостей. Финаломъ этого ужина было особен-

ное угощеніе. Изъ однихъ дверей появилась группа красивыхъ юношей въ костюмахъ Адама, а изъ другихъ выбѣжала цѣлая толпа красивыхъ дѣвицъ, тоже въ костюмахъ ихъ прародительницы. И началась безобразная вакханалія.

Пришелъ я однажды въ это время вечеромъ къ знакомымъ, дочь которыхъ бывала на лекціяхъ, а я имѣлъ несчастье нерѣдко сопровождать ее въ университетъ, что было извѣстно родителямъ. Простая, наивная мамаша напустилась на меня такъ, что я не зналъ, куда дѣваться.

— Чему вас тамъ учатъ?—кричала она:—и вы еще тянете дочь мою слушать эти мерзости! Теперь нога ея больше не переступитъ порога вашего поганаго университета.

При всемъ этомъ, хожденіе дамъ на лекціи продолжалось. Но число дѣвицъ въ аудиторіяхъ значительно уменьшилось.

Помнится, что лекціи съ дамами были еще и въ 1861 году. Затѣмъ, дамы изъ аудиторій исчезли,—несомнѣнно по распоряженію высшаго начальства.

Давно жданная радость, наконецъ, пришла. Въ день, назначенный для объявленія манифеста 19 февраля 1861 г., мы большою группой направились въ Софійскій соборъ. Долго шло торжественное митрополичье богослуженіе. Передъ молебномъ протодьяконъ Лаврентій своимъ прекраснымъ голосомъ, слышнымъ во всѣхъ углахъ обширнаго храма, прочелъ манифестъ. Я слушалъ съ сильно бившимся сердцемъ и съ блаженными слезами на глазахъ. Такой юношескій подъемъ духа повторился еще разъ въ жизни, когда, 44 года спустя, я читалъ въ первый разъ манифестъ 17 октября.

Мое восторженное состояніе не унималось довольно долго, и я не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ и заниматься. Каждый вечеръ я отправлялся къ знакомымъ, чтобы подѣлиться своимъ настроеніемъ. Но главы семействъ, въ которыхъ я бывалъ, по большей части далеко не раздѣляли моего восторга,—и я горячо возражалъ, стараясь доказать благодѣтельныя послѣдствія объявленной реформы. Я видѣлъ, что молодежь вполнѣ сочувствуетъ моимъ словамъ,—и это меня еще больше

подстегивало,—а старики улыбаются, съ сомнѣніемъ покачивая головами.

— Не горячитесь такъ, молодой человѣкъ,—говорили они: посмотримъ еще, что изъ этого выйдетъ.

Другіе возражали откровеннѣе. Они говорили, что манифестъ вызоветъ много опасныхъ потрясеній, что хамъ будетъ злоупотреблять данною свободой, что его нужно всегда держать въ ежовыхъ рукавицахъ и т. п.

Высказывались изрѣдка и сомнѣнія совсѣмъ другого рода. Слѣдя за подготовительными къ реформѣ работами и зная, какъ упорно крѣпостники стояли за сохраненіе стараго порядка, они высказывали опасенія, выраженныя позднѣе Некрасовымъ, что крѣпостная цѣпь, разорвавшись, ударитъ однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику, и предвидѣли, что ненавистники реформы употребятъ всѣ мѣры, чтобы опутать мужика новыми тяжелыми цѣпями.

Послѣдствія показали, какъ обманчивы были широкія надежды, внушенныя двумя великими манифестами.

Въ 1861 году проводили мы изъ Кіева навсегда незабвеннаго Н. И. Пирогова.

Въ то время для начальнаго обученія были только казенныя училища въ городахъ да рѣдкія сельскія школы министерства госуд. имуществъ для казенныхъ крестьянъ. Земскихъ учрежденій еще не было, и еще только начинали думать объ устройствѣ школъ для всего сельскаго населенія. Духовенство громко заявило притязаніе захватить все дѣло начальнаго образованія въ свои руки. Митрополитъ Арсеній разослалъ по всѣмъ приходамъ строгій циркуляръ, повелѣвавшій немедленно устраивать церковно-приходскія школы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ поѣхалъ ревизовать епархію. Въ каждомъ селѣ прежде всего задавался вопросъ,—есть-ли школа? Священникъ приводилъ десятка полтора заранѣе набранныхъ мальчиковъ, умѣющихъ кое-какъ читать. Митрополитъ спрашивалъ: знаешь-ли „Отче нашъ“? Мальчики отбарабанивали молитву, и этимъ оканчивалось ознакомленіе со „школой“. О томъ, есть-ли помѣщеніе для школы, кто и чему въ ней обучаетъ, на какія средства она содержится,—вопросовъ не было. Митрополитъ благодарилъ священника, благославлялъ дѣтей

и раздавалъ имъ крестики и иконки. Тѣхъ же мальчиковъ стремительно перевозили въ слѣдующее село, и тамъ продѣлывалась такая-же комедія. Кто-то наивный изъ митрополичьей свиты доложилъ: „Ваше высокопреосвященство, этимъ мальчикамъ давали крестики уже нѣсколько разъ“.

„Молчи, не твое дѣло!“ послѣдовалъ грозный отвѣтъ.

Объ этомъ со смѣхомъ разсказывали мнѣ священники.

Все дѣло сводилось къ тому, чтобы зарегистрировать сотни церковныхъ школъ въ губерніи и протрубить о быстромъ ихъ возникновеніи и успѣхахъ*).

Пироговъ энергично вступился за права своего вѣдомства на завѣдываніе дѣломъ начальнаго обученія. Возникла острая полемика по этому вопросу между „Епархіальными Вѣдомостями“ и „Кіевскимъ Телеграфомъ“. Но черная сила побѣдила, и Николай Ивановичъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Уѣхалъ онъ изъ Кіева въ свое небольшое имѣніе въ винницкомъ уѣздѣ, гдѣ черезъ двѣнадцать лѣтъ и окончилъ свои славные дни.

Передъ выѣздомъ онъ зашелъ въ университетъ проститься со студентами. Сборный залъ былъ переполненъ. Его теплая прощальная рѣчь, съ напутственными пожеланіями и совѣтами относительно нашего будущаго служенія народу, чрезвычайно растрогала всѣхъ. Многіе плакали на-взрыдъ. Одинъ изъ студентовъ обратился къ нему съ просьбой подарить его портретъ для студенческой читальни. Скоро просьба эта была исполнена. Н. И. прислалъ прекрасный портретъ, написавъ собственноручно внизу слова изъ своей прощальной рѣчи: „Люблю и уважаю молодость, потому, что хорошо помню свою“. Черезъ нѣсколько лѣтъ студенческая читальня заподозрѣнная въ крамолѣ, была закрыта. Я не знаю, куда дѣлось имущество читальни и въ томъ числѣ этотъ дорогой портретъ. Я немедленно послѣ выѣзда Пирогова отправился къ фотографу и заказалъ для себя копію этого портрета. Копія эта недавно передана мною Пироговскому Обществу.

---

*) Объ этомъ я уже кратко сообщилъ въ статьѣ „Изъ исторіи одного земства“, помѣщенной въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1913 годъ.

Мы хотѣли еще проводить Николая Ивановича передъ самымъ его отъѣздомъ. Но въ зданіи первой гимназіи, гдѣ была его квартира, мы ни у кого не могли узнать, когда именно назначенъ этотъ отъѣздъ. Очевидно, власти это скрывали, боясь большого сборища и шумныхъ овацій. Наконецъ, мы пронюхали на почтовой станціи, что лошадей приказано привести къ первой гимназіи послѣ захода солнца. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всему городу. Передъ наступленіемъ вечера, чуть не весь университетъ и буквально тысячи городской публики, дамъ и дѣвицъ, двинулись по житомирскому шоссе и расположились въ ожиданіи, верстахъ въ двухъ отъ города. Ожидать пришлось довольно долго. Дѣлалось почти совсѣмъ темно. Наконецъ, показался экипажъ, запряженный четверкой. Огромная толпа придвинулась къ шоссе. Раздались громкіе привѣтственные крики, и экипажъ остановился. Пироговъ вышелъ, и полились многочисленныя горячія рѣчи. Выражено было много негодованій по адресу темныхъ силъ, вытѣснившихъ обожаемаго попечителя. Николай Ивановичъ на каждую рѣчь отвѣчалъ теплымъ задушевнымъ словомъ. Пролито было много слезъ, когда онъ, низко поклонившись всѣмъ, направился наконецъ къ экипажу. Очень поздно послѣ этихъ проводовъ мы возвратились домой*).

Съ наступленіемъ 1862 года жизнь въ университетѣ дѣлалась все болѣе бурной. Ожидалось польское возстаніе. Болѣе выдающіеся ораторы-поляки Ярошинскій и Фомбергъ говорили въ сборномъ залѣ пламенныя рѣчи о томъ, что юго-западныя губерніи должны быть возвращены Польшѣ, что кіевскій университетъ тоже долженъ

---

*) Еще разъ не могу не выразить своей досады по поводу злостной болтовни о Пироговѣ, распространявшейся въ то время, когда онъ жилъ на покоѣ въ своихъ Вишенькахъ. Говорили, что онъ взималъ огромные поборы съ больныхъ, обращавшихся къ его помощи. Я близко зналъ въ Кіевѣ случаи, когда его въ крайности призывали къ отчаянно больнымъ, когда онъ дѣлалъ опасныя операціи или возился по цѣлымъ ночамъ съ трудными роженицами. Онъ всегда рѣшительно отказывался отъ всякаго вознагражденія. Я спрашивалъ у подолянъ, хорошо знавшихъ всѣ подробности о Вишенькахъ. Они сказали, что если поборы и берутъ близкія къ нему лица, то безъ всякаго его вѣдома.

сдѣлаться польскимъ и т. д. Мебели въ сборномъ залѣ не было, и ораторы говорили, стоя на подоконникѣ.

На другой подоконникъ взлѣзалъ Драгомановъ, съ трудомъ добивался слова и, опровергая притязанія поляковъ, съ жаромъ доказывалъ, что край долженъ культивировать природный языкъ массы населенія и что преподавать въ университетѣ нужно по-украински.

Появлялся на трибунѣ Вороной*) и горячо протестовалъ противъ поляковъ и украинцевъ, доказывая, что университетъ долженъ оставаться общерусскимъ, и что преподаванie въ немъ нужно вести на общемъ литературномъ языкѣ. Протестъ свой Вороной изложилъ и письменно и носилъ его къ студентамъ для подписи. Много-ли собралъ онъ подписей, и какая была дальнѣйшая судьба этого протеста, я не помню.

Страсти во время этихъ митинговъ разгорались до крайности. Часто казалось, что дѣло дойдетъ до рукопашной. Шумъ поднимался ужасающій, не дававшій заниматься даже въ отдаленныхъ аудиторіяхъ. Впрочемъ, въ такіе часы почти никто въ аудиторіи и не ходилъ. Однажды, когда море наше черезъ-чуръ разволновалось, въ сборный залъ вошелъ Бунге, бывшій тогда ректоромъ. Кто-то изъ ораторовъ гремѣлъ на подоконникѣ. Потомъ раздались голоса, что ректоръ хочетъ говорить. Съ большимъ трудомъ немного успокоили расходившуюся толпу. Бунге заговорилъ о томъ, что національные споры слѣдуетъ разрѣшать болѣе спокойнымъ академическимъ путемъ, и что происходящіе слишкомъ шумные споры могутъ вызвать нежелательное вторженіе въ университетъ посторонней власти. Его невысокая худощавая фигура, не звучный голосъ и скромная манера не производили импонирующаго дѣйствія. Рѣчь его скоро была прервана негодующими возгласами, криками „вонъ!“ и свистками, и бѣдный Николай Христіановичъ поспѣшилъ удалиться**). А бушующее море, конечно, постепенно успокоилось безъ появленія полиціи и безъ всякихъ репрессій.

---

*) Впослѣдствіи директоръ нѣжинскаго лицея.

**) Покойный вице-директоръ таможеннаго д-та Забугинъ, сопровождавшій Бунге въ его поѣздкѣ по южной Россіи, разсказывалъ мнѣ, что министръ пожелалъ осмотрѣть сооруженія, производившіяся въ

Броженіе въ университетахъ, возникшія кое-гдѣ крестьянскія волненія и ожиданіе разразившагося польскаго возстанія,—все это вызвало тревогу въ правительственныхъ сферахъ. Онѣ были озабочены спасеніемъ отечества отъ революціонныхъ потрясеній и сохраненіемъ въ неприкосновенности основъ, усиленно дѣйствуя при помощи явной и тайной полиціи. Для устрашенія студентовъ, на очень обширной въ то время университетской площади генералъ-губернаторъ Анненковъ раза по три въ недѣлю производилъ смотры и ученіе кавалерійскихъ полковъ. Кіевскія власти, чтобы образумить общество и отвлечь его отъ опасныхъ мечтаній, вздумали призвать на помощь и науку. Проф. Шульгину поручено было прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій соотвѣтственнаго содержанія.

Первая лекція состоялась въ залѣ первой гимназіи. Залъ былъ переполненъ до крайности. Я хорошо помню эту лекцію, особенно эффектное вступленіе въ нее, которое могу возстановить почти буквально.

Въ прекрасный осенній день 1787 года, *)—такъ началъ Шульгинъ,—въ Венсенскомъ лѣсу ѣхала блестящая веселая кавалькада, возвращавшаяся съ охоты. Впереди гарцовалъ король Людовикъ XVI. Одежда всадниковъ и чепраки блистали золотомъ и драгоцѣнными камнями.

На перекрестной дорогѣ король увидѣлъ крестьянина, несущаго что-то тяжелое на спинѣ.

Кавалькада остановилась.

— Что ты несешь?—спросилъ король.

— Гробъ моего сына.

— Отчего онъ умеръ?

— Отъ голода.

И веселая кавалькада помчалась дальше.

За этимъ вступленіемъ слѣдовало описаніе ужаснаго, отчаяннаго положенія массы населенія во Франціи въ то

одномъ изъ черноморскихъ портовъ. Пріѣхали къ порту. Тамъ выстроился отрядъ таможенной стражи. Скромный профессоръ забылъ, что онъ состоитъ военачальникомъ таможеннаго воинства. „Здравія желаемъ, ваше выс-ство!“ грянули солдаты. Сконфуженный Бунге снялъ шляпу и прошелъ дальше, не отвѣтивъ ни слова.

*) Годъ взятъ произвольно.

время. Непосильные государственные налоги и поборы дворянъ и духовенства, каторжный трудъ, едва обезпечивающій полуголодное существованіе семьи, полный произволъ и жестокости властей и безправіе и беззащитность низшихъ классовъ населенія,—все это мастерски было изображено въ яркихъ, потрясающихъ картинахъ, производившихъ огромное впечатлѣніе.

О томъ, къ чему привело такое состояніе страны, побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ,—закончилъ лекторъ.

Публика проводила его неистовыми, долго не умолкавшими апплодиссментами.

Но этого слѣдующаго раза уже не было. Начальство увидѣло, что Шульгинъ не особенно удачно выполняетъ возложенную на него задачу, и продолженія его публичныхъ лекцій не допустило.

Сколько еще времени пробылъ Шульгинъ профессоромъ, точно не могу вспомнить. Но это время было непродолжительно.

Передъ уходомъ, онъ лекціи цѣлаго семестра посвятилъ исторіографіи. Послѣдняя памятная лекція была объ Огюстенѣ Тьери. Изложивъ его ученые труды и охарактеризовавъ ихъ, Шульгинъ неожиданно поднялся съ мѣста и заявилъ, что онъ въ послѣдній разъ бесѣдуетъ съ нами. Прощаясь, онъ пожелалъ намъ успѣховъ въ нашей будущей служебной дѣятельности и, упомянувъ о томъ, что конецъ жизни Тьери былъ очень печаленъ, что онъ совершенно ослѣпъ и едва могъ диктовать окружающимъ свои мысли, закончилъ свою краткую рѣчь такъ: „Если васъ постигнутъ житейскія невзгоды, горе, тяжелыя неудачи, вспоминайте слова великаго ученаго, о которомъ мы сегодня бесѣдовали: есть что-то въ жизни, что выше славы, выше богатства, выше почестей, выше всѣхъ личныхъ радостей,—это любовь къ наукѣ“.

Мы были очень растроганы и съ большимъ сожалѣніемъ проводили нашего „громовержца“. Всѣ тогда говорили, что причиной его ухода была публичная лекція въ первой гимназіи.

Извиняясь за новое отступленіе, не могу не вспомнить о маленькомъ путешествіи, которое я совершилъ около этого времени. Старшая сестра моя лѣтомъ 1862 г.

должна была ѣхать въ Черниговъ. Покончивъ съ полукурсовыми экзаменами, я рѣшилъ ее проводить. Тогда не только не было желѣзной дороги до Чернигова, но не было и пароходнаго сообщенія по Деснѣ,—и мы, для удешевленія пути, отправились въ еврейской „балагулѣ“. Это длинная, довольно глубокая брика, съ обручами вверху, обтянутыми холстомъ. Въ ней обыкновенно помѣщались до десяти пассажировъ. До тѣхъ поръ я никуда, кромѣ Юрова, не выѣзжалъ, и это путешествіе меня интересовало, но оказалось оно очень несноснымъ! Оно совершалось съ черепащьею быстротой, не больше пяти верстъ въ часъ, съ остановками среди дня и ночлегами, и разстояніе въ 132 версты мы одолѣли въ теченіе почти двухъ сутокъ. Второй ночлегъ былъ въ с. Красиловкѣ, за тридцать верстъ отъ цѣли нашего пути. Мы расположились въ комнатѣ очень сомнительной чистоты. Но вечеръ былъ прекрасный, и чаепитіе мы устроили на открытомъ корридорѣ, обращенномъ ко двору. На другомъ концѣ этого длиннаго корридора сидѣли за самоваромъ хозяинъ постоялаго двора, его жена и гость, за которымъ очень подобострастно ухаживали хозяева, постоянно наливая его рюмку изъ огромнаго графина съ какою-то настойкой. Гость оказался богатымъ подрядчикомъ по ремонту шоссе. Было уже довольно поздно, когда графинъ опустѣлъ, и гость собрался уѣзжать. Хозяйка вспомнила, что она не угостила кучера,—а водки уже не было. Она позвала своего мальчика и приказала ему:

— Бѣги скорѣе въ шинокъ и принеси бутылку водки Скажи, чтобы записали на мой счетъ.

— Это что такое?! Твой счетъ? Я тебѣ покажу твой счетъ!

Съ этими словами хозяинъ поднялся и, замахнувшись толстымъ длиннымъ чубукомъ, кинулся къ женѣ. Гость поспѣшилъ остановить грознаго супруга.

На другой день въ с. Яновкѣ, въ 12 верстахъ отъ Чернигова, еврей свернулъ съ шоссе къ колодцу напоить лошадей. Былъ какой-то праздникъ. Звонили къ обѣднѣ.

По улицѣ шелъ сильно нагрузившійся крестьянинъ. Шапка едва держалась на затылкѣ. Онъ путалъ пьяными ногами и горланилъ пѣсню.

Вдругъ изъ проулка появилась его жена.

— А, с-чій с. Чи не соромъ тобі? Люде до церкви збіраютця, а ты вже набрався!

И она сильно треснула супруга по уху, такъ что шапка отлетѣла довольно далеко.

— Иды скорійше до дому, дурный! Заховайся одъ глуму людського!—И поднявъ шапку и, схвативъ виновнаго за шиворотъ, она потащила его домой, угощая тумаками. Онъ покорно повиновался, не произнося ни слова.

Такимъ образомъ, я въ первый разъ наглядно ознакомился съ положеніемъ великорусской женщины и малорусской.

А польское возстаніе въ это время видимо приближалось. Полиція отбирала оружіе въ польскихъ домахъ. Производились многочисленные аресты. По ночамъ слышался иногда топотъ убѣгающихъ и гоньба за ними полиціи и казаковъ. Въ костелѣ каждый праздникъ всѣ присутствующіе распѣвали воинственные польскіе гимны. Дамы-патріотки носили трауръ и бѣлыя костяныя брошки, изображавшія одноглаваго польскаго орла. Многія изъ этихъ дамъ посѣщали, однако, великосвѣтскіе вечера, на которыхъ бывалъ генералъ-губернаторъ Анненковъ. Онѣ усердно ухаживали за нимъ, зная, что онъ не уклоняется отъ такихъ ухаживаній, съ цѣлью усыпить его бдительность. Благосклонное отношеніе начальника края къ заигрываніямъ полекъ вызвало громкій ропотъ среди русскаго кіевскаго общества. По селамъ распространялись золотыя грамоты, обѣщавшія крестьянамъ широкую волю подъ польскимъ владычествомъ. Среди большинства студентовъ не было враждебнаго отношенія къ ожидавшемуся возстанію. Мы негодовали противъ чрезмѣрныхъ польскихъ притязаній на край съ малорусскимъ населеніемъ, которое испытало и еще испытывало не очень сладкую жизнь въ польскихъ имѣніяхъ и помнило кровавую расправу съ поляками Желѣзняка и Гонты. Мы, демократы, съ презрѣніемъ относились къ высокомѣрному тону и шляхетскимъ замашкамъ товарищей поляковъ. Но въ душѣ мы желали успѣха жертвующимъ жизнью за освобожденіе родины.

Однажды въ свободный часъ между лекціями я ушелъ къ знакомымъ вблизи университета. Въ двѣнадцать часовъ я снова спѣшилъ на лекцію. На пути я узналъ, что сейчасъ произошла у костела многолюдная демонстрація, что полиція кинулась въ толпу, чтобы произвести аресты, и что поляки сильно избили частнаго пристава Матковскаго.

Направляясь въ сборный залъ, я услышалъ сильный, небывалый шумъ и угрожающіе крики. Шумѣла возбужденная до бѣлаго каленія толпа, возвратившаяся изъ костела. На полу валялись обломки дерева и куски стекла: всѣ витрины, висѣвшія на стѣнахъ, были разбиты вдребезги.

Скоро начали собираться банды повстанцевъ. Изъ Кіева вышла въ банду небольшая толпа, и въ томъ числѣ нѣсколько студентовъ.

Первое выступленіе банды близъ с. Борщаговки, въ 12 верстахъ отъ Кіева, окончилось очень печально. Ея вожаки, встрѣтившись съ толпой крестьянъ, прочли золотую грамоту и начали уговаривать ихъ присоединиться къ возстанію, обѣщая въ будущемъ всякія блага. Но крестьяне бросились на банду и многихъ избили и изувѣчили; студенту Юрьевичу отрѣзали косою обѣ ноги; остальныхъ связанныхъ пригнали на другой день въ Кіевъ.

Я однажды испыталъ на себѣ, до какой степени сельское населеніе было озлоблено противъ повстанцевъ. Въ концѣ лѣта 1863 г. я съ нѣсколькими товарищами, въ праздничные дни, отправился къ знакомому лѣсничему въ приднѣпровье черниговской губерніи. Туда мы ѣхали на лошадяхъ, а обратно по теченію въ лодкѣ. Гребцы причалили для чего-то къ прибрежному селу. Вышли и мы на берегъ. Вдругъ на насъ бросилось десятка два крестьянъ. „Вяжи ихъ! це бисовы поляки“, раздались крики. Одинъ пошелъ за веревками. Всѣ наши доводы и просьбы не задерживать насъ не дѣйствовали. У одного изъ студентовъ оказался въ карманѣ газетный листокъ съ сенатскимъ рѣшеніемъ, начинавшійся словами „По указу Его Императорскаго Величества“. Онъ догадался прибѣгнуть къ помощи этого листка „Читайте!“ грозно крикнулъ онъ, указывая на

спасительные для насъ слова. Нашелся одинъ полуграмотный, съ трудомъ разобравшій эти слова. Толпа разступилась. Нѣкоторые сняли шапки. Мы поспѣшили въ лодку.

Немного я могъ-бы разсказать личныхъ впечатлѣній объ этомъ возстаніи,—тѣмъ болѣе, что близъ Кіева, кромѣ борщаговской рѣзни, и въ ближайшихъ къ Юрову мѣстахъ кровавыхъ стычекъ съ бандами не было. Главные акты возстанія разыгрались сѣвернѣе. Объ этомъ мнѣ еще придется упомянуть.

Больше я не вспомню выдающихся фактовъ изъ университетской жизни въ мое время. На послѣднемъ курсѣ мы больше занимались, не переставая, однако, интересоваться внутреннею политикой и ожиданіемъ новыхъ реформъ. На каѳедрахъ исторіи появились молодые адъюнкты — М. П. Драгомановъ, В. Г. Авсѣенко и В. Б. Антоновичъ. Они шли впереди меня на два года. Всѣ трое лежатъ теперь въ свѣжихъ еще могилахъ.

Много пришлось поработать передъ окончательнымъ экзаменомъ, чтобы сколько-нибудь наверстать пропущенное, благодаря разнымъ увлеченіямъ въ теченіе всего курса. Но всѣ экзамены прошли благополучно. Объ одномъ только экзаменѣ, по греческому языку, мнѣ совѣстно теперь вспомнить. Я явился къ Нейкирху съ знаніями не выше нынѣшнихъ учениковъ четвертаго класса, и почтенный классикъ оцѣнилъ мои отвѣты ниже единицы и поставилъ половину. Но это покрылось общимъ выводомъ по неглавнымъ предметамъ.

Окончился экзаменъ въ половинѣ іюня и я, стремясь скорѣе начать самостоятельную жизнь, послалъ прошеніе въ виленскій учебный округъ о назначеніи меня учителемъ въ одну изъ губернскихъ гимназій.

IV.

Въ должности учителя гимназіи.

Черезъ два мѣсяца отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа я получилъ извѣщеніе о назначеніи меня съ 15 августа 1864 года учителемъ географіи въ пинскую гимназію.

Выѣхалъ я въ Пинскъ въ концѣ августа на перекладныхъ по шоссе черезъ Житомиръ и Ровно. Слѣдующая за Ровно станція—обширное мѣстечко Клевань. Мѣстность передъ Клеванью очень красивая, холмистая, съ крупными лѣсами по сторонамъ шоссе, которыхъ теперь уже осталось очень мало. За Клеванью дорога сворачиваетъ съ шоссе и направляется по пескамъ и болотамъ ковельскаго уѣзда. Здѣсь уже пришлось разстаться съ благоустроенными станціями, исправной запряжкой и быстрою ѣздой. Станціонные дома представляли жалкія лачуги, по большей части одиноко стоящія въ лѣсу. Смотрителя станціи трудно было найти. Лошадей вовсе не было на лицо. Нужно было ожидать часа по три и больше, пока поймаютъ и приведутъ ихъ, свяжутъ кое-какъ неисправную упряжь и запрягутъ наконецъ маленькую крестьянскую повозку, въ которой едва можно было сидѣть съ моимъ небольшимъ багажомъ. Просматривая отъ скуки станціонную книгу, я съ удивленіемъ узналъ, что послѣдній пассажиръ проѣхалъ по этой дорогѣ за четыре мѣсяца передо мной, а всѣхъ было не больше десяти въ теченіе цѣлаго года.

Едва на пятый день добрался я до Пинска. Уставшія лошади съ трудомъ дотащили меня по глубокой грязи городскихъ улицъ до отвратительныхъ еврейскихъ номеровъ въ центрѣ города, гдѣ я долженъ былъ остановиться.

На другое утро я прежде всего послалъ купить самыя глубокія калоши и просилъ привести мнѣ извозчика. Это оказалась маленькая грязная бричка (фурманка), запряженная въ одну лошадь. Лучшихъ извозчиковъ не было. Улица представляла совершенно гладкую поверхность жидкой грязи, въ глубинѣ которой была, однако, единственная въ городѣ мостовая. Но она была такъ испорчена, съ такими глубокими впадинами, что ѣзда по ней была настоящимъ мученіемъ. Ѣхать можно было только шагомъ. Мой лихачъ скоро остановился передъ зданіемъ гимназіи, и я отправился представиться директору.

Директоромъ былъ почтенный, чрезвычайно симпатичный старикъ Вронскій. Онъ былъ когда-то хорошо знакомъ съ моимъ отцомъ и принялъ меня такъ радушно и ласково, что во мнѣ сразу смягчилось гнетущее впечатлѣніе, вызванное видомъ Пинска.

Вронскій былъ изъ уніатовъ. Семья его, состоявшая изъ прекрасной старушки жены и двухъ взрослыхъ дочерей, постоянно говорила по польски, а по русски объяснялась съ трудомъ. Такъ какъ въ то время, какъ извѣстно, очереднымъ вопросомъ внутренней политики въ западныхъ губерніяхъ было „обрусеніе" края, и массы нахлынувшихъ русскихъ чиновниковъ—обрусителей—громко поднимали патріотическій голосъ во вкусѣ нынѣшнихъ націоналистовъ,—то такая семья была для служебнаго положенія Вронскаго большимъ минусомъ.

Почти всѣ учителя были заурядные чиновники, отбывавшіе казенную повинность. Между ними было нѣсколько пожилыхъ, давно уже служившихъ въ Пинскѣ. А извѣстно, что учитель, попавшій въ захолустную гимназію, гдѣ нѣтъ другихъ учебныхъ заведеній и гдѣ почти не бываетъ частныхъ уроковъ, если только онъ чувствуетъ въ себѣ силы и спосособности, стремится уйти изъ такого захолустья въ другой городъ, гдѣ можно имѣть заработокъ, кромѣ скуднаго учительскаго жалованья. Остаются только посредственности, не имѣющія никакихъ шансовъ добиться лучшаго положенія.

Учительская библіотека была очень скудна, и я, не находя въ ней никакихъ пособій для преподаванія, долженъ былъ самъ ихъ выписывать. Ученической библіо-

теки вовсе не было. Въ педагогическомъ совѣтѣ занимались чтеніемъ циркуляровъ учебнаго округа, обсужденіемъ проступковъ учениковъ и формальными постановленіями, диктуемыми директоромъ, по предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію совѣта. Какихъ-либо общихъ вопросовъ о положеніи преподаванія, объ его улучшеніи, о воспитательныхъ мѣрахъ и въ совѣтѣ, и вообще въ учительской средѣ никогда не поднималось. Къ ученикамъ почти всѣ относились сурово и вполнѣ безучастно, требуя только зубренія уроковъ по учебнику.

Къ обрусительной миссіи, настойчиво предписываемой округомъ, учителя также относились равнодушно, не умѣя выйти изъ заученнаго шаблона и отбывая эту миссію грубо и безтактно. Одинъ только инспекторъ Чайковскій очень усердствовалъ въ этомъ отношеніи. Онъ былъ женатъ на полькѣ и всѣми силами старался показать начальству, что онъ не потакаетъ полякамъ. Онъ особенно преслѣдовалъ учениковъ поляковъ, грубо придирался къ нимъ и за всякіе пустяки сажалъ ихъ въ карцеръ. Также грубо и рѣзко до неприличія относился онъ къ родителямъ полякамъ, приходившимъ иногда въ гимназію за справками о сыновьяхъ.

Между учительскою молодежью также почти не было живыхъ людей, способныхъ внести что-нибудь свѣжее въ нашу педагогическую мертвечину. Единственнымъ исключеніемъ былъ В. С. Синегубъ. Онъ окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета въ Кіевѣ двумя годами раньше меня. Я зналъ его по нашимъ бурнымъ преніямъ въ студенческой читальнѣ. Мы часто сходились по вечерамъ и отводили душу въ откровенныхъ бесѣдахъ, совершенно чуждыхъ другимъ пинскимъ педагогамъ. Но и это продолжалось недолго. Синегубъ женился на дочери директора Вронскаго и, для обезпеченія своего служебнаго положенія, началъ слѣдовать, хотя и не такъ грубо, примѣру инспектора Чайковскаго. Лѣтъ черезъ двадцать я узналъ, что его патріотическое усердіе было оцѣнено, и онъ дослужился до должности директора гимназіи въ западномъ краѣ.

За отсутствіемъ какихъ-бы то ни было общественныхъ развлеченій, въ квартирахъ учителей раза два въ недѣлю устраивались по очереди небольшія вечеринки,

Интересы внѣшняго міра почти всѣмъ собирающимся были чужды; газетъ и журналовъ почти никто не читалъ,—и вечера проводились за зеленымъ столомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего пріѣзда, возникъ особымъ образомъ въ Пинскѣ общественный клубъ. Онъ числился по штату и раньше, но о немъ почти никто и не зналъ. Теперь полиція усиленно вербовала членовъ клуба, собирала членскіе взносы, что выходило почти принудительно, наняла довольно просторное помѣщеніе, пріобрѣла необходимую обстановку,—и каждую недѣлю устраивались клубные вечера. Считалось, что это патріотическое учрежденіе, созданное для объединенія русскаго общества, въ противовѣсъ крѣпкому объединенію поляковъ. Но оказалось, что мы ростомъ не вышли. Никакихъ объединяющихъ лозунговъ, никакихъ общихъ бесѣдъ, чтеній и т. п. въ клубѣ и въ поминѣ не было. Играли по обыкновенію въ карты, и даже до поздняго утра—въ азартныя игры, танцовали, сплетничали и патріотически пьянствовали.

Я бывалъ въ этомъ учрежденіи, но не часто.

Съ удовольствіемъ вспоминаю вечера, проведенные въ подгородномъ имѣніи польскаго помѣщика, фамиліи котораго, къ сожалѣнію, точно не помню. Послѣ надоѣвшей мнѣ до тошноты обрусительной атмосферы, я пріѣзжалъ въ образованную семью и дышалъ тамъ совсѣмъ другимъ воздухомъ, среди интеллигентныхъ людей, интересовавшихся и наукой, и европейскими событіями, и жившихъ высшими человѣческими потребностями, чуждыми той средѣ, въ которой я ежедневно вращался. Не мало было тамъ разговоровъ и о недавнемъ злосчастномъ польскомъ возстаніи. Передавали мнѣ разныя подробности о стычкахъ польскихъ бандъ съ русскими отрядами, о жестокостяхъ солдатъ, о конфискаціи имѣній, о ссылкахъ и казняхъ. Съ особеннымъ восторгомъ и гордостью говорили о польскомъ военачальникѣ Рогинскомъ. Онъ предварительно учился въ военной академіи въ Генуѣ. Ему писали туда о формированіи войска, о заготовкѣ оружія и боевыхъ запасовъ,—и когда его призвали, онъ съ жаромъ устремился на родину, надѣясь на ея освобожденіе. Но ему пришлось горько разочароваться. По лѣсамъ были разсѣяны не-

большія банды, нисколько не подготовленныя къ военнымъ дѣйствіямъ и воруженныя охотничьими ружьями, старыми пистолетами, дѣдовскими саблями, вилами и кольями. Рогинскій, дѣйствуя на югѣ минской губерніи, быстро собралъ разрозненныя банды, энергично занялся ихъ обученіемъ, подробнымъ ознакомленіемъ съ мѣстностью, въ которой ему приходилось вести трудную борьбу, и, съ безумной храбростью, воодушевлявшею всѣхъ, не только ловко ускользалъ отъ нападеній русскихъ отрядовъ, но иногда и нападалъ на нихъ очень успѣшно. Случалось ему захватывать въ плѣнъ солдатъ и офицеровъ. Онъ не допускалъ по отношенію къ плѣннымъ никакихъ жестокостей и относился къ нимъ съ рыцарскимъ великодушіемъ. Долго не могли справиться съ Рогинскимъ. Наконецъ, увеличивъ число войска, окружили его однажды со всѣхъ сторонъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ вынужденъ былъ отдаться въ плѣнъ. Его привели къ командовавшему русскимъ войскомъ графу Ностицу, и Рогинскій отдалъ послѣднему свою саблю. Ностицъ, зная о личныхъ качествахъ Рогинскаго, объ его храбрости и военныхъ талантахъ, обѣщалъ сдѣлать все возможное для облегченія его участи. Онъ по возможности сдержалъ слово: Рогинскій былъ спасенъ отъ висѣлицы и отправленъ въ каторгу *).

На частое мое отсутствіе въ клубѣ и посѣщеніе польскаго дома обращено было вниманіе мѣстнаго жандармскаго офицера. Однажды Вронскій пригласилъ меня къ себѣ и далъ отеческій совѣтъ подчиняться общему теченію и держать носъ по вѣтру. Это не было начальственное внушеніе: слишкомъ было замѣтно, что почтенный старикъ говоритъ вынужденно, и что ему совѣстно давать такой совѣтъ.

Вообще, въ роли обрусителя я никуда не годился.

---

*) Сорокъ лѣтъ спустя, я вспомнилъ о польскомъ возстаніи и о Рогинскомъ въ бесѣдѣ съ земскимъ врачемъ полякомъ. Замѣтивъ, что онъ очень волнуется, я спросилъ его, что съ нимъ? „Да вѣдь жена моя—родная дочь Рогинскаго“ отвѣтилъ онъ и дальше сообщилъ, что тесть его недавно освобожденъ, что онъ здоровъ и бодръ и на дняхъ танцовалъ у знакомыхъ мазурку. А я былъ увѣренъ, что онъ давно уже покоится въ мерзлой сибирской могилѣ.

Пріѣхалъ при мнѣ въ Пинскъ новый учитель рисованія Шуховъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, изъ строгановскаго училища. Его крайняя неразвитость, раболѣпное низкопоклонство и показное ханжество были ужасно противны. Я нанималъ квартиру со столомъ. У моего хозяина началъ столоваться и Шуховъ и просилъ меня разрѣшить ему обѣдать со мной въ моей комнатѣ. На первыхъ-же обѣдахъ онъ надоѣлъ мнѣ своими грубѣйшими черносотенными разговорами и, между прочимъ, по-своему выразилъ, что директоръ и его семья не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени, и что онъ считаетъ нужнымъ сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ. Я посовѣтовалъ ему не мѣшаться не въ свое дѣло и перевелъ разговоръ на другую тему. Въ другой разъ онъ разсказалъ о демонстраціи студентовъ въ Москвѣ и о томъ, какъ онъ участвовалъ въ ихъ избіеніи. „Ужъ и задали мы этимъ мерзавцамъ крамольникамъ!" закончилъ онъ, для наглядности засучивая рукава. Я не могъ дольше выносить такихъ пріятныхъ бесѣдъ и попросилъ хозяина кормить этого патріота у себя.

На каникулахъ 1865 года Вронскій вышелъ въ отставку. Выбыла семья, среди которой можно было отдохнуть отъ модныхъ патріотическихъ разговоровъ. Директоромъ назначенъ былъ сухой чиновникъ Куклинскій.

Въ началѣ апрѣля 1866 года, когда получено было извѣстіе о печальномъ событіи въ Петербургѣ, все чиновничество пинское наперерывъ старалось погромче проявить свое патріотическое и обрусительное усердіе. Атмосфера сдѣлалась до крайности удушливой, и я началъ усиленно хлопотать о перемѣщеніи въ другую гимназію. Въ сентябрѣ 1866 года я назначенъ былъ въ Черниговъ, сдѣлавшійся моей второй родиной, гдѣ мнѣ суждено было сдѣлаться осѣдлымъ и работать въ теченіе всей остальной жизни.

Въ черниговской гимназіи я сразу почувствовалъ себя въ другой атмосферѣ. Классицизмъ еще не налегъ на гимназію своимъ тяжелымъ гнетомъ. Между учителями было нѣсколько выдающихся, живыхъ людей, интересовавшихъ учениковъ своимъ преподаваніемъ и разумнымъ общеніемъ съ ними привлекавщихъ къ себѣ

ихъ симпатіи и уваженіе. Особенно благодарную память въ ученикахъ оставили по себѣ, уже покойные, Дорошенко, братья Константиновичи и Вербицкій-Антіоховъ. Тогда такіе учителя были еще терпимы.

Кромѣ занятій въ мужской гимназіи, я долженъ былъ отдавать не мало времени и недавно передъ тѣмъ открывшейся гимназіи женской.

Посѣщая Черниговъ еще студентомъ, я познакомился съ двумя существовавшими тогда женскими пансіонами. Учили въ этихъ пансіонахъ очень немногому. Главное вниманіе обращалось на манеры, танцы и французскую болтовню, чего, главнымъ образомъ, требовали и родители. Я былъ однажды на актѣ въ одномъ изъ этихъ пансіоновъ. Всѣ выпускныя ученицы были въ бѣлыхъ платьяхъ. Присутствовали губернаторъ, архіерей, директоръ гимназіи и многіе родители. Ученицы выходили по очереди на эстраду и читали русскія и французскія стихотворенія, потомъ играли на рояли въ четыре руки, и выставка познаній закончилась танцованіемъ „качучи", съ длинными цвѣтными шарфами въ рукахъ. Въ заключеніе подходили къ болѣе почетнымъ гостямъ, дѣлали изящные книксены и получали аттестаты, въ которыхъ каждой были выставлены отличныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ.

Губернаторомъ былъ тогда очень умный и просвѣщенный человѣкъ князь С. П. Голицынъ. Онъ много потрудился надъ разумнымъ проведеніемъ въ губерніи реформы 19 февраля и былъ горячимъ сторонникомъ освободительныхъ реформъ Александра II. Видя жалкое положеніе женскаго образованія, онъ энергично взялся за устройство женской гимназіи въ Черниговѣ. Чиновники всей губерніи (особенно акцизные), по его приглашенію, дѣлали вычеты изъ жалованья, устраивались концерты, спектакли, лотереи, распространялись подписные листы и т. п., и въ короткое время образовался фондъ, съ которымъ можно было уже приступить къ дѣлу. Въ образованіи этого фонда министерство народнаго просвѣщенія не принимало участія. Въ квартирѣ губернатора часто собирались подготовительныя комиссіи, въ которыхъ позднѣе участвовали и учителя гимназіи. Гимназія была открыта въ концѣ 1865 года.

Получая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самую скудную поддержку отъ казны, гимназія едва могла сводить концы съ концами, и то благодаря тому, что почти половина учителей преподавали въ ней безплатно. Позднѣе, съ открытіемъ земскихъ учрежденій и съ введеніемъ городового положенія, она начала получать пособія отъ земства и городской думы*).

Въ первые годы службы моей въ Черниговѣ, мужская гимназія давала блестящіе выпуски. Оканчивало около сорока учениковъ и почти всѣ получали аттестаты. Былъ между ними значительный процентъ молодыхъ людей очень выдающихся. Но и отвѣты среднихъ по успѣхамъ, а особенно толковыя и безусловно грамотныя ихъ сочиненія, были на столько удовлетворительны, что съ ними далеко не могутъ сравниться результаты экзаменовъ самыхъ лучшихъ учениковъ, выпускаемыхъ изъ гимназіи въ позднѣйшее время.

Скоро стала проявлять свое пагубное дѣйствіе классическая система, извратившая преподаваніе и внесшая совсѣмъ новый духъ въ жизнь гимназіи. Усерднымъ проводникомъ этой системы былъ директоръ Кустовъ. Лучшіе учителя или сами оставили службу, или были вытѣснены и переведены „для пользы службы" въ другія гимназіи. Они были замѣщены педагогами новѣйшей формаціи, которые и сами знали очень мало, и преподавали очень плохо. Успѣхи обученія стали быстро понижаться. Ежегодно исключались десятки учениковъ, не выдержавшихъ экзамена послѣ двухлѣтняго пребыванія въ классѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ изъ сорока слишкомъ учениковъ, явившихся къ окончательному экзамену, выпущено было только четыре. Пріѣхалъ попечитель Антоновичъ. Въ педагогическомъ совѣтѣ онъ

---

*) Министерство народ. просвѣщенія и до настоящаго времени слишкомъ скупо на ассигновки для гимназій. Если, при наплывѣ поступающихъ, необходимо открыть параллельные классы или нужно расширить помѣщеніе гимназіи, на ходатайства объ отпускѣ суммъ на такія потребности у министерства всегда одинъ отвѣтъ, что это относится на мѣстныя средства. А средства эти образуются, главнымъ образомъ, изъ сбора за право ученія. На моей памяти сборъ этотъ увеличенъ въ семь разъ, достигнувъ размѣра, совершенно непосильнаго для небогатыхъ родителей.

выразилъ негодованіе по поводу такого веденія дѣла и удивленіе, какъ могли быть доведены до выпускного класса четыре десятка учениковъ, если они совсѣмъ забракованы при окончательномъ экзаменѣ.

— Мы стараемся выполнять требованія программы—отвѣтилъ Кустовъ.

— Программа представляетъ идеалъ, къ достиженію котораго нужно стремиться—пояснилъ попечитель,—а на сколько онъ достижимъ при данныхъ условіяхъ,—ваше дѣло разсудить.

Въ заключеніе, Антоновичъ строго заявилъ, что неуспѣшность учениковъ всецѣло зависитъ отъ учителей, и пригрозилъ, что учителя, ведущіе плохо преподаваніе, будутъ увольняемы отъ службы.

Но это начальственное внушеніе мало измѣнило положеніе дѣла: его не въ силахъ былъ измѣнить совершенно неудовлетворительный персоналъ преподавателей.

Кустова перевели въ Кіевъ. На его мѣсто назначенъ былъ остзейскій нѣмецъ, классикъ Мессъ. Онъ яростно налегалъ на преподаваніе классическихъ языковъ и былъ очень требователенъ. Ученики изнемогали подъ тяжестью задаваемыхъ уроковъ и теряли здоровье. У Месса была еще тяжелая особенность. Онъ не выносилъ шалостей учениковъ и почти въ каждое засѣданіе совѣта вносилъ предложенія объ исключеніи нѣсколькихъ за довольно невинныя проказы.

— Я требую полной благовоспитанности,—возражалъ онъ пытавшимся защитить шалуновъ,—и пріучу ихъ къ этому. У насъ въ остзейскомъ краѣ стоятъ въ классахъ цвѣты на окнахъ, висятъ по стѣнамъ картины, и никто не смѣетъ прикоснуться къ нимъ. Дурная трава изъ поля вонъ!—любилъ онъ повторять.

Огромное большинство считало долгомъ соглашаться съ директоромъ. Были годы, когда за неуспѣшность и шалости исключалось до 25% всѣхъ учащихся.

По поводу этого массоваго исключенія мнѣ пришлось позднѣе вести бесѣду, о которой стоитъ разсказать. На окраинѣ Чернигова долго стояла пустыремъ принадлежащая министерству народнаго просвѣщенія обширная усадьба, съ рощею въ нѣсколько десятинъ, гдѣ прежде было уѣздное училище. Жена губернатора,

княгиня Е. Д. Шаховская (дочь Милютина), хлопотала объ отдачѣ этой усадьбы дѣтскому пріюту. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда я былъ городскимъ головой, я собрался ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ. Е. Д. вручила мнѣ письмо къ министру Делянову, и просила передать его лично и постараться склонить министра къ скорѣйшей передачѣ усадьбы. Я явился въ пріемный день въ домъ армянской церкви, гдѣ жилъ Деляновъ. Просителей не было. Министръ, просмотрѣвъ письмо, началъ меня расправшивать о пріютѣ и обученіи въ немъ. Я сообщилъ довольно подробно о программѣ пріюта и объ ея недостаткахъ.

— Да вы, видно, знакомы съ учебнымъ дѣломъ? перебилъ онъ меня.

Я объяснилъ, что прослужилъ по его вѣдомству больше десяти лѣтъ.

— Почему-же вы оставили учебную службу?

Я изобразилъ по возможности ярче веденіе дѣла въ гимназіи, вынудившее меня разстаться съ ней, и между прочимъ упомянулъ о безпощадныхъ исключеніяхъ учениковъ.

Деляновъ на минуту задумался.

— Да, сказалъ онъ: прежде было лучше. Высѣкли— и баста. И родителямъ было легче, и дѣтямъ не портили будущаго.

И онъ при этомъ энергично помахалъ рукой, изображая видимо пріятный ему способъ физическаго воздѣйствія.

Я приведу нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, до какой степени доходила невѣжественность и неразвитость педагоговъ, появлявшихся тогда въ черниговской гимназіи.

Незадолго до моего выхода изъ гимназіи, собрались мы въ первое послѣ каникулъ засѣданіе педагогическаго совѣта. Входитъ молодой человѣкъ, худощавый, съ отрѣзанною ногой, на двухъ костыляхъ. Оказалось, что это вновь назначенный учитель Жукъ, только что окончившій историко-филологическій факультетъ по классическому отдѣленію. Директоръ читаетъ составленное имъ распредѣленіе уроковъ между учителями по классамъ. Жуку назначены были уроки латинскаго языка

и греческаго въ третьемъ и четвертомъ классахъ. Онъ выразилъ просьбу освободить его отъ греческихъ уроковъ въ четвертомъ классѣ, такъ какъ преподаваніе въ этомъ классѣ будетъ для него очень затруднительно. Кто-то замѣтилъ, что Жукъ специалистъ-классикъ, и что въ четвертомъ классѣ ему не трудно будетъ вести дѣло, такъ какъ обученіе греческому языку начинается съ азбуки въ третьемъ. Но новый педагогъ настоялъ на своемъ, и расписаніе пришлось передѣлывать.

Передъ рождественскими каникулами зашелъ я по дѣлу къ директору. Я засталъ Месса въ волненіи быстро расхаживающимъ по кабинету. Я извинился, что пришелъ не во-время, и хотѣлъ удалиться.

— Нѣтъ, вы посмотрите, каковы эти господа!—крикнулъ Мессъ въ сильномъ раздраженіи:—они и въ спеціальности своей смыслятъ очень мало, и на своемъ родномъ языкѣ пишутъ, какъ полуграмотные солдаты.

И онъ показалъ мнѣ листъ бумаги, на которомъ написано было всего пять строкъ. Это было прошеніе Жука объ отпускѣ, съ грубѣйшими грамматическими ошибками, за которыя ученику второго класса ставятъ единицу.

Но всѣхъ подобныхъ педагоговъ превзошелъ назначенный вскорѣ послѣ моей отставки инспекторъ Антонюкъ, окончившій курсъ нѣжинскаго историко-филологическаго института. Я слышалъ толки о его дикихъ странностяхъ, грубыхъ выходкахъ и жестокомъ обращеніи съ учениками,—но мнѣ эти толки казались преувеличенными. Однажды на вечерѣ у знакомыхъ я встрѣтился съ этимъ господиномъ. Уже одинъ внѣшній видъ его поразилъ меня своей неотесанностью, грубыми, рѣзкими манерами и полнымъ отсутствіемъ интеллигентности. За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ. Кто-то изъ присутствующихъ передавалъ впечатлѣнія недавней поѣздки своей за границу.

А хорошо было-бы увидѣть всѣ эти чудеса природы и искусства. Не правда-ли?—спросилъ я сосѣда.

— Нѣтъ, меня Западная Европа нисколько не интересуетъ, отвѣтилъ онъ: если-бы я могъ, я поѣхалъ-бы въ Аѳины, въ малоазійскія греческія колоніи. Тамъ я увидѣлъ-бы слѣды истинной древней цивилизаціи.

Чтобы ближе ознакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ моего классическаго сосѣда, я заговорилъ о новой интересной статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы“. Оказалось, что ни о статьѣ, ни о „Вѣстникѣ Европы“ онъ не имѣлъ никакого понятія. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что онъ вовсе не читаетъ никакихъ журналовъ и даже газетъ и строго преслѣдуетъ учениковъ за такое чтеніе. Нужно подчеркнуть, что этотъ господинъ уже отличенъ былъ начальствомъ. Онъ былъ еще очень молодъ и въ короткое время дослужился до должности инспектора.

Еще вспомнилъ я объ интересной бесѣдѣ, тоже за ужиномъ у моего пріятеля. Сидѣли мы за отдѣльнымъ столикомъ небольшою компаніей. Между нами былъ учитель — классикъ Т., и теперь еще просвѣщающій черниговскую гимназію. Дѣло было осенью.

Выѣзжали вы куда нибудь на каникулы?—спросилъ я классика.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ: я все лѣто провелъ въ Черниговѣ.

Дальше онъ разговорился о томъ, что знакомился съ окрестностями города и съ увлеченіемъ читалъ историческіе романы Данилевскаго, по которымъ, дескать, можно изучить исторію Малороссіи.

Меня крайне поразилъ его тонъ. Такъ могъ-бы говорить ничему не учившійся полуграмотный приказчикъ мелочной лавки. Выходило такъ, что собесѣдникъ мой только теперь изъ Данилевскаго узналъ о гетманахъ, объ отношеніяхъ Украины къ Польшѣ, къ крымскому ханству и т. д.

У Данилевскаго пишется о крымскихъ татарахъ. Откуда взялись въ Крыму эти татары?—спросилъ онъ меня.

Я перемигнулся съ сосѣдями и объяснилъ, что когда Иванъ Грозный разгромилъ Казань, татары изъ казанскаго царства переселились въ Крымъ.

Собесѣдникъ мой повѣрилъ этому объясненію.

Огромное большинство педагоговъ не прикасалось къ газетамъ и журналамъ и вообще не интересовалось чтеніемъ. Въ черниговской общественной библіотекѣ были сотни подписчиковъ, но между ними не было ни

одного учителя гимназіи. Ученикамъ тоже строго воспрещалось пользоваться этою библіотекой.

Въ день пушкинскаго юбилея небольшой кружокъ интеллигенціи задумалъ устроить скромный банкетъ. Разосланы были приглашенія въ разныя учрежденія и, конечно, въ гимназію. Явилось на банкетъ всего около двадцати человѣкъ. Не было почти никого изъ чиновничества, а учителя гимназіи блистали полнымъ отсутствіемъ.

Вспоминаются еще нѣсколько тогдашнихъ педагоговъ, безъ всякой пользы занимавшихъ свои мѣста и даже вредно вліявшихъ на учениковъ: учитель французскаго языка полякъ Бобръ, крайне взбалмошный и разсѣянный, который не могъ ничему научить и подвергался насмѣшкамъ и обиднымъ продѣлкамъ со стороны учениковъ, но не жаловался на нихъ, боясь, что неумѣнье съ ними справиться повлечетъ за собой удаленіе его отъ службы; нѣмецъ Теффенбергъ, грубый, невѣжественный, бравшій взятки съ учениковъ и сводившій свое преподаваніе къ тому, чтобы въ каждомъ классѣ вышколить получше пять — шесть учениковъ и выставлять ихъ на показъ при посѣщеніяхъ начальства; учитель ариѳметики Гринфельдъ, обремененный большою семьей, вѣчно нуждающійся, жалкій, подавленный, совершенно потерявшій способность объяснить что-нибудь ученикамъ; учитель русскаго языка Б., игравшій въ карты 360 ночей въ году, приходившій въ классъ заспаннымъ, иногда прямо изъ-за зеленаго стола, и поражавшій своимъ невѣжествомъ.

Онъ совершенно ничего не читалъ и, вмѣшиваясь иногда невпопадъ въ разговоры о современныхъ событіяхъ, о литературныхъ новостяхъ и т. п., говорилъ обыкновенно удивительныя нелѣпости, вызывавшія общій смѣхъ.

Пріѣзжали для ревизіи гимназіи попечители, окружные инспектора, знакомились съ этимъ изумительнымъ звѣринцемъ, и я не помню случая, чтобы кого-нибудь изъ этихъ никуда негодныхъ людей убрали на покой. Напротивъ, когда такіе господа выслуживали 25-лѣтній срокъ, ихъ обыкновенно оставляли еще, для увеличенія пенсіи, на дополнительное пятилѣтіе.

Позднѣе, въ попечительномъ совѣтѣ женской гимназіи былъ такой случай: я, какъ членъ совѣта, указавъ на статью устава, предоставляющую совѣту слѣдить за учебнымъ дѣломъ и, въ случаѣ замѣченныхъ недостатковъ, представлять о нихъ учебному начальству, заявилъ о двухъ классныхъ дамахъ, которыя совершенно не приносятъ въ гимназіи никакой пользы, и предложилъ позаботиться объ ихъ пенсіи и просить попечителя назначить на ихъ мѣсто другихъ, отвѣчающихъ своему назначенію. Директоръ гимназіи возмутился такимъ вторженіемъ въ учебное дѣло со стороны некомпетентнаго въ немъ учрежденія. Но совѣтъ почти единогласно принялъ мое предложеніе, и въ педагогическій совѣтъ гимназіи сдѣлано было соотвѣтственное представленіе. Нѣсколько мѣсяцевъ не получалось никакого отвѣта. Затѣмъ, послѣ напоминанія, директоръ увѣдомилъ, что представленіе попечительнаго совѣта послано на разрѣшеніе попечителя округа. Наконецъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полученъ былъ отвѣтъ попечителя, что вопросы о пригодности лицъ, служащихъ въ гимназіяхъ, всецѣло подлежатъ разрѣшенію учебнаго начальства. Дамы остались на мѣстахъ.

Вступая въ 1875 году въ должность городского головы, я, съ согласія попечителя округа, чтобы сохранить право на пенсію, оставилъ за собой нѣсколько уроковъ въ мужской гимназіи. Но право это я сохранилъ недолго.

Посѣщая засѣданія педагогическаго совѣта, я, при всякомъ предложеніи директора Месса объ исключеніи учениковъ, неизмѣнно возражалъ противъ этихъ предложеній, высказывая, что гимназія не карательное, а воспитательное заведеніе. Месса эти возраженія выводили изъ себя. Онъ не разъ съ раздраженіемъ замѣчалъ мнѣ, что я одинъ иду противъ общаго теченія дѣлъ въ гимназіи и оспариваю его предложенія. Вѣроятно, онъ надоѣлъ въ учебномъ округѣ представленіями обо мнѣ, и попечитель Антоновичъ, пріѣхавшій въ Черниговъ въ 1879 году, добродушно сказалъ мнѣ, что я при существующихъ порядкахъ „не пришелся ко двору“, и посовѣтовалъ оставить службу. Я немедленно подалъ въ отставку.

Оглядываясь на строки, написанныя въ настоящей главѣ, я подумалъ, что изображенная мною печальная картина, относящаяся къ давнему времени, за сорокъ лѣтъ назадъ, годится и для изображенія современныхъ гимназій. Нужно только добавить нѣсколько еще болѣе омрачающихъ ее штриховъ о вторженіи въ жизнь гимназій внутренней политики и полиціи. Конечно, въ столицахъ и большихъ городахъ есть выдающіеся учителя, по своимъ знаніямъ и преподаванію стоящіе головой выше общаго уровня. Въ провинціи же громадное большинство современныхъ гимназическихъ педагоговъ должны узнать самихъ себя въ изображенныхъ мною лицахъ.

V.

Въ должности городского головы.

До введенія городового положенія 1870 г. завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ, подъ контролемъ губернскаго правленія, принадлежало сословной „шестигласной" думѣ, избиравшейся обществомъ купцовъ и мѣщанъ. Послѣднимъ дореформеннымъ городскимъ головой былъ купецъ С. Онъ былъ толковый, хозяйственный человѣкъ, но совсѣмъ малограмотный. При немъ всѣмъ ворочала небольшая группа болѣе богатыхъ и вліятельныхъ представителей указанныхъ сословій. Обширные городскіе сѣнокосы, пахотныя поля, огороды по окраинамъ и разныя оброчныя статьи разбирались въ аренду городскими воротилами за крайне низкую плату. О городскомъ благоустройствѣ не было никакихъ заботъ. По городу проходило только казенное шоссе, а на остальныхъ улицахъ была невылазная грязь. Рѣдкіе тусклые фонари очень слабо освѣщали только центральныя части города. На лѣтніе мѣсяцы фонари совсѣмъ убирались. Все, конечно, дѣлалось по общимъ циркулярнымъ предписаніямъ изъ Петербурга. А тамъ не приняли во вниманіе, что у насъ лѣтомъ не бываетъ бѣлыхъ ночей. Огромное большинство обывателей покупало воду отъ частныхъ водовозовъ, которые, особенно въ распутицу, когда трудно доѣхать до Десны, развозили по дворамъ мутную жидкость, набираемую изъ лужъ. Ассигновки на содержаніе пожарнаго обоза куда-то расходились, и при возникновеніи пожара приходилось долго ожидать, пока приведутъ съ выгона лошадей, содержавшихся тамъ на подножномъ корму, и привезутъ къ пожару бочки и насосы, которые часто были испорчены и совсѣмъ не дѣйствовали. Тогда еще существовала натуральная по-

жарная повинность. На воротахъ нарисованы были бочки, топоры, багры, ведра, съ которыми обыватели обязаны были являться на пожары. Почти никто этой обязанности не исполнялъ. Въ 1862 г., когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Черниговъ, я засталъ дымящіяся развалины нѣсколькихъ центральныхъ кварталовъ, выгорѣвшихъ до-тла, благодаря почти полному отсутствію противопожарныхъ средствъ. Дѣлопроизводство и бухгалтерія дореформенной думы представляли ужасный хаосъ, въ которомъ очень трудно было разобраться,— и секретарь думы съ своею канцеляріей свободно ловили рыбу въ мутной водѣ.

Въ концѣ 1870 г. происходили выборы гласныхъ думы по новому положенію.

Въ Черниговѣ русскаго купечества очень мало. Преобладаютъ купцы-евреи. Мѣщанское общество тоже почти на половину состоитъ изъ евреевъ. Въ дореформенномъ городскомъ управленіи евреи не участвовали, и сожалѣть о прежнемъ режимѣ они не имѣли основаній. Со введеніемъ новаго положенія, они получили право на участіе въ городскихъ дѣлахъ. Послѣдствія показали, что, за исключеніемъ случаевъ, когда въ думѣ обсуждались вопросы, касающіеся вообще еврейства или-же карманныхъ интересовъ вліятельныхъ его представителей,—въ общихъ вопросахъ по городскому хозяйству и благоустройству евреи были прогрессивнымъ элементомъ, и черниговская дума по справедливости считалась одною изъ передовыхъ. Когда городовое положеніе 1892 г. устранило евреевъ отъ участія въ городскихъ дѣлахъ, то въ черниговской думѣ получило преобладаніе черносотенное направленіе; поддерживать ея достоинство и проводить въ ней постановленія, соотвѣтствующія истиннымъ интересамъ большинства населенія, сдѣлалось очень трудно.

Но православному купечеству и мѣщанству больно было разстаться съ прежними правами и съ тѣми выгодами, которыми пользовались представители этихъ сословій при прежнемъ безконтрольномъ распоряженіи городскимъ хозяйствомъ. Они при выборахъ 1870 г. вступили въ отчаянную борьбу, чтобы провести въ новую думу возможно большее число своихъ.

Тогда въ выборахъ участвовали всѣ цензовики, не исключая и самыхъ мелкихъ. Избиратели по размѣрамъ ценза дѣлились на три разряда. Самымъ многолюднымъ былъ, конечно, третій, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, которые вообще болѣе энергично пользуются своими правами. На выборы по этому разряду являлось обыкновенно болѣе трехсотъ человѣкъ. Водворить какой-нибудь порядокъ среди этой крайне недисциплинированной толпы было чрезвычайно трудно: невообразимый гвалтъ почти не прекращался. Этою сутолокой пользовались желавшіе образовать думу въ такомъ составѣ, который не мѣшалъ-бы имъ вести городское хозяйство по прежнему. Здѣсь-же по угламъ производились угощенія, раздавались деньги и щедро сулились разныя обѣщанія.

Но старанія прежнихъ хозяевъ города не увѣнчались успѣхомъ. Дума образовалась почти на половину изъ чиновниковъ и интеллигенціи; избрано нѣсколько евреевъ, а болѣе крупные купцы и мѣщане изъ христіанъ оказались въ меньшинствѣ.

Въ первомъ засѣданіи новой думы предложенъ былъ на должность городского головы выдававшійся въ то время передовой земскій дѣятель Карпинскій. Но предвыборныя соглашенія уже подготовили все въ другомъ видѣ. Кандидатура Карпинскаго поддержана была очень немногими, и большинствомъ избранъ прежній дореформенный голова. Выборъ членовъ управы, также заранѣе подготовленный, былъ тоже неудаченъ, и управа перваго состава не въ силахъ была справляться съ сложнымъ городскимъ дѣломъ и внести въ него необходимыя улучшенія. Даже первый свой годовой отчетъ она представила думѣ въ такомъ видѣ, что онъ признанъ никуда негоднымъ, и для пересоставленія его избрана особая комиссія.

Въ засѣданіяхъ думы поднималось не мало вопросовъ объ упорядоченіи дѣла, о разныхъ полезныхъ для города нововведеніяхъ. Управѣ поручалось разработать эти вопросы и представить думѣ доклады, но управа не въ состояніи была это сдѣлать.

Городской голова рѣшительно не умѣлъ руководить преніями и ставить вопросы на баллотировку. Онъ не

могъ связать нѣсколькихъ словъ и своими рѣчами вызывалъ часто общій смѣхъ гласныхъ и публики, ходившей въ думу, какъ на потѣшное зрѣлище. Безпорядокъ въ думѣ былъ ужасный, и были случаи, когда голова, послѣ звонковъ и призывовъ успокоиться, терялъ терпѣніе и объявлялъ засѣданіе закрытымъ.

Въ теченіе этого перваго четырехлѣтія я былъ избранъ дополнительнымъ членомъ городской управы,—„безъ содержанія", какъ тогда многіе выражались, и, съ согласія попечителя округа, утвержденъ губернаторомъ. Въ свободные отъ учебной службы часы я занимался въ управѣ, но мое участіе въ городскихъ дѣлахъ очень мало помогало лучшему ихъ направленію. Въ 1873 г. дума избрала меня заступающимъ мѣсто городского головы, но министръ вн. дѣлъ меня не утвердилъ въ этой должности, а губернаторъ послѣ этого разъяснилъ, что и членомъ управы я оставаться не могу.

Къ концу перваго четырехлѣтія горожане настойчиво заговорили о томъ, что оставлять дальше городскія дѣла въ такомъ положеніи невозможно, и что составъ думы и управы необходимо обновить. Во вторую думу избранъ значительно большій процентъ интеллигентныхъ обывателей. Вмѣстѣ съ евреями, они образовали большинство, на поддержку котораго можно было разсчитывать въ разныхъ полезныхъ для города начинаніяхъ.

Въ предвыборныхъ совѣщаніяхъ выставлена была моя кандидатура на должность городского головы. Но нашлось не мало противниковъ этой кандидатуры, находившихъ, что я слишкомъ молодъ, склоненъ къ увлеченіямъ и къ крутой ломкѣ прежнихъ порядковъ. Въ день выборовъ я увидѣлъ недружелюбное къ себѣ отношеніе значительной группы гласныхъ. Когда поставленъ былъ на закрытую баллотировку вопросъ о размѣрѣ жалованья составу управы, предсѣдательствовавшій, прежній городской голова, заявилъ, что онъ готовъ продолжать службу безъ жалованья. По баллотировкѣ, окладъ жалованья головѣ былъ значительно уменьшенъ. Предсѣдатель обратился ко мнѣ съ ядовитымъ вопросомъ, согласенъ-ли я баллотироваться. Я выразилъ согласіе. По баллотировкѣ, я получилъ избирательныхъ шаровъ 29 изъ 50, а С. гораздо меньше.

Черезъ два мѣсяца я былъ утвержденъ министромъ и въ началѣ апрѣля 1875 года вступилъ въ должность.

Я не буду подробно останавливаться на ходѣ городскихъ дѣлъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ моей городской службы. Объ этомъ я скажу лишь въ общихъ чертахъ. Дальнѣйшія строки настоящей главы я посвящу воспоминаніямъ объ общихъ условіяхъ моей городской дѣятельности, о тѣхъ тормазахъ и столкновеніяхъ, которые сопровождали эту дѣятельность, и о нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ дѣлахъ, не относящихся къ городскому управленію, въ которыхъ я участвовалъ по должности.

Первое четырехлѣтіе моей службы было посвящено приведенію въ извѣстность городскихъ земель и другихъ имуществъ, ремонту и возстановленію городскихъ построекъ, устройству дома для городского училища, которое въ самомъ мизерномъ видѣ помѣщалось въ небольшой комнатѣ на пожарномъ дворѣ, съ ассигновкой на его содержаніе всего въ 380 р. въ годъ, и упорядоченію обложенія обывательскихъ имуществъ, дѣлопроизводства и счетоводства управы. Къ концу этого четырехлѣтія разработаны и проведены черезъ думу доклады о замощеніи главныхъ улицъ, объ устройствѣ водопровода и о разныхъ улучшеніяхъ въ городскомъ хозяйствѣ и благоустройствѣ. Тогда уже возможно было рѣшаться на крупныя затраты для осуществленія такихъ проектовъ, благодаря блестящей дѣятельности городского банка, открытаго въ началѣ 1875 года.

Банку нашему, который по размѣрамъ и характеру своей дѣятельности справедливо считается однимъ изъ первыхъ городскихъ банковъ въ Россіи, нужно посвятить особо нѣсколько строкъ. Русскаго купечества, какъ уже сказано, въ Черниговѣ очень мало, и оно не имѣло силы захватить банкъ въ свои руки. Общее руководство банкомъ взялъ на себя уже упомянутый уважаемый земскій дѣятель Карпинскій, бывшій тогда предсѣдателемъ губернской земской управы. Дума избрала подходящихъ къ нему помощниковъ,—и банкъ съ первыхъ-же шаговъ широко развилъ свои операціи, привлекши многочисленную разнообразную кліентуру, устранивъ всякое лицепріятіе и въ короткое время сдѣлавшись вполнѣ общественнымъ учрежденіемъ. Между прочимъ, онъ

развилъ крестьянскій кредитъ, достигающій теперь милліонныхъ оборотовъ. Онъ сразу заслужилъ всеобщее довѣріе и уже въ годъ открытія въ ноябрѣ имѣлъ около 340 т. р. вкладовъ. Сумма чистой его прибыли уже въ 1878 году превысила 62 т. руб. И до сихъ поръ, не смотря на соперничество нѣсколько позднѣе открытыхъ въ городѣ кредитныхъ учрежденій, онъ, строго слѣдуя старымъ традиціямъ, пользуется прежнимъ довѣріемъ и расширяетъ свои обороты, давая прибыли болѣе 100 т. р. въ годъ.

Всякія новшества, проводимыя управою, не всегда проходили гладко. Приходилось иногда бороться съ упорнымъ противодѣйствіемъ, особенно, когда дѣло шло о шкурныхъ вопросахъ.

Мѣщане, живущіе на окраинахъ, въ своихъ усадьбахъ сельскаго типа, прилегающихъ къ городскимъ выгонамъ, пользовались издавна значительной площадью лучшей выгонной земли, выпасывая на ней исключительно свой скотъ. Остальные жители, посылая коровъ въ общее стадо, не пользовавшееся такимъ хорошимъ выпасомъ, заявляли свои протесты противъ привиллегіи, захваченной мѣщанами. Въ думѣ едва удалось провести постановленіе объ уничтоженіи этой привиллегіи, а для выполненія этого постановленія потребовались огромныя усилія, сопровождавшіяся насильственнымъ арестомъ произвольно выпасываемаго скота и посылкой для охраны выгоновъ цѣлыхъ отрядовъ, подвергавшихся нападеніямъ вооруженныхъ кольями мѣщанъ.

Большихъ усилій стоило провести въ думѣ вопросъ о переоцѣнкѣ обывательскихъ имуществъ. Докладъ управы о приглашеніи земскихъ статистиковъ для правильнаго опредѣленія стоимости и доходности имуществъ вызвалъ цѣлую бурю. Крупные домовладѣльцы, облагавшіе себя ничтожными налогами, увидѣли, что при предлагаемомъ способѣ оцѣнки, ихъ имущества будутъ обложены въ нѣсколько разъ больше,—и противодѣйствіе докладу съ ихъ стороны было такъ сильно, что пришлось снять его съ очереди, и только черезъ годъ управѣ удалось его провести, воспользовавшись благопріятнымъ составомъ думы.

Печальная судьба постигла старанія управы ограни-

чить число шинковъ въ городѣ и по возможности ослабить ихъ вредное вліяніе. Доклады управы на эту тему вносились въ думу нѣсколько разъ въ разныхъ видахъ. Дума то принимала ихъ, то, склоняясь передъ усиленными ходатайствами толпы обиженныхъ шинкарей, снова отмѣняла свои постановленія. Особенно добивалась управа недопущенія шинковъ на окраинахъ, гдѣ, при благосклонномъ бездѣйствіи полиціи, совершались всякія безобразія. Въ концѣ концовъ, всѣ ограничительныя постановленія были отмѣнены, и шинкамъ была предоставлена полная свобода.

Нелегко было добиться постановленій думы и относительно такихъ насущно необходимыхъ мѣропріятій, какъ замощеніе улицъ и устройство водопровода. Многіе гласные приходили въ ужасъ передъ предстоящими затратами десятковъ тысячъ и рѣшительно протестовали противъ управы, ведущей городъ къ раззоренію, выражая, что дѣды наши жили безъ такихъ дорогихъ забавъ,—проживемъ безъ нихъ и мы. Но большинство гласныхъ поддержало управу, и съ 1879 г. она приступила къ большимъ работамъ по устройству мостовыхъ и сооруженію водопровода *).

Вступилъ я въ должность, когда губернаторомъ былъ Панчулидзевъ. Онъ былъ человѣкъ спокойный и не дѣлалъ никакихъ непріятныхъ вторженій въ дѣятельность думы. Онъ больше всего занимался земельными спекуляціями. Тогда дворяне усиленно распродавали

*) Считаю не лишнимъ сообщить (по адресу городскихъ дѣятелей) объ установленномъ у насъ въ то время способѣ городскихъ сооруженій. Мы избѣгали концессій и общихъ подрядовъ. При мощеніи города, управа заготовляла песокъ и камень. Съ мостовщикомъ заключался контрактъ, что въ обезпеченіе прочности работы управа удерживаетъ часть его заработка до осени будущаго года, если мостовыя будутъ тогда вполнѣ исправны. При постройкахъ, управа сама пріобрѣтала всѣ матерьялы и заключала отдѣльныя условія съ каменщиками, плотниками, печниками и проч., обезпечивая залогами надлежащее выполненіе всѣхъ работъ. Это выходило нѣсколько дороже, чѣмъ при огульныхъ подрядахъ, но, какъ показалъ опытъ, гораздо прочнѣе. Такіе способы хозяйства, сдѣлавшіеся теперь азбучною истиною, въ свое время въ началѣ дѣятельности городск. самоуправленія, вызывали сомнѣнія и ожесточенную критику со стороны обывателей, не вѣрившихъ въ идею самоуправленія или лично заинтересованныхъ.

имѣнія, и Панчулидзевъ ихъ покупалъ, а потомъ черезъ своихъ агентовъ распродавалъ ихъ мелкими участками крестьянамъ. Операцію эту онъ раскинулъ очень широко, и сотни крестьянъ внесли ему задатки. Узнало министерство объ этой операціи и о томъ, что его представитель ведетъ крупную картежную игру,—и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Панчулидзевъ исчезъ. Долго чесали затылки крестьяне, не получившіе купчихъ крѣпостей и узнавшіе, что расписки въ уплатѣ ими задатковъ никакого значенія не имѣютъ.

Послѣ Панчулидзева слѣдовали одинъ за другимъ губернаторы: Дараганъ, Шостакъ и кн. Шаховской. Всѣ трое правили черниговскою губерніей въ сложности девять лѣтъ. Съ ними крупныхъ конфликтовъ не было, но и они, какъ водится, съ законами и съ правами общественныхъ учрежденій считались мало, и случаи вторженія ихъ въ эти права бывали нерѣдко.

Больше всего приходилось имѣть пререканій съ администраціей по поводу дѣятельности или, правильнѣе сказать, бездѣятельности полиціи. Часто управа заявляла, что полицейскіе чиновники и служители, на содержаніе которыхъ городъ ассигнуетъ значительную сумму, интересамъ города и его населенія почти не служатъ. На обязательныя постановленія думы по строительной части, по благоустройству и санитарнымъ улучшеніямъ, издаваемыя по соглашенію съ полиціймейстеромъ, полиція не обращаетъ никакого вниманія. Надзоръ полиціи замѣтенъ только на самыхъ бойкихъ центральныхъ улицахъ. Окраины-же, гдѣ находятся самые подозрительные шинки и воровскіе притоны, полиціи почти никогда не видятъ. Неоднократно губернаторы обращались въ думу съ предложеніями увеличить штатъ полиціи и размѣръ ея содержанія, при чемъ выражали, что съ такимъ увеличеніемъ, благоустройство города и безопасность его жителей будутъ вполнѣ обезпечены. Дума удовлетворяла такія предложенія, но при этомъ, указывая, что 90% домовъ населены мирными обывателями и никакого наблюденія полиціи не требуютъ, ходатайствовала, чтобы городъ былъ раздѣленъ на участки и чтобы въ каждый участокъ былъ назначенъ полицейскій, который зналъ-бы въ немъ всѣхъ живущихъ и

наблюдалъ за всѣми дворами. Губернаторы давали соотвѣтственныя обѣщанія, но они никогда не исполнялись. Зная, что полицейскіе служители дежурятъ при квартирахъ губернатора и вице-губернатора, что они постоянно разносятъ казенные пакеты, исполняютъ обязанности домашней прислуги у полиціймейстера и частныхъ приставовъ, дежурятъ у слѣдователей и судей, управа пыталась установить выдачу жалованья полиціи по именнымъ требовательнымъ вѣдомостямъ. Вѣдомости, со спискомъ именъ, въ числѣ, соотвѣтствующемъ штату, представлялись, но носители этихъ именъ за полученіемъ жалованья въ управу не являлись, и полиціймейстеръ требовалъ выдачи ему всей мѣсячной суммы. Указывала управа губернаторамъ и на то, что полицейскіе чиновники въ городѣ слишкомъ часто мѣняются, являясь кадромъ для замѣщенія полицейскихъ должностей въ уѣздахъ, и что кратковременная служба ихъ, когда они не успѣваютъ ознакомиться съ городомъ, никакой пользы населенію не можетъ приносить. Но и на эти представленія не обращалось никакого вниманія. Дѣлались представленія и о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи по взысканію оцѣночнаго сбора,—что она преимущественно заботится о полученіи казенныхъ платежей, а по городскому сбору накопляются недоимки; что, относясь строго къ бѣднымъ плательщикамъ, она оставляетъ безъ взысканія болѣе богатыхъ и вліятельныхъ; наконецъ, что полицейскіе чиновники иногда не представляютъ въ управу взысканныхъ сборовъ. Но и эти представленія успѣха не имѣли, и все оставалось по прежнему.

Приведу нѣсколько примѣровъ незаконнаго вмѣшательства губернаторовъ въ городскія дѣла.

Черезъ городъ протекаетъ ручей Стрижень. Его низменныя берега, затопляемые во время весеннихъ разливовъ, издавна служили мѣстомъ вывозки навоза, мусора и падали. Управа отдала эту мѣстность въ аренду подъ огороды. И городу это было выгодно, и обыватели были довольны, видя среди города огородную зелень, вмѣсто прежняго безобразія. Такъ продолжалось шесть лѣтъ. Однажды осенью обоняніе вліятельнаго обывателя было поражено непріятнымъ запахомъ остат-

ковъ овощей послѣ ихъ уборки. Вслѣдъ за этимъ явилось предложеніе губернатора уничтожить огороды, какъ вредные въ санитарномъ отношеніи. Дума отвѣтила, что не можетъ вполнѣ подчиниться этому предложенію, такъ какъ съ арендаторомъ огородовъ заключенъ контрактъ, срокъ котораго еще не окончился. Гніющіе-же осенью остатки овощей дума обязалась очищать и увозить. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе согласилось съ протестомъ и предписало думѣ немедленно уничтожить огороды и мѣстности, занятой ими, дать другое назначеніе. Созвана была городская санитарная комиссія для обсужденія этого вопроса. Она признала, что сами по себѣ огороды не представляютъ никакого вреда, и что въ сосѣдствѣ съ городскими огородами есть много частныхъ, противъ которыхъ никто не протестуетъ. Но въ заключеніе комиссія пошла на уступку. Она нашла возможнымъ дать мѣстности подъ огородами другое назначеніе и засадить ее деревьями. Дума согласилась съ этимъ заключеніемъ, но рѣшила оставить огороды въ пользованіи арендатора до уборки осенью овощей. И это постановленіе думы было опротестовано, и присутствіе снова согласилось съ протестомъ. Это было 21 апрѣля, а 19 апрѣля полицейскіе служители явились на огородъ и истоптали зеленые всходы овощей. Дума принесла жалобу въ сенатъ, который черезъ годъ призналъ постановленіе присутствія незаконнымъ.

Было еще нѣсколько рѣшеній губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, отмѣнявшихъ, по предложеніямъ губернатора, постановленія думы о допущеніи евреевъ къ торгамъ на аренду паромовъ, такъ какъ паромы находятся за чертой города, о выборѣ евреевъ въ податное присутствіе и проч. Эти рѣшенія присутствія были обжалованы думой и сенатомъ отмѣнены.

Я привелъ очень немного примѣровъ, но можно-бы указать гораздо больше случаевъ властнаго вторженія губернаторовъ въ городскія дѣла. Вообще, за немногими исключеніями (Веселкинъ), у извѣстныхъ мнѣ губернаторовъ (я пережилъ семь губернаторовъ въ теченіе 21 года моей общественной службы) были, съ нѣкоторыми варіаціями, общія черты: введеніе разныхъ нов-

шествъ собственнаго изобрѣтенія, незнаніе законовъ и полное неуваженіе къ нимъ и убѣжденіе въ томъ, что „мѣстныя пользы и нужды“ они знаютъ гораздо лучше, чѣмъ мы, мѣстные люди.

Интересно еще упомянуть о характерномъ для министерства народнаго просвѣщенія отношеніи его къ нуждамъ и ходатайствамъ города.

Въ виду переполненія гимназіи и многочисленныхъ отказовъ желающимъ туда поступить, дума образовала порядочный фондъ для устройства реальнаго училища, намѣтила городское мѣсто для постройки зданія, исчислила долю своего участія въ содержаніи училища, заручилась согласіемъ земства взять на себя часть расходовъ по его постройкѣ и содержанію и представила въ министерство ходатайство объ открытіи училища и о принятіи на счетъ казны остальной суммы единовременныхъ и текущихъ для него расходовъ. Министерство отвѣтило, что ходатайство могло-бы быть удовлетворено только при условіи, если ассигнуемыя на содержаніе училища средства земство и городъ признаютъ для себя навсегда обязательными. Дума и земское собраніе не пожелали связываться навсегда такимъ обязательствомъ, и устройство училища не состоялось.

Въ 1880 году, въ ознаменованіе 25-лѣтія царствованія Александра II, дума рѣшила устроить въ городѣ ремесленное училище и представила уставъ этого училища на утвержденіе попечителя учебнаго округа. Назначеніе служащихъ по соглашенію съ городскою управой и участіе въ важнѣйшихъ распоряженіяхъ по училищу представителей думы не получили санкціи попечителя, и, по измѣненному имъ уставу, все въ училищѣ рѣшается завѣдывающимъ, при участіи директора народныхъ училищъ, и утверждается попечителемъ округа.

Въ виду наплыва учащихся въ министерское трехклассное училище и тѣсноты его помѣщенія, дума, не имѣя средствъ на постройку дополнительныхъ помѣщеній, просила министерство народнаго просвѣщенія ассигновать для этого пособіе. Министерство отвѣтило, что указанный расходъ не можетъ быть отнесенъ на его средства, и что онъ долженъ быть всецѣло выполненъ мѣстными общественными учрежденіями.

Позднѣе, при дальнѣйшемъ переполненіи мужской гимназіи, когда возникъ громкій ропотъ множества родителей, для дѣтей которыхъ доступъ въ гимназію былъ закрытъ, дума возбудила настойчивое ходатайство объ открытіи второй гимназіи въ Черниговѣ. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что содержаніе полной гимназіи стоитъ 26.100 р., что надѣяться на отпускъ такой суммы изъ госуд. казначейства нельзя, и что вторая гимназія можетъ быть открыта только при условіи, если земство и городъ примутъ ея содержаніе всецѣло на себя.

Въ виду разобщенности программъ начальныхъ училищъ разныхъ типовъ и полной несогласованности ихъ съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, дума приняла докладъ мой о томъ, что программы необходимо измѣнить и дать возможность болѣе способнымъ послѣдовательно переходить изъ одного учебнаго заведенія въ другое и достигать высшаго образованія, и представила сотвѣтственное ходатайство. Министерство отвѣтило, что это ходатайство оно будетъ имѣть въ виду при пересмотрѣ положенія о начальныхъ училищахъ.

Я могъ-бы привести еще не мало фактовъ въ такомъ-же родѣ,—но отношеніе учебнаго вѣдомства къ общественнымъ учрежденіямъ и къ нуждамъ народнаго образованія всѣмъ извѣстно. И до сихъ поръ гимназіи наши далеко не вмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться. И до сихъ поръ въ архивѣ министерства лежатъ груды земскихъ и городскихъ ходатайствъ, ожидающихъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій пересмотра разныхъ устарѣвшихъ порядковъ и установленій.

Въ 1884 году назначенъ былъ черниговскимъ губернаромъ извѣстный въ свое время Анастасьевъ. Не получивъ почти никакого образованія, онъ проходилъ разныя полицейскія должности въ польскихъ губерніяхъ, а затѣмъ, особенно покровительствуемый всесильнымъ тогда градоначальникомъ Треповымъ, быстро пошелъ въ гору. Передъ назначеніемъ въ Черниговъ, онъ былъ уже губернаторомъ въ Перми (où tout est permis). Это былъ настоящій восточный сатрапъ. Онъ отличался стремительностью дѣйствій, совершенно не считался съ закономъ, былъ крайне рѣзокъ и грубъ въ обращеніи,

усердно практиковалъ кулачную расправу и розги, не признавалъ ничьихъ правъ и не выносилъ никакихъ преградъ своему необузданному самовластію.

Тотчасъ послѣ пріѣзда онъ получилъ сообщеніе о какомъ-то треніи между помѣщикомъ и крестьянами въ м. Гоголевѣ, остерскаго уѣзда, по поводу размежеванія земель. Анастасьевъ немедленно помчался туда. Крестьяне вздумали разъяснять ему причины своего недовольства межеваніемъ, но онъ не далъ имъ сказать и трехъ словъ.

— А, бунтовать?—гаркнулъ онъ:—я вамъ покажу! Розогъ!

И съ полсотни крестьянъ были жестоко высѣчены.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого перваго выступленія новаго губернатора, сидѣлъ я однажды въ городской управѣ, заваленный по обыкновенію дѣлами и осаждаемый посѣтителями. Входитъ служитель и сообщаетъ, что губернаторъ на пожарномъ дворѣ. Пожарная команда находилась въ завѣдываніи городского управленія,—и я немедленно отправился туда. Осмотръ обоза уже совершился. Всѣ пожарные служители выстроились въ шеренгу. Въ нѣкоторомъ разстояніи стояла порядочная кучка любопытныхъ съ улицы. Дворъ оглашался неистовой, площадной, самою неприличной бранью.—Я остановился въ сторонѣ и раскланялся съ грознымъ помпадуромъ. Брань не унималась, и выходило такъ, что потокъ этого краснорѣчія направляется не только на пожарную команду, но и на всѣхъ, ею завѣдующихъ. Черезъ нѣсколько минутъ я ушелъ въ управу.

На другой день полиціймейстеръ сказалъ мнѣ въ управѣ, что его пр-ство очень недоволенъ, что я удалился съ пожарнаго двора, когда ревизія его еще не была окончена. Я объяснилъ причину своего ухода и просилъ доложить губернатору, что управа будетъ ожидать его письменнаго предложенія о дефектахъ въ пожарной командѣ и, на сколько позволятъ средства, немедленно выполнитъ это предложеніе.

Очень скоро произошелъ другой конфликтъ. Подъѣзжая утромъ къ городской управѣ, я зашелъ на пожарный дворъ. Тамъ все было пусто. Проходившій полицейскій чиновникъ объяснилъ, что пожарная команда

отправилась къ губернатору. Оказалось, что она занимается поливкой улицы передъ квартирой губернатора, а также цвѣтниковъ и огорода въ его усадьбѣ. Усадьба-же эта расположена на окраинѣ, версты за полторы отъ центра города. Другой пожарной команды тогда не было *), и при возникновенiи пожара въ центральныхъ кварталахъ, командѣ трудно было-бы проскакать это разстоянiе и явиться во время на пожаръ.

Я зашелъ къ полицiймейстеру и заявилъ, что такiя отлучки всего комплекта команды совершенно недопустимы, и что требуемая губернаторомъ поливка можетъ быть производима другимъ способомъ.

На другой день я получилъ отъ Анастасьева частное письмо съ просьбой, въ виду болѣзненнаго состоянiя его жены, страдающей отъ поднимающейся на улицѣ пыли, присылать, по возможности, насосъ для поливки этой улицы. Съ тѣхъ поръ одинъ насосъ съ бочкой постоянно отправлялся къ губернаторской усадьбѣ.

Но это вынужденное смиренiе самовластнаго помпадура не прошло для меня даромъ, и въ теченiе семи лѣтъ губернаторства Анастасьева мнѣ пришлось пережить массу непрiятностей по моей общественной службѣ.

Въ то время производились усиленныя работы по водопроводу и другимъ городскимъ сооруженiямъ. Въ составѣ думы былъ гласный, весьма невысокаго достоинства, вѣчно всѣмъ недовольный и въ каждомъ почти засѣданiи надоѣдавшiй думѣ своими нападками на управу. Но нападки эти были вполнѣ голословны, и дума обыкновенно относилась къ нимъ съ пренебреженiемъ, нерѣдко прося ихъ автора не отнимать у нея времени праздною болтовней. Теперь этотъ гласный заговорилъ иначе. Было извѣстно, что Анастасьевъ приглашаетъ его къ себѣ и ведетъ съ нимъ конфиденцiальные бесѣды. Заявленiя его сдѣлались болѣе угрожающими. Онъ требовалъ ревизiи дѣйствiй управы и грозилъ отдать ее подъ судъ, при чемъ проговаривался, что дѣйствуетъ по указанiю губернатора.

---

*) Позднѣе, при губернаторѣ Андреевскомъ, образовалось въ Черниговѣ вольное пожарное общество, со своимъ пожарнымъ обозомъ. На его вывѣскѣ крамольное слово, по распоряженiю губернатора замѣнено болѣе благонамѣреннымъ—„добровольное“.

А ревизіонная комиссія, куда, по мѣрѣ окончанія отдѣльныхъ сооруженій, передавались счеты и документы, медлила съ представленіемъ своихъ заключеній. Наконецъ, Анастасьевъ не выдержалъ и прислалъ въ думу требованіе поторопить ревизіонную комиссію, угрожая предать ее суду за бездѣятельность. Вслѣдъ за этимъ, думѣ былъ доложенъ рядъ заключеній комиссіи, и каждый разъ дума закрытою баллотировкой признавала дѣйствія управы правильными.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ приложеніи къ губернскимъ вѣдомостямъ постоянно помѣщались статьи съ разными нападками на управу и въ особенности на меня. Я оставлялъ эти статьи безъ отвѣта и только иногда, если въ нихъ указывались опредѣленные факты, я просилъ думу произвести разслѣдованіе,—и факты оказывались измышленіемъ. Позднѣе эта обличительная литература была перенесена въ кіевскія газеты. Однажды подъ такою обличительною статьей появилась фамилія ея автора—Богдановъ. Это былъ чиновникъ канцеляріи Анастасьева, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ по городскому управленію. Я пересмотрѣлъ всѣ статьи этого автора и „по совокупности“ отвѣтилъ ему въ „Кіевлянинѣ“. Сдѣлавъ сводку его нападокъ, я просилъ его подтвердить оффиціально эти нападки, такъ какъ онъ располагаетъ для этого всѣми данными, и поставилъ десятокъ вопросовъ, вызывая его категорически на нихъ отвѣтить, прибавивъ въ заключеніе, что если такіе отвѣты не будутъ сообщены, то я буду вправѣ сказать, что снявшій маску обличитель мой—лжецъ и клеветникъ. Отвѣта не послѣдовало и обличительныя писанія прекратились.

Для характеристики Анастасьева, приведу еще нѣкоторые пришедшіе на память факты.

Однажды онъ вошелъ въ свою гостиную, гдѣ сидѣло нѣсколько дамъ, пріѣхавшихъ навѣстить его больную жену. Онъ засталъ разговоръ о томъ, какъ плоха теперь прислуга. Жена прокурора З. возмущалась дерзостью и разными провинностями своей кухарки. Мало интересуясь такимъ разговоромъ, хозяинъ ушелъ въ кабинетъ. Прокурорша, окончивъ визиты, возвратилась къ обѣду домой и застала ужасную сцену. Кухарка, съ

рыданіями и проклятіями, накинулась на барыню, упрекая въ томъ, что, по ея жалобамъ, ее подвергли въ полиціи истязанію, и просила немедленно ее расчитать. Оказалось, что Анастасьевъ, выслушавъ сѣтованія прокурорши, и желая сдѣлать любезность дамѣ, тотчасъ распорядился по телефону, чтобы ея кухарку выпороли, что съ большимъ усердіемъ и было исполнено.

Будучи большимъ поклонникомъ розги, Анастасьевъ рекомендовалъ и своимъ подчиненнымъ употребленіе этой спасительной мѣры. Въ 1889 г., когда введенъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ, онъ далъ для нихъ руководящія указанія. Онъ рекомендовалъ новымъ дѣятелямъ грозно и рѣшительно проявлять силу и полноту своей власти; разъѣзжая на тройкѣ съ колокольчиками по участку, требовать, чтобы крестьяне издали сворачивали съ дороги, подвергая тотчасъ карѣ не исполняющихъ этого требованія; ко всѣмъ лицамъ волостного и сельскаго управленія обращаться на *ты*; вообще проповѣдовались быстрота и натискъ и, при всякой провинности обывателей, розги и розги.

Нашъ цѣнный историческій памятникъ—соборъ, начало постройки котораго относится къ XI вѣку, обратилъ на себя особенное вниманіе Анастасьева. Тогда еще не были открыты мощи св. Ѳеодосія Углицкаго, приносящія теперь большіе доходы, и средства собора были довольно скудны. Анастасьевъ выразилъ желаніе быть соборнымъ старостой, и городская дума, не смотря на то, что онъ не былъ мѣстнымъ горожаниномъ, избрала его на эту должность. Немедленно разными способами стали собираться пожертвованія на реставрацію и передѣлку храмовъ (рядомъ стоитъ другой теплый соборъ, построенный немного позднѣе). Полиція по всей губерніи, получивъ отъ губернатора подписные листы, усердствовала во-всю. Сумма сборовъ, о которыхъ сообщалось въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ короткое время достигла солиднаго размѣра около 100 т. р. О дальнѣйшемъ поступленіи сборовъ сообщеній въ вѣдомостяхъ не было. Задуманы были въ соборахъ разныя передѣлки, но синодъ нѣсколько ограничилъ усердіе новаго старосты, предписавъ не нарушать старины. Въ результатѣ кое что сдѣлано: подновлена живопись на

стѣнахъ и сводахъ, позолочены купола и къ старинной стильной колокольнѣ пристроена каменная иконная лавка въ стилѣ московскихъ кремлевскихъ башенъ, представляющая рѣзкій диссонансъ съ общимъ характеромъ соборовъ. И еще одну перемѣну увидѣли горожане: большія желѣзныя плиты, которыми были устланы по обширному погосту проходы къ обоимъ храмамъ, куда-то исчезли. Сколько было собрано всѣхъ пожертвованій и сколько изъ нихъ израсходовано на соборъ, объ этомъ одинъ Богъ знаетъ. Соборному причту досадно было, что его отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ устранили, и что ему изъ крупной суммы сборовъ ничего не перепало. Причтъ командировалъ къ старостѣ каѳедральнаго протоіерея. Анастасьевъ продержалъ его довольно долго въ пріемной и, выйдя къ нему, обычнымъ грознымъ тономъ спросилъ: что вамъ угодно, батюшка?—Протоіерей струсилъ и что-то пробормоталъ о неизвѣстности суммы сборовъ и расходовъ по собору и объ отчетѣ.—А, вамъ угодно отчетъ? Вотъ вамъ отчетъ!—Анастасьевъ показалъ протоіерею кукишъ и быстро ушелъ въ кабинетъ.

Преслѣдованія меня Анастасьевымъ продолжались crescendo и въ остальные пять лѣтъ его губернаторства, когда я уже оставилъ городскую службу.

Теперь постараюсь вспомнить о болѣе интересныхъ событіяхъ и дѣлахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе по должности городского головы.

Въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе противъ турокъ въ Босніи и Герцеговинѣ, къ которому скоро присоединилась и Сербія. Возставшіе, вынужденные взяться за оружіе варварствомъ своихъ угнетателей, не разсчитали, какъ извѣстно, своихъ силъ и были разбиваемы турецкими войсками, подвергаясь еще болѣе жестокимъ истязаніямъ. Объ этомъ подробно сообщали газеты. Сербскій митрополитъ Михаилъ, въ концѣ 1875 г., распространилъ посланіе, въ которомъ, описывая ярко, какъ турки живыхъ людей сажаютъ на колъ или жарятъ на огнѣ, привязавъ къ вертелу, какъ убиваютъ дѣтей или обливаютъ ихъ кипяткомъ, въ насмѣшку надъ крещеніемъ, почтенный архипастырь слезно умолялъ русскихъ единовѣрцевъ о помощи страдальцамъ.—Черногорскій митрополитъ Илларіонъ также обратился съ пламеннымъ

посланіемъ въ Россію. Онъ писалъ, что болѣе 25 тысячъ раззоренныхъ герцеговинцевъ перешли черногорскую границу, и голодные, голые, босые, они ищутъ пристанища въ черногорскихъ селахъ, жители которыхъ не имѣютъ возможности ихъ пріютить и прокормить.— Московскій славянскій комитетъ, послѣ Высочайшаго разрѣшенія открыть въ Россіи подписку въ пользу славянъ, пострадавшихъ отъ возстанія, призывалъ горячо всѣхъ къ пожертвованіямъ для помощи несчастнымъ. Все это съ жадностью читалось въ городѣ и въ селахъ, и наши обыватели начали пробуждаться отъ обычной спячки. Въ 1876 г. общественное возбужденіе дошло до такого же подъема, какой появился послѣ манифеста 19 февраля 1861 г. и какой ярко, но очень не надолго вспыхнулъ послѣ 17 октября 1905 г.

Городская управа разослала приглашенія къ пожертвованіямъ и многочисленные подписные листы. Всѣ живо откликнулись на эти призывы. И горожане, и жители ближайшихъ селъ толпами осаждали управу, принося деньги, холстъ, бѣлье и корпію. Чиновники разныхъ учрежденій вытряхивали свои скудные карманы, и по ихъ подписнымъ листамъ ежедневно поступали десятки рублей. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ черезъ управу прошло больше десяти тысячъ пожертвованныхъ рублей. И деньги, и кипы снесеннаго бѣлья и проч. еженедѣльно отправлялись митрополиту Михаилу или тогдашнему сербскому министру Ристичу.

Въ одномъ только вѣдомствѣ управа не встрѣтила сочувствія. Когда однажды притокъ пожертвованій замедлился, а деньги въ Сербію нужно было выслать скорѣе, я поѣхалъ къ архіерею, надѣясь, что онъ выручитъ изъ бѣды. Извѣстно было, что онъ безъ затрудненія могъ-бы пожертвовать нѣсколько тысячъ, но мои скромныя ожиданія ограничивались сотнями. Я былъ любезно принятъ, горячо изложилъ отчаянное положеніе дѣла, упомянулъ о послѣднихъ ужасныхъ извѣстіяхъ изъ-за Дуная и закончилъ усердною просьбой о помощи.

Архипастырь слушалъ меня, перебирая свои четки. Когда я замолчалъ въ ожиданіи отвѣта, онъ сразу поднялся, какъ-бы желая показать, что аудіенція окончена, и сурово произнесъ:

— „Нѣтъ, извините. Это насъ не касается. Мы люди не отъ міра сего".

И онъ поднялъ руку для напутственнаго благословенія. Я быстро удалился, едва сдерживаясь отъ выраженія негодованія.

Пожертвованія иногда присылались по почтѣ при очень трогательныхъ письмахъ. У меня сохранилось письмо содержательницы частной подготовительной школы въ Козельцѣ. Она прислала порядочный тюкъ корпіи и бѣлья и 9 рублей, пояснивъ, что сумма эта образовалась изъ пожертвованій ея маленькихъ ученицъ, отдавшихъ свои карманныя деньги, полученныя отъ родителей на гостинцы.

Весной 1876 г. врачи Ващенко-Захарченко и Щитковъ заявили управѣ о желаніи ѣхать въ Сербію для помощи раненымъ. Фельдшеръ и двѣ сестры милосердія вызвались ихъ сопровождать. Затѣмъ въ управу стали являться охотники, желающіе отправиться добровольцами на сербскую войну. Это были почти все бездомные бѣдняки и „лишніе" люди, которые не могли никуда пристроиться. Много прибавилось управѣ хлопотъ по снаряженію санитарнаго и добровольческаго отрядовъ. Снова пришлось разсылать слезныя воззванія о пожертвованіяхъ, и снова полились въ управу довольно щедрые взносы.

Послѣ двухъ часовъ, когда канцелярія управы расходилась и прекращался пріемъ посѣтителей, я обыкновенно оставался часа на два одинъ, чтобы безъ помѣхи покончить со входящими и исходящими бумагами. Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги, и ко мнѣ вошелъ не очень пріятный посѣтитель, огромнаго роста и грузнаго тѣлосложенія. Это былъ испившійся босякъ, съ самаго „дна", котораго я нерѣдко встрѣчалъ на базарѣ въ самомъ ужасномъ видѣ. Я поднялся съ мѣста, невольно перешелъ на другую сторону стола и опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать кошелекъ.

„Нѣтъ, господинъ голова", заговорилъ мой гость хриплымъ отъ перепоя басомъ: „я пришелъ къ вамъ не за подаяніемъ".

— Что-же вамъ угодно?—съ удивленіемъ спросилъ я.

„Вы знаете, господинъ голова,—я пропащій человѣкъ", отвѣтилъ мой собесѣдникъ: „меня люди и за человѣка

уже не считаютъ.—Всякій полицейскій таскаетъ и бьетъ меня, какъ собаку. Мнѣ все равно придется по-собачьи издохнуть подъ заборомъ. Такъ вотъ я и рѣшилъ сложить свою голову въ сербской войнѣ. Запишите меня въ добровольцы".

Онъ проговорилъ это дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ.

— Я охотно исполню ваше желаніе,—сказалъ я. Затѣмъ, записавъ его въ книгу и сообщивъ, когда предполагается отправить добровольческій отрядъ, я протянулъ ему руку.

Босякъ отшатнулся съ недоумѣніемъ.

— Вчера я не подалъ-бы вамъ руки,—объяснилъ я:—а сегодня вы выразили такія прекрасныя человѣческія чувства и намѣренія, что я съ удовольствіемъ пожму вашу руку, искренно желая, чтобы сегодняшнее настроеніе не покидало васъ, и чтобы вы больше не возвращались къ вашему печальному прошлому.

Скоро я узналъ, что и прекрасное намѣреніе, и мои пожеланія были забыты.

Долго шли сборы, и едва 29 августа состоялись проводы нетерпѣливо ожидавшихъ выѣзда отрядовъ.

Благодаря праздничному и ясному дню, на соборной площади собралась громадная толпа. Группа отъѣзжавшихъ, съ красными крестами на рукавахъ, стояла около навѣса, приготовленнаго для архіерейскаго молебствія. Въ сторонѣ вытянулся рядъ нагруженныхъ еврейскихъ балагулъ, которыя должны были везти отряды до Кіева. Общее настроеніе было очень возбужденное и торжественное. За спиной моей стояла старуха, горько плакала и кого-то бранила. Въ ужасной тѣснотѣ, едва повернувшись къ ней, я спросилъ о причинѣ ея слезъ и недовольства.

„Та якъ-же не плакать!"—отвѣтила она, всхлипывая: „який це дурень выдумавъ выправлять людей на войну на „Головосіка"? (Усѣкновеніе). Іхъ-же тамъ усіхъ посічуть Турки".

И она продолжала всхлипывать и браниться, не подозрѣвая, что этотъ дурень стоитъ передъ нею.

По окончаніи молебна, отъѣзжающіе направились къ балагуламъ, сопровождаемые оглушительными криками

и пожеланіями многочисленной толпы, какой мнѣ уже больше не пришлось видѣть въ Черниговѣ.

Многіе поѣхали провожать отряды за 12 верстъ до с. Яновки. Пріѣхали мы туда раньше медленно тащившихся балагулъ. Нѣкоторые вздумали и здѣсь отслужить напутственный молебенъ и отправились пригласить священника. Старенькій батюшка уже пообѣдалъ и мирно почивалъ, порядочно нагрузившись, какъ послѣ оказалось, ради „Головосіка". Его все-таки растолкали, нашли псаломщика, принесли изъ церкви аналой и облаченіе, и батюшка заплетающимся языкомъ кое-какъ довелъ молебенъ до конца и провозгласилъ многолѣтіе за Государя. Ему подсказали, чтобы онъ произнесъ многолѣтіе за короля сербскаго Милана и князя Черногорскаго Николая.

— За Николая—можно, отвѣтилъ старикъ,—а за Милана не хочу: это языческое имя.

Едва убѣдилъ его бывшій между провожавшими городской священникъ, что Миланъ не язычникъ.

Въ сентябрѣ отправлена въ Сербію другая партія добровольцевъ. Всѣхъ ихъ уѣхало туда около сорока. Предсказаніе старухи, плакавшей на „головосіка", не сбылось. И врачи съ помощниками, и почти всѣ добровольцы благополучно возвратились, и только очень немногіе сложили головы на сербскихъ поляхъ.

А война за Дунаемъ продолжалась до поздней осени. Газеты приносили все новыя вѣсти о постоянныхъ побѣдахъ турокъ и объ ужасныхъ ихъ жестокостяхъ съ побѣжденными. Общественное возбужденіе не затихало, и повсюду раздавался громкій ропотъ, почему такъ долго русскія войска не выступаютъ на защиту истрадавшихся соплеменниковъ нашихъ.

Несмотря на конфиденціальное предупрежденіе губернатора, что, по Высочайшему повелѣнію, всякіе адресы по поводу событій на Востокѣ должны быть отклоняемы, я не могъ не уступить сильному общественному давленію, и въ чрезвычайномъ засѣданіи думы въ началѣ ноября предложенъ былъ на утвержденіе всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ было выражено, что „вся Русь отъ мала до велика жаждетъ борьбы за свободу нашихъ братьевъ,—борьбы христіанства съ исламомъ, просвѣ-

щенія съ варварствомъ". Въ заключеніе было выражено, что „мы готовы принести всякія жертвы, если Государь признаетъ необходимымъ, для освобожденія славянъ, предпринять вооруженное вмѣшательство въ дѣла Балканскаго полуострова".

Послѣ этого засѣданія думы, я получилъ отъ губернатора Дарагана конфиденціальное письмо, съ запросомъ, чѣмъ я руководствовался, внося на обсужденіе думы упомянутый адресъ, и съ угрозою моей отвѣтственности за нарушеніе Высочайшаго повелѣнія.

Я отвѣтилъ, что вынужденъ былъ внести въ думу адресъ вслѣдствіе настойчивыхъ заявленій гласныхъ, которыя и я вполнѣ раздѣлялъ, а руководствовался при этомъ тѣмъ, что недавно въ Москвѣ Государь благосклонно принялъ отъ московской думы адресъ такого-же содержанія.

Не знаю, какая постигла-бы меня отвѣтственность,— но я скоро былъ отъ нея избавленъ: губернаторъ черезъ нѣсколько дней прислалъ мнѣ копію телеграммы министра Тимашева, что представленіе такихъ адресовъ уже разрѣшено.

Тяжелыя воспоминанія оставила во мнѣ дѣятельность уѣзднаго училищнаго совѣта, членомъ котораго, по выбору городской думы, я состоялъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Составъ этого учрежденія, какъ извѣстно, довольно пестрый. Въ немъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, участвуютъ исправникъ, два члена отъ министерства народ. просвѣщенія, представитель духовнаго вѣдомства, два члена отъ земства и одинъ отъ города.

Черниговскимъ уѣзднымъ предводителемъ былъ тогда Посудевскій, злостный крѣпостникъ, открыто высказывавшій возмущеніе свое противъ крестьянской реформы, подорвавшей благосостояніе и значеніе доблестнаго дворянства, и самый крайній реакціонеръ. Руководимое такимъ предсѣдателемъ, большинство совѣта исключительно занималось обузданіемъ и пресѣченіемъ. Въ засѣданіяхъ совѣта инспекторъ народныхъ училищъ обыкновенно вносилъ жалобы на учителей: одинъ непочтительно разговаривалъ съ нимъ, держа руку въ карманѣ или присѣвъ небрежно на классной скамьѣ; другой

игралъ въ своей квартирѣ на скрипкѣ, когда въ классѣ велъ урокъ законоучитель; третій избѣгаетъ знакомства съ мѣстнымъ священникомъ; четвертый не умѣетъ ладить съ сельскими и волостными властями и т. п. въ такомъ-же родѣ. Всѣ такія жалобы, безъ всякой ихъ провѣрки и разбирательства, вызывали сочувствіе большинства,—и рѣшенія совѣта неизмѣнно сводились или къ перемѣщенію учителя въ худшую школу, или къ удаленію его изъ службы. Вопросами объ улучшеніи дѣла начальнаго обученія и положенія учителей совѣтъ не занимался.

Такую-же роль по отношенію къ народнымъ школамъ выполнялъ тогда губернскій училищный совѣтъ, гдѣ предсѣдательствовалъ губернскій предводитель дворянства Неплюевъ, такой-же реакціонеръ, какъ и Посудевскій. Онъ не выносилъ всякихъ „либераловъ", осмѣливавшихся ему возражать, и, имѣя большія связи, дѣлалъ доношенія на своихъ противниковъ высшимъ властямъ. Особенно ненавидѣлъ онъ черниговскую уѣздную управу, предсѣдателемъ которой былъ очень уважаемый земскій дѣятель Тищинскій, и съ негодованіемъ говорилъ о ней, какъ о самомъ крамольномъ учрежденіи. Въ 1880 г. появился печатный журналъ губ. училищнаго совѣта, въ которомъ изложено заявленіе Неплюева, что „школы черниговскаго уѣзда находятся въ ненормальномъ положеніи; что земская управа по произволу перемѣщаетъ учителей, покровительствуетъ ихъ отлучкамъ и пріѣздамъ въ городъ—неизвѣстно, для какихъ цѣлей; что при такихъ условіяхъ, никакія усилія инспекціи и училищныхъ совѣтовъ не могутъ ничего сдѣлать для направленія дѣла народнаго образованія къ тому положенію, въ которое желаетъ поставить его правительство и большая часть общества; что поэтому необходимо сдѣлать представленіе высшему правительству о печальномъ положеніи школьнаго дѣла въ черниговскомъ и борзенскомъ уѣздахъ *), происходящемъ отъ вреднаго вліянія, кото-

*) Въ борзенскомъ уѣздѣ съ самыхъ первыхъ годовъ земской дѣятельности, благодаря образованію изъ дополнительнаго обложенія имуществъ особаго школьнаго фонда, а главнымъ образомъ, благодаря передовому составу земскаго собранія и управы, во главѣ ко-

рое на него имѣютъ мѣстныя земскія управы, и о томъ, что одно только устраненіе уѣздныхъ земскихъ управъ отъ всякаго вмѣшательства въ школьное дѣло можетъ поставить оное въ болѣе правильное положеніе".

Выслушавъ это удивительное заявленіе, губ. училищный совѣтъ, не смотря на энергическія возраженія членовъ отъ земства, всегда остающихся, какъ и въ уѣздномъ совѣтѣ, въ меньшинствѣ, согласился съ предложеніемъ своего предсѣдателя и постановилъ представить соотвѣтственное ходатайство учебному начальству.

Прочитавъ этотъ журналъ, я внесъ его на разсмотрѣніе уѣзднаго училищнаго совѣта, заявивъ, что мы, члены совѣта, посѣщая школы во время весеннихъ экзаменовъ, хорошо знакомы съ ними; что мы, представители общественныхъ учрежденій въ совѣтѣ, состоимъ земскими гласными и знаемъ положеніе народнаго образованія въ уѣздѣ и отношеніе къ нему управы; что постановленіе губернскаго совѣта, не подкрѣпленное никакими фактическими данными, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; что губернскій совѣтъ въ своемъ постановленіи задѣваетъ не только земскую управу, но и бросаетъ тѣнь на уѣздный совѣтъ, допустившій изображаемое въ этомъ постановленіи положеніе дѣла,—и что поэтому мы обязаны опровергнуть передъ учебнымъ начальствомъ нападки губернскаго совѣта на наши школы. При этомъ я привелъ выдержки изъ рѣчей тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Сабурова, произнесенныхъ имъ при посѣщеніи учебныхъ округовъ. Въ рѣчахъ этихъ выражено, что отношенія министерства къ народной школѣ и къ земству основаны на довѣріи и желаніи расширить права земства въ дѣлѣ народнаго образованія; что въ этомъ дѣлѣ министерство желаетъ идти рука объ руку съ земствомъ и предоставить народную школу свободному вѣдѣнію земства, приходя только ему на помощь въ роли совѣтника.

торой стоялъ блестящій земскій дѣятель М. А. Имшенецкій, школьное дѣло было поставлено гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Но къ борвенской управѣ Неплюевъ относился такъ-же, какъ и къ черниговской.

Послѣ моего доклада, Посудевскій выразилъ, что губ. училищный совѣтъ, вѣроятно, имѣлъ основанія для заключенія своего о школахъ черниговскаго уѣзда, и возражать ему намъ не приходится.

Исправникъ, по обыкновенію, поддержалъ предсѣдателя, добавивъ, что мы и не имѣемъ права дѣлать возраженія губ. совѣту, какъ высшей инстанціи. Членъ уѣзднаго совѣта отъ земства обратился къ инспектору народныхъ училищъ съ категорическимъ вопросомъ, дѣйствительно-ли наши школы находятся въ отчаянномъ положеніи, вызывающемъ исключительныя правительственныя мѣры. Инспекторъ, робко поглядывая на предсѣдателя, отвѣтилъ, что школы состоящаго подъ его наблюденіемъ сосѣдняго городнянскаго уѣзда гораздо хуже черниговскихъ. Въ результатѣ вышло то, чего и слѣдовало ожидать: большинствомъ пяти противъ трехъ докладъ мой былъ отклоненъ.

Въ каждомъ почти засѣданіи уѣзднаго совѣта Тищинскій, членъ отъ земства Константиновичъ и я прилагали къ журналамъ особыя мнѣнія, но изъ нихъ, конечно, ничего не выходило, и они сдавались въ архивъ.

Въ томъ-же 1880 г. я внесъ въ уѣздное земское собраніе докладъ о представленіи ходатайства относительно измѣненія положенія объ училищныхъ совѣтахъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ составѣ совѣта было не менѣе половины общественныхъ представителей и чтобы совѣту было предоставлено право избирать себѣ предсѣдателя. Докладъ мой собраніемъ принятъ, но ходатайство постигла участь огромнаго большинства земскихъ ходатайствъ: оно положено подъ сукно, и никакого отвѣта на него не послѣдовало.

Истративъ не мало чернилъ на писаніе особыхъ мнѣній, я и названные товарищи мои по уѣздному совѣту апеллировали, для очистки совѣсти, къ общественному мнѣнію. Въ гайдебуровской „Недѣлѣ“ мы, съ полными подписями, помѣстили протестъ противъ дѣйствій совѣта, указавъ на свое безсиліе бороться съ нелѣпымъ произволомъ большинства его членовъ.

Около этого времени посѣтилъ Черниговъ харьковскій генералъ-губернаторъ Лорисъ-Меликовъ, которому

въ политическомъ отношеніи была временно подчинена Черниговская губернія. Однажды я получилъ приглашеніе пожаловать къ нему по дѣлу. Въ квартирѣ его я засталъ Константиновича и Тищинскаго. Несомнѣнно было, что мы вызваны на основаніи доноса Посудевскаго.

Герой Карса и ветлянской чумы былъ очень любезенъ. Усадивъ насъ, онъ вызвалъ изъ сосѣдней комнаты сопровождавшаго его въ пути прокурора харьковской судебной палаты.

— Это моя книга,—пояснилъ онъ, знакомя насъ съ прокуроромъ:—я солдатъ, и въ вашихъ гражданскихъ дѣлахъ ничего не понимаю, а онъ обучаетъ меня вашимъ порядкамъ.

Бесѣда Лорисъ-Меликова обращена была главнымъ образомъ къ Тищинскому. Онъ очень мягко выразилъ ему, какъ предсѣдателю уѣздной управы, какъ больно ему было узнать изъ дошедшихъ до него сообщеній, что уѣздная управа безъ основанія перемѣщаетъ учителей, распускаетъ ихъ и вообще ведетъ школьное дѣло въ нежелательномъ направленіи. Потомъ онъ выразилъ сожалѣніе, что въ засѣданіяхъ уѣзднаго училищнаго совѣта мы постоянно противодѣйствуемъ большинству въ его стремленіи поставить правильно дѣло начальнаго обученія.

Мы дали подробныя объясненія.

— Ну, что скажетъ моя книга?—обратился онъ къ прокурору.

Выслушавъ мнѣніе прокурора, что школьное дѣло ведется у насъ вполнѣ законно, и образъ дѣйствій нашихъ вполнѣ корректенъ, Лорисъ-Меликовъ сказалъ что онъ вполнѣ удовлетворенъ нашими объясненіями и очень радъ, что мы опровергли сдѣланныя ему о насъ сообщенія.

Въ памятномъ 1881 году производилась въ Черниговской губерніи ревизія сенатора А. А. Половцева, начавшаяся еще въ 1880 году. Помню, какую тревогу подняли во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ передъ пріѣздомъ сенатора, спѣша подчиститься и припрятать неудобные концы. Бѣдные чиновники сидѣли по цѣлымъ ночамъ, приводя въ порядокъ дѣла своихъ учрежденій.

При казенной палатѣ состоитъ распорядительный комитетъ, занимающійся, какъ извѣстно, дѣлами по расквартированію войскъ въ губерніи и по содержанію почтовыхъ станцій. Это учрежденіе коллегіальное, въ которомъ и я участвовалъ по должности,—но приглашали меня въ его засѣданія очень рѣдко. Казенная палата предпочитала распоряжаться безъ коллегіи крупными суммами, находившимися въ вѣдѣніи комитета. Однажды передъ ревизіей принесли мнѣ для подписи огромную кипу бумагъ. Это были журналы распорядительнаго комитета чуть не за цѣлый годъ. Они уже были подписаны всѣми членами комитета. Я имѣлъ терпѣніе все перечитать, но, не подписавъ ничего, возвратилъ журналы въ казенную палату, при заявленіи, въ которомъ выразилъ, что подписать журналовъ не могу, какъ потому, что въ засѣданіяхъ, гдѣ постановлялись рѣшенія по этимъ журналамъ, я не участвовалъ и приглашаемъ въ нихъ не былъ, такъ и потому, что съ нѣкоторыми рѣшеніями я не согласенъ по существу, а писать къ нимъ особыя мнѣнія считаю несвоевременнымъ, такъ какъ рѣшенія эти давно исполнены.—Чиновникъ казенной палаты внесъ мое заявленіе въ реестръ. Вышло еще хуже, и ко мнѣ очень приставали, чтобы я формально аннулировалъ это заявленіе.

Предсѣдателямъ губернской и уѣздной управъ и мнѣ приходилось часто имѣть дѣло съ Половцевымъ, доставляя ему разныя свѣдѣнія и матерьялы. Принимая съ благодарностью наши работы, онъ не разъ выражалъ возмущеніе по поводу того, какъ трудно ему получать необходимыя свѣдѣнія отъ представителей казенныхъ учрежденій, какъ будто старающихся не выяснить, а затемнить положеніе дѣла.

Въ началѣ мая произошелъ въ Нѣжинѣ довольно жестокій еврейскій погромъ. Губернаторъ, по предложенію Половцева, отправился туда. Въ это время стало очевидно, что погромъ въ Черниговѣ можетъ вспыхнуть каждую минуту. Отправляясь однажды утромъ въ городскую управу, я, по возбужденнымъ лицамъ извозчиковъ, по таинственнымъ перемигиваніямъ расхаживавшихъ по улицамъ и по базару мастеровыхъ, почувствовалъ, что при первомъ звонѣ разбитаго стекла

начнется ужасный разгромъ еврейскихъ лавокъ и домовъ. Я поѣхалъ къ Половцеву и сообщилъ ему свои опасенія.

Онъ тотчасъ пригласилъ начальника дивизіи Полторацкаго. Черезъ часъ небольшіе отряды солдатъ расхаживали по всѣмъ улицамъ и площадямъ, предупреждая всякія сходки и попытки нарушить порядокъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней, и погромъ не былъ допущенъ.

Еще недѣли за двѣ въ Черниговѣ очень опасались возникновенія погрома. По настоянію евреевъ, я обратился съ письмами къ губернатору Шостаку и воинскому начальнику, прося принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію бѣды. Оба любезно отвѣтили мнѣ о своихъ распоряженіяхъ. Тогда администрація считалась еще съ общественными учрежденіями.

Какъ только городъ успокоился относительно погрома, я отправился, какъ членъ училищнаго совѣта, въ сельскія школы для производства экзаменовъ. Со мной поѣхалъ сотрудникъ Половцева Шидловскій, занимавшійся ознакомленіемъ съ положеніемъ народнаго образованія въ губерніи и пожелавшій увидѣть результаты начальнаго обученія въ земскихъ школахъ. Въ с. Ковчинѣ экзаменъ окончился довольно поздно. По просьбѣ Шидловскаго, священникъ призвалъ десятка два мальчиковъ, окончившихъ школу два и три года назадъ. Мы произвели имъ легкій экзаменъ, и оказалось, что почти всѣ черезъ три года читаютъ съ большимъ трудомъ.

Мы ночевали у священника, собираясь ѣхать утромъ въ слѣдующую школу. На разсвѣтѣ разбудилъ насъ сильный стукъ въ окно. Нарочный изъ города привезъ Шидловскому письмо отъ Половцова, съ просьбой немедленно возвратиться. Произведя экзаменъ еще въ двухъ школахъ и возвратившись въ городъ, я поспѣшилъ узнать о причинѣ экстреннаго вызова Шидловскаго. Мнѣ сообщили печальное извѣстіе о крутомъ поворотѣ политическаго вѣтра вправо и объ отставкѣ Милютина, Абазы и Лорисъ-Меликова.

Половцевъ немедленно прекратилъ ревизію и уѣхалъ въ Петербургъ. Труды ревизіи уже больше тридцати лѣтъ почиваютъ въ архивахъ. Два большихъ печатныхъ

тома этихъ трудовъ черезъ годъ послѣ ревизіи презентовалъ мнѣ секретарь Половцова покойный Волкобойниковъ. Эти фоліанты, не видѣвшіе свѣта, я отдалъ въ библіотеку губернской земской управы. *)

Неоднократно приходилось мнѣ, въ качествѣ сословнаго представителя, участвовать въ выѣздныхъ сессіяхъ судебной палаты. Разскажу объ очень интересномъ дѣлѣ, которое, по сохранившимся у меня замѣткамъ, могу изложить довольно подробно.

Въ западной части черниговскаго уѣзда были обширныя владѣнія помѣщика Посудевскаго (брата упомянутаго выше предводителя). Въ числѣ этихъ владѣній была *сябринная* дача, больше тысячи десятинъ. Это была никому не принадлежавшая пустошь, на которой окрестное населеніе пасло скотъ, косило сѣно, рубило дрова, а иногда и запахивало небольшіе участки, расчищая ихъ отъ зарослей, никому ничего не платя и не отрабатывая. **)

---

*) Къ 1881 г. относится интересное для черниговцевъ, но, кажется, забытое ими постановленіе думы. Посѣтивъ однажды въ его городскомъ домѣ гр. Милорадовича, бывшаго потомъ долго губ. предводителемъ дворянства, я былъ пораженъ его библіотекой съ очень цѣнными русскими и французскими изданіями. Графъ похвалился, что это только небольшая часть его библіотеки, а главное помѣщается въ его домѣ въ м. Любечѣ. Тогда мы проектировали постройку дома для общественной библіотеки, помѣщавшейся очень плохо. Я сказалъ, что такому дорогому книгохранилищу не слѣдуетъ оставаться непроизводительно частнымъ достояніемъ, и что хорошо было-бы пожертвовать его городу. Скоро послѣ этого, я получилъ отъ графа оффиціальное письмо, съ предложеніемъ думѣ отдать ей библіотеку, чтобы она помѣщалась вмѣстѣ съ общественной, съ присвоеніемъ ей его имени, при чемъ графъ выразилъ, что если затраты на постройку дома будутъ не очень велики, онъ готовъ принять половину ихъ на себя. Дума съ оваціями приняла это предложеніе, и я послалъ графу благодарственное отъ думы письмо, съ разсчетомъ стоимости предполагаемаго библіотечнаго дома. Графъ прожилъ послѣ этого больше двадцати лѣтъ, но не надумался исполнить свое прекрасное намѣреніе. Мнѣ неизвѣстно, знаетъ-ли объ этомъ намѣреніи его сынъ и наслѣдникъ.

**) Такія сябринныя дачи или „вольницы“, какъ ихъ иногда у насъ называютъ, ведутъ свое происхожденіе отъ давняго времени польскаго владычества. И теперь продолжающееся кое-гдѣ указанное пользованіе такими площадями очень неопредѣленно, нелѣпо и вызываетъ часто большіе раздоры. Но крестьяне очень имъ дорожатъ, такъ какъ оно представляетъ замѣтный плюсъ къ ихъ скуднымъ надѣламъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ, Посудевскій, какъ онъ заявилъ и на судебномъ слѣдствіи, самъ составилъ уставныя грамоты для своихъ имѣній. Въ грамотахъ указаны опредѣленные надѣлы крестьянамъ, а объ участіи ихъ въ сябринной дачѣ вовсе не упомянуто. Но землепользованіе крестьянъ продолжалось по прежнему. Посудевскій ожидалъ производившагося тогда въ губерніи межеванія, чтобы окончательно закрѣпить за собой произвольно присвоенную дачу. При очень медленномъ ходѣ межеванія, очередь до имѣній Посудевскаго дошла только въ 1875 году. Межеваніе на носитъ земли на планы по наличному владѣнію. Посудевскій показалъ, что спорная дача принадлежитъ ему. Такъ и показано на межевомъ планѣ, безъ вѣдома крестьянъ. Они, какъ водится, пропустили всякіе сроки для обжалованія дѣйствій межевыхъ чиновъ,—и тогда Посудевскій открыто выступилъ на защиту своего узурпированнаго права. Онъ возбудилъ дѣло о возстановленіи нарушаемаго крестьянами его владѣнія въ сябринной дачѣ. И у судьи, и въ мировомъ съѣздѣ дѣло было рѣшено въ пользу Посудевскаго.

Явилось еще привходящее обстоятельство, подлившее масла въ огонь. Урядникъ, которому поручено было отвезти Посудевскому утвержденный межевою палатою планъ, напуталъ и вручилъ этотъ планъ крестьянамъ, да еще посовѣтовалъ беречь его, сшить на него чехолъ и положить на храненіе въ церковь. Скоро узнали о неудобной ошибкѣ, и становому приставу едва удалось обманнымъ способомъ вырвать планъ у крестьянъ.

Увѣренные въ своей правотѣ и озадаченные рѣшеніемъ съѣзда, крестьяне подали на это рѣшеніе жалобу въ сенатъ. Они видѣли, что полицейскіе чины, землемѣры, урядники, пріѣзжая, живутъ въ домѣ Посудевскаго, и не сомнѣвались, что, пользуясь его угощеніями, всѣ мѣстныя власти незаконно держатъ сторону Посудевскаго. Они твердо надѣялись, что сенатъ признаетъ ихъ права и отдастъ имъ спорную землю.

Казалось-бы, слѣдовало обождать рѣшенія сената, которое могло быть только отрицательнымъ для крестьянъ, но Посудевскій и мѣстная администрація не вытерпѣли и заварили кашу.

Посудевскій вызвалъ землемѣра для возстановленія межевыхъ знаковъ въ сябринной дачѣ. Объявивъ пріѣхавшему землемѣру, что крестьяне могутъ помѣшать ему работать, онъ отправился въ Черниговъ за содѣйствіемъ полиціи. Явились помощникъ исправника, становой приставъ и нѣсколько урядниковъ (стражниковъ тогда еще не было). На другой день всѣ отправились съ землемѣромъ на мѣсто. На межѣ сябринной дачи стояла толпа крестьянъ. Когда землемѣръ объявилъ, что долженъ приступить къ работѣ, изъ толпы раздались крики: мѣряйте тамъ, а нашей земли не трогайте! Пусть сначала судъ насъ разсудитъ!—Помощникъ исправника пробовалъ убѣждать крестьянъ, но толпа угрожала порвать цѣпь, если будутъ мѣрить сябринную землю. Вся комиссія возвратилась въ домъ Посудевскаго, гдѣ былъ составленъ актъ о сопротивленіи крестьянъ властямъ.

Черезъ два дня пріѣхалъ исправникъ. Изъ данныхъ судебнаго слѣдствія видно, что онъ говорилъ съ толпой, убѣждалъ ее подчиниться, угрожалъ прибытіемъ войска и тяжелыми карами за сопротивленіе. Но крестьяне повторяли свое: будемъ ждать рѣшенія сената,—а войска на насъ не поведутъ безъ царскаго приказа. Исправникъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Еще черезъ два дня исправникъ возвратился съ отрядомъ солдатъ въ 120 человѣкъ. Солдаты разгоняли собиравшихся на улицахъ крестьянъ и арестовали, по указанію исправника, многихъ „зачинщиковъ“ бунта. Крестьяне, чтобы столковаться о томъ, что дѣлать, собрались въ пустой клунѣ за селомъ. Узналъ объ этомъ исправникъ, нагрянулъ на клуню съ солдатами, и началась ужасная расправа.

На вопросы защитниковъ, какимъ образомъ производилось успокоеніе волновавшихся крестьянъ, исправникъ отвѣтилъ, что онъ употреблялъ административныя мѣры. А раньше свидѣтели показали, въ чемъ заключались эти административныя мѣры. Больше 25 крестьянъ подверглись страшнымъ истязаніямъ. Исправникъ вытаскивалъ ихъ за волосы и избивалъ кулаками до полнаго безчувствія. Въ его рукахъ оставались пучки волосъ; онъ выбилъ много зубовъ; билъ до того, что

люди не могли держаться на ногахъ; ихъ поднимали и снова били; кровь лилась изо рта, изъ носа и даже изъ ушей.

Пріѣзжалъ для усмиренія и губернаторъ Шостакъ. Но объ его дѣйствіяхъ выяснено было на судѣ немного. Свидѣтели показали только, что крестьяне подходили къ нему, прося защиты, а урядники разгоняли ихъ нагайками. Въ результатѣ двадцать крестьянъ и адвокатъ, писавшій жалобу въ сенатъ и привлеченный, какъ подстрекатель, очутились на скамьѣ подсудимыхъ.

Разборъ дѣла, при множествѣ свидѣтелей, продолжался два дня. И въ совѣщательной комнатѣ мы долго не могли столковаться. Предводитель дворянства горячо стоялъ за самыя суровыя кары. Предсѣдатель палаты *), послѣ всего, слышаннаго на судѣ, видимо направлялъ дѣло къ самому мягкому приговору. Я принесъ съ собой извѣстную книгу покойнаго проф. Кистяковскаго: „Права, по которымъ судился малороссійскій народъ"—и прочелъ изъ нея страницы, несомнѣнно показывающія, что сябринный способъ землепользованія санкціонированъ былъ этими „правами" и Литовскимъ Статутомъ. Эти старые законы еще держались въ памяти стариковъ. Почти единогласно палата приговорила только пятерыхъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Остальныхъ и адвоката, писавшаго жалобу, оправдала.

Недовольна была этимъ рѣшеніемъ и многочисленная публика, ожидавшая полнаго оправданія. Недовольны были и Посудевскій, и многіе помѣщики, и администрація, ожидавшіе каторги для подсудимыхъ. Всѣ эти господа роптали на палату, поощряющую крамолу.

Въ 1882 г. мнѣ пришлось потратить не мало времеми на совершенно необычное дѣло—занятія въ комиссіи по еврейскому вопросу, образованной, по предложенію Министра вн. дѣлъ,—„для ознакомленія съ видами вредной дѣятельности евреевъ и для изысканія мѣръ къ обузданію такой дѣятельности".

---

*) Это было знакомое уже лицо—„книга" Лорисъ-Меликова.

Губернаторъ кн. Шаховской привлекъ въ эту комиссію очень многихъ лицъ. Въ ней участвовали представители всѣхъ губернскихъ учрежденій, много служащихъ изъ уѣздовъ и разныя лица, участіе которыхъ губернаторъ призналъ полезнымъ. Въ засѣданія собиралось обыкновенно до 60 человѣкъ.

Предпринята была широкая анкета, и подробные запросные листы разосланы были земскимъ и городскимъ управамъ, волостнымъ правленіямъ, судьямъ, чинамъ полиціи и т. д. Черезъ нѣсколько времени поступили цѣлыя груды матерьяла отъ запрошенныхъ лицъ и учрежденій. Много потребовалось труда для сводки и разработки этого матерьяла. Затѣмъ, результаты этого труда доложены были въ засѣданіи комиссіи. Отвѣты были довольно однообразны: всѣ почти обвиняли живущихъ въ селахъ евреевъ, какъ шинкарей, ростовщиковъ, скупщиковъ, со всякими надувательствами, организаторовъ воровства, особенно конокрадства, собственниковъ и арендаторовъ имѣній, при чемъ, ради быстрой наживы, они ведутъ хищническое хозяйство, совершенно истощая землю, и эксплоратиуютъ и закабаляютъ рабочихъ и мѣстное населеніе. Было представлено нѣсколько постановленій дворянскихъ, земскихъ собраній и городскихъ думъ и приговоровъ сельскихъ обществъ о необходимости воспрещенія евреямъ питейной торговли въ селахъ, пріобрѣтенія и арендованія имѣній. Нѣкоторыя сельскія общества постановили ходатайствовать о выселеніи отъ нихъ евреевъ. Губернское дворянское собраніе и одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній высказались за необходимость разселенія евреевъ по всей Имперіи.

Я представилъ комиссіи записку о томъ, что крайне вредная обособленность евреевъ отъ остального населенія поддерживается законодательствомъ, допускающимъ существованіе учрежденій исключительно для еврейскаго общества. Это — коробочный, свѣчной и другіе спеціально еврейскіе сборы, предназначаемые для религіозныхъ и благотворительныхъ еврейскихъ учрежденій, и начальныя училища исключительно для еврейскихъ дѣтей.

Благотворительныя учрежденія не еврейскія содер-

жатся средствами и заботами самого общества, и правительство въ собираніи и регулированіи этихъ средствъ никакого участія не принимаетъ. Еврейскія-же учрежденія находятся на особомъ положеніи. Спеціальные еврейскіе сборы взыскиваются при помощи полиціи; смѣта и раскладка ихъ дѣлаются представителями еврейскаго общества подъ наблюденіемъ губернскаго правленія. Расходуются они при участіи городской управы, также подъ контролемъ губернскаго правленія.

Еще большая обособленность создается первоначальнымъ обученіемъ еврейскихъ дѣтей. Въ то время, какъ права частнаго обученія для русскаго общества крайне стѣснены, и всякій, открывающій школу безъ предварительнаго разрѣшенія или допускающій какое-бы то ни было отступленіе отъ установленной программы, подвергается уголовной отвѣтственности,—въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Черниговъ, функціонируютъ 120 школъ меламдовъ, т. е. учителей еврейскаго закона. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній видно, что эти педагоги—люди вполнѣ невѣжественные, не слишкомъ сильные и въ своей спеціальности, а общаго развитія и какого-бы то ни было образовательнаго ценза они вовсе не имѣютъ. По закону, меламды должны имѣть свидѣтельство на право обученія отъ еврейской училищной комиссіи, компетентность которой и самое существованіе подвержены большому сомнѣнію. Но такія свидѣтельства имѣютъ только 15 меламдовъ, а остальные 105 обучаютъ безъ всякаго на это права. Курсъ обученія продолжается нѣсколько лѣтъ, а цѣль его—научить читать еврейскія религіозныя книги. Обученіе чисто механическое. Учитель рѣзкимъ голосомъ произноситъ фразу, и ученики дружнымъ хоромъ повторяютъ эту фразу. Не говоря уже о содержаніи курса, этотъ оглушающій и одуряющій способъ обученія ведетъ не къ развитію, а къ притупленію способностей дѣтей. А главное дѣло въ томъ, что школы меламдовъ являются разсадниками той исключительности, нетерпимости и фанатизма, той замкнутости и отчужденія отъ всего нееврейскаго, которыя преобладаютъ въ массѣ еврейскаго населенія.

Изложивъ подробно эти положенія въ своей запискѣ,

я предложилъ комиссіи высказаться за отмѣну законовъ о спеціальныхъ еврейскихъ сборахъ и за упраздненіе вредныхъ школъ „меламдовъ“, съ привлеченіемъ еврейскихъ дѣтей къ обученію въ общихъ школахъ, что только и можетъ сгладить постепенно національный антагонизмъ, вызывающій рѣзкія выступленія кореннного населенія противъ евреевъ.

Комиссія согласилась съ моею запиской, за исключеніемъ только неограниченнаго допущенія евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія. Это, кажется, единственное постановленіе комиссіи въ положительномъ смыслѣ. Всѣ остальныя заключаютъ въ себѣ только ограниченія, исключенія и запрещенія. Постановляя о выселеніи всѣхъ евреевъ изъ селъ, комиссія не остановилась даже передъ принудительною экспропріаціей еврейскихъ имуществъ.

Противъ постановленій комиссіи предсѣдатель черниговской уѣздной земской управы В. Е. Варзаръ представилъ особое мнѣніе, къ которому присоединились предсѣдатель губернской земской управы Константиновичъ и я.

Въ этомъ мнѣніи выражено, что одними ограниченіями и запрещеніями установить желательныя отношенія между кореннымъ населеніемъ и евреями нельзя. Рядомъ съ необходимыми ограниченіями, нужно создать рядъ и положительныхъ мѣръ, которыя могутъ обезвредить дѣятельность евреевъ.

Вотъ вкратцѣ главныя предложенія особаго мнѣнія:

1. Безусловное воспрещеніе евреямъ содержать шинки и винокуренные заводы. Еврей, разлученный съ водкой, лишится главной силы своей для эксплоатаціи населенія.

Рядомъ съ этимъ предложена и положительная мѣра. Въ с. Дроздовкѣ и м. Любечѣ были тогда общественные шинки. Торговля въ нихъ велась уполномоченными отъ сельскихъ обществъ подъ ихъ контролемъ. Вся выручка принадлежала обществу и употреблялась на общественныя надобности. Никакихъ надувательствъ и темныхъ дѣлъ общество въ этихъ шинкахъ не допускало. Существовавшіе рядомъ съ ними еврейскіе шинки конкурировать съ ними не могли и скоро закрылись. Особенно

отличался общественный шинокъ въ с. Дроздовкѣ. Онъ давалъ такіе барыши, что общество въ короткое время изъ этихъ барышей перестроило церковь и устроило рядъ каменныхъ лавокъ. Но министерство финансовъ не взлюбило такіе шинки. Оно воспретило выдавать патенты для нихъ. Особое мнѣніе предложило ходатайствовать о возстановленіи права сельскихъ обществъ содержать шинки.

2. Воспрещеніе евреямъ дальнѣйшаго пріобрѣтенія земель въ уѣздахъ.

3. Воспрещая жительство въ селахъ евреямъ, занимающимся скупкой и посредническими операціями, нужно допустить въ села евреевъ ремесленниковъ, очень полезныхъ для населенія, и евреевъ земледѣльцевъ, съ тѣмъ, что они могутъ водворяться по пріемнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ и дѣлаются членами этихъ обществъ, со всѣми правами и обязанностями, присвоенными сельскимъ обывателямъ. Сельскимъ обществамъ должно быть предоставлено право исключать изъ своей среды принятыхъ по приговорамъ евреевъ, если они будутъ изобличены въ тайной продажѣ водки или вообще въ дѣятельности, явно вредной для мѣстнаго населенія. О такомъ исключеніи необходимо дѣлать отмѣтки въ документахъ удаляемыхъ евреевъ.

4. Для противодѣйствія еврейскимъ арендамъ, необходимо установить для крестьянскихъ обществъ кредитъ.

5. Для ослабленія еврейскаго ростовщичества и вообще для поднятія экономическаго положенія крестьянства, необходима широкая организація дешеваго кредита въ селахъ.

На просьбу нашу приложить это мнѣніе къ журналамъ комиссіи губернаторъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ въ мнѣніи мы возбуждаемъ общегосударственные вопросы. На просьбу напечатать это мнѣніе въ видѣ приложенія къ трудамъ комиссіи также послѣдовалъ отказъ.

Еще нѣсколько словъ объ этой комиссіи. Огромное большинство ея членовъ состояло изъ ярыхъ юдофобовъ. Въ засѣданіяхъ не было недостатка въ самыхъ

рѣзкихъ нападкахъ на евреевъ, въ обвиненіяхъ ихъ въ крайнемъ фанатизмѣ, въ ненависти къ христіанамъ и т. п. Но никто не произнесъ ни одного слова о ритуальныхъ убійствахъ.

Анкета по еврейскому вопросу напомнила мнѣ другую, довольно смѣшную анкету, относящуюся къ описываемому времени. Въ губернскомъ дворянскомъ собраніи какой-то наивный дворянинъ поднялъ вопросъ о причинахъ оскудѣнія дворянства. Столь-же наивное большинство собранія поручило губернскому предводителю разослать всѣмъ дворянамъ губерніи соотвѣтственные запросы. Получено было нѣсколько сотъ отвѣтовъ. Я очень бѣгло познакомился съ ними, но въ общемъ помню ихъ содержаніе. Нѣкоторые изъ нихъ выражали болѣе или менѣе серьезныя пожеланія: о пониженіи таможенныхъ пошлинъ на ввозимыя машины и орудія, о государственныхъ меліоративныхъ мѣрахъ, о регулированіи хлѣбной торговли, о недостаткѣ сельско-хозяйственнаго образованія и т. п. Но большая часть отвѣтовъ съ успѣхомъ могла-бы быть помѣщена въ юмористическомъ журналѣ. Одни скорбѣли о лишеніи ихъ крѣпостного труда; другіе жаловались на недостатокъ кредита; третьи находили, что кредита слишкомъ много, и доступность его разоряетъ дворянъ; высказано не мало пожеланій о новыхъ привилегіяхъ и льготахъ для дворянъ; одна старозавѣтная помѣщица трогательно выразила, что дворяне отстали отъ прежняго простого образа жизни и тратятъ много денегъ на ненужную дорогую обстановку, костюмы и проч.; одинъ дворянинъ, тоже поклонникъ старины, кратко выразилъ свое негодованіе противъ расточительности помѣщиковъ и закончилъ свой отвѣтъ такъ: не на те казакъ пье, що о е, а на те, що буде.

Въ 1882 году я два раза участвовалъ въ комиссіи при министерствѣ финансовъ по пересмотру положенія о городскихъ банкахъ. Упоминаю объ этомъ вотъ почему: по окончаніи работъ комиссіи, участвовавшіе въ ней общественные представители подали министру заявленіе о томъ, что установленную для городскихъ банковъ правительственную ревизію необходимо распро-

странить и на частные акціонерные банки. Заявленіе митивировано, главнымъ образомъ, тѣмъ, что городскіе банки ведутъ довольно крупныя комиссіонныя операціи съ частными и потому заинтересованы въ благополучномъ положеніи послѣднихъ. Н. Х. Бунге принялъ сочувственно заявленіе и обѣщалъ дать ему надлежащее движеніе. Насколько мнѣ извѣстно, оно и до сихъ поръ лежитъ безъ всякаго движенія.

Пришелъ мнѣ на память непріятный фактъ, относящійся ко времени губернаторства кн. Шаховскаго. Я устроилъ въ городскомъ театрѣ народныя чтенія. Губернаторъ очень охотно ихъ разрѣшилъ, а жена его и матерьяльно помогла въ пріобрѣтеніи фонаря и картинъ. Для развлеченія слушателей въ антрактахъ, приглашенъ былъ хоръ. Брошюры для чтеній выбирались надлежаще одобренныя, а пѣсни хоръ пѣлъ изъ разрѣшенныхъ цензурою сборниковъ. Все шло благополучно. Однажды передъ самымъ началомъ чтенія явилось на сцену нѣсколько полицейскихъ чиновъ. Приставъ довольно грубо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Что это у васъ поютъ на сценѣ?—Я принесъ сборникъ и указалъ, какія пѣсни назначены на сегодня. Приставъ перелистывалъ сборникъ и выражалъ неопредѣленныя сомнѣнія. Собравшіеся слушатели выражали нетерпѣніе. Я категорически спросилъ пристава, съ какой цѣлью онъ пожаловалъ,—и если ему поручено запретить чтеніе или пѣніе, пусть скажетъ объ этомъ прямо.—Да здѣсь что-то не ладно...я не знаю...—опять неопредѣленно пробормоталъ приставъ. Я махнулъ рукой и вышелъ читать. Немедленно я написалъ губернатору горячее письмо, съ выраженіемъ негодованія по поводу грубаго вторженія полиціи на сцену и съ просьбой оградить меня на будущее время отъ подобныхъ вторженій. На это письмо я не получилъ никакого отвѣта. Затѣмъ я узналъ, что это—дѣло жандарма, который оказался сильнѣе губернатора,—и я закрылъ чтенія.

Снова извиняясь въ непослѣдовательности моего повѣствованія и въ томъ, что я иногда отступаю отъ темы и говорю о предметахъ, вовсе не относящихся къ моей городской службѣ, не могу не разсказать еще о двухъ фактахъ, которые стоитъ отмѣтить.

Однажды я получилъ отъ губернатора Шостака странное конфиденціальное письмо. Въ немъ было изложено, что производящееся въ губерніи межеваніе вызываетъ въ сельскомъ населеніи превратные толки о предстоящемъ будто-бы передѣлѣ земель. Авторъ письма проситъ при случаѣ разъяснить въ селахъ неосновательность такихъ толковъ и истинное значеніе и цѣли межеванія. Письмо было печатное и разсылалось многимъ лицамъ въ губерніи. Нужно прибавить, что редакція письма была очень неудачна и среди малограмотныхъ читателей могла сама по себѣ вызвать „превратные толки". *)

Не мало курьезовъ приходилось слышать о разъясненіяхъ, даваемыхъ сельскому населенію на основаніи губернаторскаго письма.

Въ с. Татаровкѣ, нѣжинскаго уѣзда, было крупное землевладѣніе извѣстнаго въ свое время лейбъ-медика Цыцурина. Владѣлецъ устроилъ тамъ прекрасную церковь, пріѣхалъ лѣтомъ на ея освященіе и пригласилъ для этого архіерея. Тогдашній епископъ черниговскій Серапіонъ, не отличавшійся большою эрудиціей и находчивостью, но имѣвшій преувеличенное представленіе о своемъ ораторскомъ талантѣ, которымъ онъ считалъ долгомъ услаждать всѣхъ, послѣ служенія, обыкновенно выходилъ съ посохомъ изъ алтаря и, воздѣвъ очи горѣ, начиналъ длинную утомительную проповѣдь. Говорилъ онъ безъ приготовленія, и иногда проповѣдь представляла полный сумбуръ, да еще съ нелѣпой примѣсью внутренней политики, которою наше духовенство издавна уже любитъ уснащать свои проповѣди.

Послѣ обѣдни и освященія церкви въ Татаровкѣ, епископъ вышелъ и началъ сразу о внутренней политикѣ. Сначала онъ высокопарно говорилъ о неусыпныхъ заботахъ высшаго правительства и мѣстныхъ властей о нуждахъ крестьянскихъ, потомъ упомянулъ о благодѣяніяхъ мѣстнаго помѣщика и о томъ, какой прекрасный храмъ онъ устроилъ. Все это было мало понятно, шкурныхъ вопросовъ не касалось и пролетало мимо

*) Письмо у меня сохранилось.

ушей. Затѣмъ ораторъ перешелъ къ болѣе понятной темѣ.

— Между вами,—началъ онъ,—ходятъ нелѣпые толки о передѣлѣ земли...

Всѣ насторожились.

— Но вы поймите, какъ несправедливо было-бы измѣнять существующее распредѣленіе земли. Вотъ, напримѣръ, у его высокопревосходительства, вашего уважаемаго помѣщика, тысяча десятинъ. Представимъ себѣ, что у него взяли половину и отдали вамъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше преосвященство,— раздались дружные крики изъ толпы крестьянъ.

— Не кричите въ храмѣ Божіемъ,—остановилъ ораторъ,—а выслушайте меня. Вѣдь такой передѣлъ нанесетъ большой ущербъ его высокопревосходительству, а ваше положеніе улучшитъ очень мало: на каждый вашъ дворъ придется всего около двухъ десятинъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше преосвященство,— раздались еще болѣе дружные крики.

Цыцуринъ придвинулся къ оратору и шепнулъ, что лучше закрыть фонтанъ его краснорѣчія.

Точно такое-же „разъясненіе" и съ такими-же результатами слышалъ я около этого времени въ с. Кезяхъ. Однажды изъ своей усадьбы я увидѣлъ большую, сильно шумѣвшую около школы, толпу крестьянъ. Я пошелъ узнать, въ чемъ дѣло. При моемъ приближеніи толпа затихла, и на высокомъ крыльцѣ школы показался становой приставъ. Онъ съ паѳосомъ началъ рѣчь, очевидно подготовленную, на ту-же тему. Длиннаго туманнаго предисловія никто не понялъ. А когда ораторъ заговорилъ о распространяемыхъ злонамѣренными людьми толкахъ о передѣлѣ и напомнилъ, что у мѣстныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ земли мало, и что если отнять у нихъ всю, то на крестьянскій дворъ придутся крохи,—толпа, какъ и въ Татаровкѣ, загалдѣла: „Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!" И тутъ-же пошли шумные толки и споры о томъ, какъ распредѣлить по дворамъ владѣльческую землю. Приставъ усердно старался успокоить толпу, желая продолжить свои разъясненія. Но никто его не слушалъ. Онъ обругалъ всѣхъ дураками и поспѣшилъ уѣхать.

Еще одно грустное воспоминаніе. Въ 1884 году кіевскій университетъ праздновалъ свой юбилей. Я и еще нѣсколько бывшихъ кіевскихъ студентовъ поѣхали на этотъ праздникъ. Пріѣхали мы въ Кіевъ утромъ въ день юбилея и прежде всего узнали, что наканунѣ ночью студенты выбили всѣ стекла въ квартирѣ ректора Ренненкампфа. Отправились мы въ университетъ. Тамъ было тихо и безлюдно. Намъ сказали, что начинается актъ. Мы вошли въ актовый залъ. За длиннымъ столомъ сидѣли митрополитъ, генералъ-губернаторъ, профессора и нѣсколько почетныхъ гостей. Сотни стульевъ занимали большую часть зала. Но они были пусты. Только въ одномъ мѣстѣ сидѣла небольшая группа студентовъ медалистовъ. Проректоръ прочелъ годовой отчетъ. Голосъ его гулко раздавался среди обширной пустоты. Затѣмъ по очереди вызвали студентовъ и вручили имъ медали. Торжество было окончено. Митрополитъ Платонъ одинъ только выразилъ свое сожалѣніе по поводу необычной обстановки акта.

— Уважаемая alma mater,—сказалъ онъ,—какъ жаль, что я почти не вижу твоихъ дѣтей.

Въ тотъ-же день назначенъ былъ большой обѣдъ бывшихъ кіевскихъ студентовъ, на который мы поспѣшили подписаться. Обѣдъ былъ устроенъ въ одномъ изъ клубовъ. Участвовало около трехсотъ человѣкъ, и столы были приготовлены въ двухъ обширныхъ смежныхъ комнатахъ. Я съ радостью встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей, съ которыми не видѣлся ровно двадцать лѣтъ. За обѣдомъ ожидались задушевныя товарищескія рѣчи.

Но вышло иначе. Въ большой комнатѣ въ серединѣ стола усѣлся старикъ Глушановскій. Возлѣ него по обѣ стороны размѣстились нѣсколько самыхъ благонамѣренныхъ профессоровъ. Глушановскій, раньше довольно крупный чиновникъ, жилъ въ отставкѣ въ Кіевѣ. Онъ извѣстенъ былъ своимъ забавнымъ балагурствомъ и былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ генералъ-губернатора. Оказалось, что на этотъ самозванный президіумъ возложена незавидная роль давать тонъ обѣду.

Сначала сухой оффиціальный тостъ произнесъ Глушановскій, а за нимъ одинъ изъ его сосѣдей выра-

зилъ краткое пожеланіе о процвѣтаніи университета. Поднялся потомъ одинъ изъ пріѣхавшихъ бывшихъ студентовъ. Но едва онъ произнесъ два слова, Глушановскій съ компаніей заговорили громко между собой, заглушая его рѣчь. Ораторъ, сильно возвысивъ голосъ, попробовалъ продолжать, но дирижеры начали кричать и стучать посудой, и говорить было невозможно. То-же самое они повторили еще съ нѣсколькими, начинавшими рѣчи. Поднялся дружный ропотъ и выраженія негодованія противъ непрошенныхъ распорядителей. Когда шумъ немного затихъ, всталъ присяжный повѣренный Орловъ. Послѣ нѣсколькихъ его словъ, президіумъ снова поднялъ скандальный шумъ. Орловъ сталъ на стулъ и громко выразилъ свой протестъ противъ этого безобразія. Шумъ и крики дирижеровъ еще болѣе усилились.—Стыдъ! Позоръ! раздались негодующіе голоса. Уйдемъ отъ этой мерзости! И большинство обѣдавшихъ немедленно ушли изъ клуба.

Въ ноябрѣ 1886 года неожиданно умеръ выдающійся земскій дѣятель, предсѣдатель губернской земской управы Константиновичъ. Это былъ выборный годъ, и въ декабрѣ губернское земское собраніе избрало меня на освобожденную Константиновичемъ вакансію.

Городская дума избрала меня почетнымъ гражданиномъ и почтила прощальнымъ обѣдомъ, на которомъ, къ удивленію, присутствовалъ Анастасьевъ. Онъ привѣтствовалъ меня очень лестнымъ тостомъ. Но это было іудино цѣлованіе: на представленіе о присвоеніи мнѣ званія почетнаго гражданина министръ вн. дѣлъ отвѣтилъ, что онъ не находитъ возможнымъ дать движеніе этому представленію.

VI.

Юбилейные наброски о черниговскомъ губернскомъ земствѣ.

Начиная писать свои воспоминанія, я относительно дѣятельности нашего земства намѣренъ былъ ограничиться девятилѣтнимъ періодомъ службы моей въ должности предсѣдателя губернской земской управы. Но наступленіе юбилейнаго земскаго года вызвало во мнѣ желаніе сдѣлать хотя краткій очеркъ болѣе яркихъ моментовъ жизни нашего губернскаго земства за предшествовавшіе двадцать два года. Для этого очерка я воспользовался и печатными матерьялами губернской управы, и личными воспоминаніями, такъ какъ въ теченіе большей части этого періода я уже былъ губернскимъ земскимъ гласнымъ.

Первое губернское земское собраніе открыто было въ Черниговѣ 25 сентября 1865 года *).

Открытіе это происходило при торжественной обстановкѣ и при большомъ подъемѣ духа и гласныхъ, и многочисленной публики. Раздавались ликующіе голоса по поводу дарованныхъ населенію правъ и выражались смѣлыя надежды, что мѣстное самоуправленіе раздвинется въ болѣе широкія рамки.

Просвѣщенный губернаторъ кн. С. П. Голицинъ, о которомъ я уже упоминалъ, открылъ собраніе сочувственной рѣчью, полною надеждъ на благотворную для населенія дѣятельность земства. Затѣмъ, онъ и извѣстный своими историческими трудами архіепископъ Филаретъ благословили собраніе иконами.

---

*) Я переѣхалъ на службу въ Черниговъ осенью 1866 года и объ этомъ собраніи пишу по матерьяламъ губ. управы и по сообщеніямъ участвовавшихъ въ немъ лицъ.

Предсѣдательствовалъ въ собраніи губ. предводитель дворянства (занимавшій эту должность еще шесть лѣтъ) И. Н. Дурново, впослѣдствіи министръ вн. дѣлъ и предсѣдатель комитета министровъ.

Въ составѣ гласныхъ перваго призыва было не мало самыхъ крупныхъ и именитыхъ землевладѣльцевъ губерніи, въ томъ числѣ извѣстный Г. П. Галаганъ. Былъ и замѣтный процентъ гласныхъ отъ сельскихъ сословій.

Въ первые годы дѣятельности земскія собранія отличались большимъ интересомъ и живымъ отношеніемъ къ многочисленнымъ нуждамъ населенія; возбужденъ былъ рядъ вопросовъ, самыхъ насущныхъ для губерніи,—и направленіе земской работы было совершенно чуждо какой-бы то ни было партійности и сословныхъ стремленій. Эти ноты зазвучали довольно громко уже позднѣе, а особенно въ реформированномъ земствѣ.

Первымъ предсѣдателемъ губ. земской управы былъ избранъ К. Е. Троицина. Когда я пишу эти строки, еще не прошло мѣсяца послѣ неожиданной кончины этого глубоко уважаемаго всѣми общественнаго дѣятеля. Онъ скончался въ имѣніи своемъ Дорогинкѣ, нѣжинскаго уѣзда, 87 лѣтъ *). Въ губ. управѣ Константинъ Елисеевичъ прослужилъ всего около полутора года и затѣмъ всю свою долгую жизнь посвятилъ общественной работѣ на мѣстѣ, главнымъ образомъ, въ должности уѣзднаго предводителя дворянства. Здѣсь не мѣсто подробно излагать curriculum vitae этого выдающагося человѣка. Объ этомъ скажетъ составляемый губ. управою некрологъ покойнаго. Но, преклоняясь передъ его свѣтлой памятью, я считаю долгомъ снова повторить, что покойный былъ вполнѣ передовымъ и высоко честнымъ человѣкомъ въ самомъ широкомъ общественномъ значеніи этого слова, что онъ никогда себѣ не измѣнялъ при разныхъ пережитыхъ имъ вѣяніяхъ, и что нѣжинское земство, при дѣятельномъ его участіи, всегда было однимъ изъ самыхъ передовыхъ въ нашей губерніи. Лучшею характеристикой покойнаго могутъ служить его слова въ телеграммѣ, присланной въ губ. земскую управу за двѣ недѣли до его

---

*) 23 января 1914 года.

кончины. Управа приглашала его принять участіе въ земской юбилейной депутаціи. Онъ отвѣтилъ, что по болѣзни не можетъ принять этого приглашенія, пожелалъ успѣховъ земству въ дальнѣйшей его дѣятельности и заключилъ словами, что счастье Россіи возможно только при полномъ осуществленіи началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября.

Работы земству предстояла неизмѣримая масса, такъ какъ во всѣхъ сторонахъ мѣстной жизни, благодаря преступному пренебреженію къ народнымъ нуждамъ со стороны бюрократіи, царила глубокая мерзость запустѣнія.

Относительно положенія начальнаго образованія въ нашихъ селахъ я не могу не обратиться прежде всего къ урокамъ нашего прошлаго. Извѣстно, что въ черниговскомъ полку, въ территорію котораго входили нынѣшніе черниговскій, городнянскій и сосницкій уѣзды, въ 1748 году было 134 народныхъ школы, и одна школа приходилась на 746 душъ населенія обоего пола.

Статсъ-секретарь Тепловъ, представляя гетману Разумовскому проектъ учрежденія университета въ Батуринѣ, писалъ въ своемъ докладѣ: „Въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ ни малаго сомнѣнія нѣтъ, потому что въ малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого къ себѣ содержанія, а учащіеся и по силѣ обученные никакого одобренія, не токмо по сіе время не ослабѣваютъ, но еще по временамъ число учениковъ большее оказывается". Далѣе Тепловъ доказываетъ, что, вслѣдствіе состоянія мѣстныхъ школъ, Батуринскій университетъ не можетъ имѣть недостатка въ слушателяхъ; онъ даже долженъ имѣть въ этомъ отношеніи большое преимущество передъ московскимъ и петербургскимъ университетами.

Такъ было у насъ въ старину. А данныя военно-статистическаго сборника объ отношеніи грамотныхъ рекрутъ къ числу всѣхъ, принятыхъ на службу въ 1867—68 г.г., показываютъ, что въ среднемъ для всей Россіи на сто рекрутъ было грамотныхъ 9,1%, а для черниговской губерніи 4,7%. Этотъ рѣзкій поворотъ журналъ министерства народнаго просвѣщенія (1864 г.

кн. I) объясняетъ совокупностью причинъ, отчасти общихъ, какъ закрѣпощеніе крестьянъ и другія измѣненія въ общественномъ быту Малороссіи, отчасти частныхъ, непосредственно вліявшихъ на дѣло, т. е. излишнею регламентаціей преподаванія и желаніемъ вытѣснить старинныя приходскія школы. Результаты дѣйствія указанныхъ причинъ сказались довольно скоро. Съ 1804 по 1820 годъ въ черниговской губерніи открыто всего три оффиціальныхъ школы, да и тѣ вскорѣ были закрыты, а старинныхъ школъ уже почти вовсе не было.

Съ учрежденіемъ въ 1840 г. министерства госуд. имуществъ, это вѣдомство начало устраивать школы въ поселеніяхъ казенныхъ крестьянъ. Въ 1860 году было 64 такихъ школы. Одна школа приходилась на 17.143 души. Прежней склонности малороссійскаго народа къ ученію, о которой писалъ Тепловъ, уже не было, и вѣдомство госуд. имуществъ вынуждено было устанавливать извѣстный процентъ мальчиковъ, которые обязательно должны были посѣщать школу, и для выполненія этого прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ понужденія. Кромѣ этихъ школъ, было тогда еще 6 сельскихъ школъ, устроенныхъ помѣщиками. Во всѣхъ 70 школахъ было учащихся 2.290 *).

Нельзя при этомъ не упомянуть о томъ, что дали при введеніи земскихъ учрежденій для начальнаго образованія церковно-приходскія школы. Какъ я уже говорилъ, школы эти, вслѣдствіе строгихъ предписаній духовнаго начальства, въ началѣ 60-хъ годовъ стали на бумагѣ размножаться, какъ грибы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1863 году ихъ числилось въ черниговской губерніи 848; учащихся въ нихъ считалось 17.076. Затѣмъ, съ ослабленіемъ настояній начальства, счетъ этихъ школъ сталъ быстро понижаться, и въ 1876 году ихъ числилось всего 130 въ губерніи съ 1.995 учащимися. Но и послѣднія цифры скоро оказались почти фиктивными. По черниговскому уѣзду оффиціальныя свѣдѣнія

*) Съ историческимъ ходомъ народнаго образованія въ черниговской губ. и съ положеніемъ его въ 1877 г. знакомитъ прекрасная статья, помѣщенная во 2 кн. Зем. Сборника Черн. губ. за 1877 годъ.

показывали 17 церковныхъ школъ, а статистическое отдѣленіе губернскаго земства, при обслѣдованіи этого уѣзда, нашло всего три такихъ школы, да и то въ самомъ жалкомъ видѣ. Такъ гибнетъ всякое растеніе, искусственно культивируемое въ непригодной для него почвѣ.

Постановка медицинскаго дѣла, находившагося въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, представляла полную запущенность. Сравнительно въ лучшемъ видѣ были больницы въ Черниговѣ и въ Нѣжинѣ. Въ первой было четыре отдѣльныхъ врача и во второй одинъ. Въ остальныхъ 13 уѣздныхъ больницахъ особыхъ врачей не было. Ими завѣдывали то городовые, то уѣздные правительственные врачи. Но они заняты были врачебно-полицейскими обязанностями, и больницы почти всецѣло были предоставлены завѣдыванію фельдшеровъ. И состояніе больничныхъ построекъ, и оборудованіе больницъ, и содержаніе и лѣченіе больныхъ были ниже всякой критики. Всюду была грязь и полное отсутствіе дезинфекціи. Болѣе добросовѣстные врачи отказывались при такой обстановкѣ дѣлать операціи.

Сельское населеніе было почти совершенно лишено врачебной помощи. Не считая случайныхъ вольнопрактикующихъ врачей, для селъ съ государственными крестьянами были окружные врачи министерства госуд. имуществъ, по одному на два или три уѣзда (на содержаніе ихъ взыскивалось по 2 к. съ души), да еще были врачи у немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Такихъ врачей, на сколько мнѣ извѣстно, было всего три въ губерніи. Для дѣятельности знахарей и шептухъ былъ полный просторъ.

Такое-же запустѣніе царило и въ другихъ областяхъ мѣстной жизни, которыя переходили въ вѣдѣніе земства, и первое земское собраніе энергично взялось за дѣло, возбудивъ цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ представляло огромную важность для населенія.

Но на первыхъ-же порахъ высшія правительственныя учрежденія, а затѣмъ и мѣстная администрація обнаружили съ полною откровенностью свое отрицательное отношеніе къ дѣятельности земства и начали

всячески ее тормозить. И въ теченіе полувѣка тянется нескончаемый мартирологъ разныхъ земскихъ ходатайствъ, представленій и жалобъ, на которыя были получены отрицательные отвѣты, но большею частью они были оставляемы безъ всякаго отвѣта. Обращеній къ правительству, испытавшихъ такую печальную судьбу, наше земство насчитываетъ сотни. Было не мало случаевъ, когда отрицательный отвѣтъ мотивировался тѣмъ, что указанная въ ходатайствѣ нужда еще не назрѣла, такъ какъ другія земства объ этомъ не ходатайствуютъ. А въ то-же время всякія попытки къ общенію между собою губернскихъ земствъ постоянно преслѣдовались.

Уже при передачѣ земству дѣлъ приказа общественнаго призрѣнія и другихъ казенныхъ учрежденій, изъ имѣвшагося въ приказѣ капитала, на проценты съ котораго содержались мѣстныя богоугодныя заведенія, взято было въ казну 324 т. р., и земству сразу пришлось приплачивать изъ окладного сбора значительныя суммы на содержаніе губернской больницы и другихъ заведеній общественнаго призрѣнія.

Продовольственнаго капитала на первыхъ порахъ вовсе не передали земству. А между тѣмъ въ 1865 г. голодъ угрожалъ большей части губерніи, и только по настойчивымъ телеграммамъ перваго земскаго собранія разрѣшено было для продовольствія голодающихъ сдѣлать заемъ въ казенной палатѣ, а вскорѣ передано было губернскому земству изъ центральнаго продовольственнаго капитала 304 т. р. Цифра эта, какъ увидимъ ниже, по условіямъ черниговской губерніи была слишкомъ незначительна.

Я приведу особенно выдающіяся постановленія перваго губ. земскаго собранія, характеризующія направленіе его дѣятельности.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій и представителями крупнаго землевладѣнія, и гласными отъ крестьянъ настойчиво указано было на крайнюю несправедливость возложенія натуральныхъ повинностей на одни сельскія сословія и поручено губ. управѣ разработать вопросъ о переложеніи этихъ повинностей въ денежныя, съ разверсткою платежей на всѣ сословія. Къ стыду нашего земства, не могу не сказать, что и черезъ полвѣка

большая часть натуральныхъ повинностей по прежнему лежитъ исключительно на казакахъ и крестьянахъ.

Содержаніе почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ земство скоро приняло всецѣло на себя. На сельскомъ населеніи осталось исправленіе проселочныхъ дорогъ. Но полиція съ законами не считается и въ экстренныхъ случаяхъ она „сгоняетъ народъ“ и на дороги, отъ исправленія которыхъ этотъ народъ освобожденъ. Эти экстренные случаи бываютъ, когда ожидается проѣздъ какого-нибудь высокаго начальства. Однажды въ черниговское уѣздное земское собраніе, по предложенію губернатора, внесенъ былъ докладъ о выдачѣ вознагражденія, въ суммѣ болѣе 900 р. сельскимъ жителямъ городнянскаго и черниговскаго уѣздовъ, вызваннымъ полиціей для исправленія почтовой дороги до Чернигова. Исправленіе понадобилось потому, что какой-то захудалый генералъ, ради полученія, какъ водится, генеральскихъ прогоновъ отъ Петербурга, выхлопоталъ себѣ командировку въ Черниговъ для ревизіи дѣтскаго пріюта. По произведенному управой дознанію, генералъ проѣзжалъ въ началѣ марта. Кое-гдѣ на дорогѣ были остатки снѣга, а большей частью она покрыта была огромными лужами. Оказалось, что изъ прилегающихъ къ дорогѣ селъ полиція согнала тысячи народа для „исправленія“ дороги. „Что-же вы тамъ дѣлали?“ спрашивалъ членъ управы у работавшихъ.—А нужно было что-нибудь дѣлать,—отвѣчали крестьяне,—когда урядники съ нагайками стояли надъ душою. Воду гоняли по дорогѣ.—Собраніе, конечно, отказало въ выдачѣ требуемой суммы, а гонявшихъ воду крестьянъ, помнится, кое-какъ удовлетворили изъ безотчетныхъ типографскихъ суммъ губернскаго правленія.

Разскажу еще объ одномъ подобномъ случаѣ. Однажды въ праздничный день ѣхалъ я въ свой хуторъ по любечской транспортной дорогѣ. Это было лѣтомъ, въ рабочую пору. Недалеко отъ с. Кувѣчичъ я увидѣлъ огромную толпу. На солнцѣ ярко сверкали красные праздничные уборы бабъ и дивчатъ. Я не могъ сначала сообразить, что дѣлаютъ здѣсь въ праздникъ эти сотни людей. Приблизившись, я увидѣлъ урядника и стражниковъ, распоряжавшихся „исправленіемъ“ дороги. Испра-

вленіе состояло въ томъ, что кое-гдѣ копали никому не нужныя канавки, которыя, не имѣя стока, были, конечно, совершенно безполезны. Землю изъ канавокъ разбрасывали на серединѣ дороги, отчего при первомъ дождѣ оказывалась глубокая грязь. Шумъ толпы покрывался грозными окриками и площадной бранью полицейскихъ техниковъ.

На вопросъ мой, почему производится такая спѣшная работа въ праздничный день, урядникъ объяснилъ, что завтра поѣдетъ въ Любечъ губернаторъ.

И такое безсмысленное, безъ всякихъ техническихъ указаній, выполненіе натуральной дорожной повинности совершается у насъ повсемѣстно. Десятки тысячъ рабочихъ дней затрачиваются въ губерніи ежегодно на такую безтолковщину, — и сельскіе обыватели вынуждены подчиняться такому надъ ними издѣвательству. Всякое возраженіе, ослушаніе влекутъ за собою арестъ, жестокіе побои и даже политическія преслѣдованія за неповиновеніе всесильной и ничѣмъ не обуздываемой полиціи въ селахъ.

Земство наше въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ лѣтъ не только не облегчаетъ для сельскаго населенія тягости натуральной повинности, но еще больше ее увеличиваетъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, направленіе движенія по старымъ дорогамъ значительно измѣнилось. Нѣкоторыя почтовыя дороги заглохли, и почтовая гоньба по нимъ закрыта. Уѣздныя земства, для облегченія расходовъ изъ своихъ кассъ по содержанію дорогъ, нерѣдко обращались въ губернское земское собраніе съ ходатайствами о перечисленіи такихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ, т. е. объ отнесеніи ихъ содержанія на натуральную повинность, и губернское собраніе по большей части съ легкимъ сердцемъ удовлетворяло такія ходатайства.

Въ первые дни собранія 1865 года возбужденъ былъ большой въ то время вопросъ о неправильномъ ходѣ межеванія въ губерніи. Извѣстно, что, въ виду преобладанія мелкаго землевладѣнія и крайней черезполосности, особенно въ черниговской губерніи, у насъ и въ полтавской губерніи учреждены были межевыя палаты и уѣздныя межевыя коммиссіи, и сотни земле-

мѣровъ работали надъ „упорядоченіемъ“ землевладѣнія. У меня сохранились выдержки изъ отчета о состояніи межеванія въ черниговской губ. за 1876 годъ. Изъ этихъ выдержекъ видно, что стоимость межеванія исчисляется ежегодно около 160 т. р., которые покрываются взимаемымъ съ населенія губерніи особымъ межевымъ сборомъ, при чемъ расчитано, что если межеваніе будетъ идти такимъ темпомъ, какимъ оно шло до 1876 года, то весь періодъ межеванія займетъ 32 года, и оно будетъ стоить населенію болѣе 5 мил. р., не считая натуральной повинности въ видѣ подводъ и рабочихъ, обязательно назначаемыхъ въ помощь землемѣрамъ. Межевой законъ установилъ, что всякій землевладѣлецъ, имѣющій не менѣе 50 дес., вправѣ требовать выдѣленія ихъ въ цѣльный отрубной участокъ. Примирить при такомъ выдѣленіи интересы всѣхъ владѣльцевъ межуемой дачи было, конечно, не легко. Но межевые чины вели дѣло, главнымъ образомъ, въ интересахъ крупнаго и средняго землевладѣнія. Для мелкихъ-же владѣльцевъ полагалась полюбовная разверстка, а гдѣ она не могла состояться (что и происходило въ огромномъ большинствѣ случаевъ), межевыя коммиссіи производили обязательную нарѣзку участковъ по своему усмотрѣнію, при чемъ черезполосность уменьшалась очень мало. Была еще странная особенность въ ходѣ межеванія. Законъ допускалъ на каждую сотню десятинъ небольшой процентъ ошибокъ. Я помню примѣръ, когда въ конотопскомъ уѣздѣ землемѣръ изъ этихъ „ошибокъ“ вырѣзалъ для себя нѣсколько сотъ десятинъ. А обыкновенно „ошибки“ за извѣстную мзду прирѣзывались къ частнымъ владѣніямъ. Недовольныхъ была масса. Но для обжалованія межевыхъ дѣйствій законъ назначилъ короткіе сроки. Неграмотное населеніе сроковъ этихъ не знало, а землемѣры не считали для себя удобнымъ разъяснять ихъ темному люду, и всѣ обиженные результатами межеванія вынуждены были примиряться съ созданными для нихъ невыгодами. Но, не говоря о нарушеніи частныхъ интересовъ, межеваніе, оставивъ черезполосность мелкихъ владѣній, закрѣпило для нашего сельскаго хозяйства огром-

ное зло—трехпольную систему, для выхода изъ которой потребуется новое межеваніе и новые милліоны.

Самая организація межеванія въ нашей губерніи завѣдомо создана была въ интересахъ крупнаго землевладѣнія. Предсѣдатель межевой палаты избирался губернскимъ дворянскимъ собраніемъ. Оно-же избирало двухъ членовъ палаты. Представители сельскихъ сословій въ палатѣ составляли слабое меньшинство.

Первое губернское земское собраніе, указавъ разные дефекты и злоупотребленія въ производствѣ межеванія, постановило представить рядъ ходатайствъ объ улучшеніи этого дѣла: о назначеніи ревизіи межеванія при участіи земскихъ представителей, о томъ, чтобы отчетъ по межеванію представляемъ былъ ежегодно губернскому земскому собранію, о предоставленіи уѣзднымъ земствамъ избирать по два депутата въ каждомъ уѣздѣ для наблюденія за ходомъ межеванія, о сокращеніи штата межевой палаты, о томъ, чтобы предсѣдатель палаты и предсѣдатели межевыхъ комиссій избирались земствомъ и вообще о передачѣ межеванія въ вѣдѣніе земства.

Всѣ эти ходатайства оставлены были высшимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія, и межеваніе велось до конца въ прежнемъ духѣ и направленіи *).

Въ этомъ же собраніи возбужденъ былъ вопросъ о мѣрахъ противъ истребленія лѣсовъ въ губерніи. За исключеніемъ десятка крупныхъ имѣній, гдѣ и до сихъ поръ ведется правильное лѣсное хозяйство, помѣщики наши послѣ освобожденія крестьянъ начали довольно быстро уничтожать свои лѣса. Еще быстрѣе пошло это уничтоженіе на крестьянскихъ земляхъ. Особенно громадныхъ размѣровъ оно достигло въ приднѣпровской полосѣ, которая тянется по остерскому, черниговскому и городнянскому уѣздамъ. Полоса эта, занимающая сотни тысячъ десятинъ, какъ извѣстно, принадлежала

*) Не могу при этомъ не вспомнить о предсѣдателѣ межевой палаты Подвысоцкомъ, который въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій избирался дворянствомъ въ эту должность. Но въ одномъ дворянскомъ собраніи онъ не былъ избранъ. Ему тогда было уже не меньше 50 лѣтъ. Онъ поступилъ на медицинскій факультетъ и впослѣдствіи былъ выдающимся профессоромъ.

почти сплошь кіево-печерской лаврѣ. Съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ населенныхъ владѣній, всѣ бывшія лаврскія земли, покрытыя прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, надѣлены были мѣстнымъ крестьянамъ. Пошло безпощадное истребленіе лѣса, а затѣмъ раскорчевка пней, и образовался громадный резервуаръ сыпучихъ песковъ, которые стали заносить на цѣлыя версты сосѣднія плодородныя земли. Теперь земство уже больше 20 лѣтъ борется съ этимъ зломъ, укрѣпляя пески шелюгой и посадкой лѣсныхъ породъ.

Съ какою быстротой уничтожались у насъ лѣса, показываетъ сохранившаяся у меня выписка (безъ указанія источника), что въ періодъ времени отъ 1862 до 1882 года лѣсная площадь черниговской губерніи уменьшилась на 266.705 десятинъ.

Земское собраніе постановило представить правительству ходатайство о принятіи мѣръ противъ уничтоженія лѣсовъ. Ходатайство это оставлено безъ отвѣта и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, безъ всякихъ послѣдствій.

Быстро стали, конечно, подниматься цѣны на дрова и строительные матерьялы. Между старыми письмами я нашелъ письмо тетки изъ Кіева, относящееся къ началу 70-хъ годовъ. Жалуясь на ростущую дороговизну жизни, она, между прочимъ, съ ужасомъ прибавляетъ, до какихъ размѣровъ поднялась цѣна за дрова, — до 9 р. за куб. сажень!—А теперь сажень дровъ въ Кіевѣ стоитъ около 45 р.

Казалось-бы, лѣсоохранительный комитетъ долженъ сдержать эту горячку лѣсоистребленія. Но, при благосклонномъ попустительствѣ этого учрежденія, лѣса въ послѣднее время уничтожаются едва-ли не усерднѣе, чѣмъ прежде. Въ прошломъ 1913 году я покупалъ дрова въ лѣсу по 10 р., а въ настоящемъ за такія-же дрова въ томъ-же лѣсу я заплатилъ по 19 р. за куб. сажень.

Въ этомъ же собраніи возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи земскаго банка и постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи его. Четыре года не было накакого отвѣта. Объ этомъ справлялись, напоминали, и затѣмъ махнули на это дѣло рукой.

Много было разговоровъ въ этомъ собранiи и о начальномъ образованiи въ селахъ, и прежде всего о подготовкѣ для этого учителей. На первый разъ рѣшено просить объ учрежденiи при мѣстной гимназiи временной педагогической школы, для чего ассигновано 2.800 р. На эту просьбу попечитель учебнаго округа отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его отсутствiемъ закона, разрѣшающаго постороннимъ вѣдомствамъ и лицамъ открывать такiя заведенiя.

Попытки организовать подготовку учителей повторялись собранiемъ въ ближайшие годы. Въ 1866 г. постановлено образовать эту подготовку при губернскомъ училищномъ совѣтѣ, а въ 1868 г. рѣшено подготовлять учителей при бывшихъ уѣздныхъ училищахъ, для чего содержать при нихъ 40 земскихъ стипендiатовъ. Но эти рѣшенiя не осуществились. Въ 1869 г. губернское земское собранiе приняло докладъ управы объ открытiи въ Черниговѣ учительской семинарiи на 120 человѣкъ, по уставу новгородской семинарiи. Такой уставъ былъ утвержденъ. Хозяйственная часть предоставлена была всецѣло вѣдѣнiю земства. Директоръ и преподаватели должны были назначаться учебнымъ вѣдомствомъ по соглашенiю съ губернскою земскою управой. Предсѣдателю губ. земской управы дано было право участвовать въ педагогическомъ совѣтѣ семинарiи съ правомъ рѣшающаго голоса.

Семинарiя была открыта въ 1871 году, Но жизненный путь этого дорогого для губернiи учрежденiя былъ очень кратокъ и тернистъ.

Министромъ народ. просвѣщенiя скоро былъ назначенъ гр. Д. А. Толстой. По просьбѣ служащихъ въ семинарiи, губ. зем. управа представила ходатайство о предоставленiи имъ правъ госуд. службы и права на пенсiю. Скоро послѣдовалъ отвѣтъ, что ходатайство можетъ быть удовлетворено только въ томъ случаѣ, если назначенiе служащихъ будетъ всецѣло зависѣть отъ учебнаго начальства. Конечно, управа такого условiя принять не могла.

Но гр. Толстой не могъ долго выносить сравнительно самостоятельнаго существованiя семинарiи.

Во время губ. земскаго собранiя 1874 года предсѣ-

датель собранія Неплюевъ вынулъ изъ кармана и прочелъ письмо къ нему гр. Толстого съ требованіемъ немедленно передать семинарію въ полное завѣдываніе министерства. Объ условіяхъ передачи въ письмѣ не было сказано ни одного слова. Послѣдовали протестующія заявленія о томъ, что нельзя такимъ необычнымъ порядкомъ вносить вопросы на разрѣшеніе собранія безъ всякой подготовки и безъ доклада управы, и о томъ, что собраніе не можетъ обсуждать этого вопроса безъ выясненія условій и обязательствъ, какія могутъ быть предъявлены земству. Неплюевъ и небольшая группа гласныхъ настаивали на томъ, что вопросы, вносимые высшимъ правительствомъ, собраніе обязано разрѣшать немедленно. Но огромнымъ большинствомъ постановлено не приступать къ обсужденію требованія министра и поручить управѣ предварительно выяснить условія выполненія этого требованія.

Черезъ годъ управа доложила собранію условія министерства. Собраніе уже не возражало противъ неограниченнаго права учебнаго вѣдомства по завѣдыванію семинаріей. Но министерство потребовало, чтобы затрачиваемая земствомъ на содержаніе семинаріи сумма вносима была навсегда въ смѣту обязательныхъ расходовъ и чтобы земство приняло на себя половину расхода на постройку зданія для семинаріи, такъ какъ ея помѣщенія признаны недостаточными. Собраніе отказалось фиксировать навсегда сумму на содержаніе семинаріи и не признало возможнымъ взять на себя неизвѣстную сумму половиннаго расхода на устройство зданія, ассигновавъ на это устройство 15 т. р.

Два года министерство молчало. Въ 1877 г. министръ сообщилъ, что онъ настаиваетъ на своемъ требованіи ассигновать разъ навсегда опредѣленную сумму, вполнѣ достаточную для содержанія семинаріи, и что размѣръ этой суммы опредѣлится по соглашенію съ попечителемъ округа. Вышло еще хуже, такъ какъ прежде была рѣчь о точной суммѣ, требуемой отъ земства. О половинѣ расхода земства на постройку снова ничего небыло сказано. Собраніе снова ничего не могло постановить и рѣшило повторить просьбу о точномъ выясненіи возлагаемыхъ на него неопредѣленныхъ обязательствъ.

Въ 1878 г. доложено было собранію (также неожиданно, безъ доклада управы) предложеніе губернатора, съ изложеніемъ требованія гр. Толстого немедленно передать семинарію министерству „на предложенныхъ имъ условіяхъ", и съ угрозой, что, въ случаѣ неподчиненія земства этому требованію, семинарія будетъ закрыта. Собраніе сдѣлало то, что только и можно было сдѣлать при такихъ условіяхъ. Оно похоронило свое дѣтище собственными руками и осенью 1878 г. само закрыло семинарію. Постановленіе объ этомъ состоялось большинствомъ 38 голосовъ противъ 33.

Нечего и говорить о томъ, какъ возмущено было собраніе такимъ глумленіемъ надъ правами земства.

Начавъ рѣчь о дѣятельности земства въ области народнаго образованія, я приведу еще нѣсколько эпизодовъ изъ этой области записываемый періодъ времени.

Уѣздныя земства дѣлали свое дѣло, хотя далеко не съ одинаковой энергіей въ отдѣльныхъ уѣздахъ *), и къ концу этого періода въ губерніи было 463 земскихъ училища. Ассигновки на ихъ содержаніе составляли къ этому времени довольно солидную сумму, болѣе 170 т. р. Губернское земство взяло на себя заботу объ общихъ мѣрахъ по поднятію начальнаго образованія, но за 22 года въ этомъ отношеніи сдѣлало очень мало.

Сначала дѣло въ уѣздахъ подвигалось впередъ безъ особыхъ препятствій. Но въ 1874 г. злой геній русскаго просвѣщенія, гр. Д. Толстой, создалъ огромный тормазъ для дальнѣйшаго развитія этого дѣла изданіемъ Положенія о начальныхъ училищахъ. Примѣненіе этого Положенія очень скоро до такой степени больно дало себя почувствовать, что уже въ 1880 году поднялся противъ него громкій вопль въ губ. земскомъ собраніи. Избрана была для обсужденія создавшагося положенія дѣла особая комиссія, представившая собранію обширный докладъ, въ которомъ выражено, что Поло-

---

*) До послѣдняго времени, въ самомъ жалкомъ положеніи, и количественно, и качественно, было школьное дѣло въ глуховскомъ и новгородсѣверскомъ уѣздахъ. Въ этихъ уѣздахъ много крупныхъ имѣній, владѣльцы которыхъ, преобладая въ мѣстныхъ земскихъ собраніяхъ, не считали нужнымъ заботиться о лучшей постановкѣ начальнаго образованія въ селахъ.

женіе 1874 г. проникнуто полнымъ недовѣріемъ къ земству. Во всемъ излишняя подробная регламентація и стѣсненія. Училищные совѣты совершенно безжизненны и обратились въ отдѣленія предводительскихъ канцелярій. Инспектора народныхъ училищъ безъ высшаго образованія; руководить дѣломъ обученія они не могутъ, и надзоръ ихъ за школами чисто полицейскій. Надъ учителями тяготѣетъ не только надзоръ инспекціи. Въ ихъ жизнь и дѣятельность грубо вторгаются и многіе священники, и волостные старшины, и сельскіе старосты, и полиція всякихъ ранговъ. Лучшіе учителя бѣгутъ изъ школъ. Комиссія выразила, что необходимо преобразовать училищные совѣты, увеличить ихъ составъ избраніемъ двухъ добавочныхъ членовъ отъ земства и сдѣлать ихъ живыми учрежденіями; необходимо расширить курсъ обученія въ начальныхъ школахъ включеніемъ преподаванія исторіи, географіи и естествознанія и допустить употребленіе при обученіи мѣстнаго народнаго языка. Нужно не стѣснять открытія частныхъ школъ, устройства воскресныхъ, вечернихъ занятій, классовъ для взрослыхъ, библіотекъ, учительскихъ съѣздовъ и курсовъ. Наконецъ, комиссія выразила пожеланіе, чтобы совершенно разобщенныя программы начальныхъ училищъ всѣхъ разрядовъ были согласованы и между собой, и съ курсомъ средн. учебныхъ заведеній, чтобы не закрывать возможности всѣмъ достигать высшаго образованія. Со всѣми предложеніями комиссіи собраніе согласилось и постановило представить соотвѣтственныя ходатайства. Всѣ эти ходатайства оставлены были безъ отвѣта, съ однимъ только исключеніемъ: на ходатайство объ увеличеніи въ училищномъ совѣтѣ числа представителей земства, повторенное въ 1883 году, послѣдовалъ въ 1895 г. (!) отвѣтъ, что комитетъ министровъ ходатайство это отклонилъ, но предоставилъ земству ходатайствовать о назначеніи въ губернію двухъ добавочныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, съ жалованьемъ отъ земства по 2.000 р. каждому. Конечно, земство не пожелало воспользоваться такимъ лестнымъ правомъ.

Такое-же отношеніе министерства народн. просвѣщенія къ земству продолжалось и при преемникахъ гр. Толстого.

Въ 1884 г. губ. земское собраніе приняло проектъ и уставъ ремесленнаго училища въ посадѣ Клинцахъ, суражскаго уѣзда. На его содержаніе и губернское, и уѣздное земства ассигновали по 2.000 р. въ годъ. Уставъ былъ представленъ на утвержденіе. Въ 1885 г. губ. управа доложила собранію, что министерствомъ уставъ совершенно измѣненъ: и земство, и Клинцовская дума вполнѣ устранены отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла въ училищѣ. Самое слово „земское“ изъ устава училища вычеркнуто.

Тормозя такимъ образомъ всякія начинанія земства въ дѣлѣ начальнаго обученія, министерство проявляло слишкомъ мало сочувствія и къ нуждамъ средняго образованія.

Женскимъ гимназіямъ, открытымъ у насъ въ большинствѣ городовъ, оно почти ничего не даетъ, и содержатся онѣ почти исключительно на счетъ пособій отъ земства и городскихъ думъ и на счетъ платы за право ученія, возросшей въ послѣднее время до размѣровъ, совершенно непосильныхъ для огромнаго большинства родителей.

То-же и по отношенію къ мужскимъ гимназіямъ. Въ 1885 г. я представилъ въ губ. земское собраніе докладъ, что черниговская гимназія давно уже не вмѣщаетъ желающихъ въ ней обучаться. Въ 1875 г. въ ней было 342 ученика, а черезъ 10 лѣтъ число ихъ достигло 567. Ежегодно родители увозятъ обратно десятки мальчиковъ, за неимѣніемъ мѣстъ въ классахъ. Собраніе постановило ходатайствовать объ открытіи въ Черниговѣ второй гимназіи. Министерство отвѣтило, что для содержанія полной гимназіи нужно 26 т. р., что казна такой суммы ассигновать не можетъ, и что гимназія можетъ быть открыта только при условіи, если устройство и содержаніе ея земство и городъ примутъ всецѣло на себя *).

---

*) Такую же щедрость по отношенію къ нашей гимназіи министерство оказываетъ и въ послѣднее время. Еще недавно директоръ гимназіи, заявивъ о переполненіи ея, просилъ думу ассигновать средства на расширеніе зданія гимназіи, такъ какъ министерство въ такой ассигновкѣ отказало.—Въ 1911 г. по настойчивому ходатайству десятковъ родителей, дѣтямъ которыхъ не оказалось въ гимназіи мѣста,

До какой степени непріязненности доходило отношеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій къ земскимъ представленіямъ, показываетъ, между прочимъ, такой примѣръ. Какъ извѣстно, содержаніе почтовыхъ станцій въ губерніи находится въ вѣдѣніи состоящаго при казенной палатѣ распорядительнаго комитета. Общіе торги на всѣ станціи производились въ казенной палатѣ, съ требованіемъ довольно крупныхъ залоговъ. Все дѣло попадало въ руки одного лица, которое отъ себя передавало содержаніе станцій по уѣздамъ другимъ лицамъ. Теряла при этомъ казна, страдали и интересы дѣла. Въ 1867 г. губернское зем. собраніе предложило высшему правительству передать содержаніе станцій земству, назначивъ болѣе выгодныя для казны условія и обязываясь улучшить положеніе этого дѣла. Доводы земскаго предложенія были такъ неотразимы, что прямо отклонить его было неудобно, и главное почтовое управленіе, желая сохранить прежній, выгодный для чиновниковъ порядокъ, придумало для земства такія непріемлемыя условія, что губ. собраніе вынуждено было отказаться отъ своего предложенія.

Между многочисленными губернаторскими протестами противъ земскихъ постановленій видное мѣсто занимаютъ случаи, когда протесты мотивировались выступленіемъ земства за предѣлы интересовъ губерніи или когда постановленія не соотвѣтствовали будто-бы мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, по-своему понимаемымъ губернаторами. При этомъ можно указать цѣлый рядъ противорѣчій. Опротестовывается, напр., земская ассигновка въ пособіе высшимъ женскимъ курсамъ или въ пособіе харьковскому Пастеровскому институту, услугами котораго широко пользовалось наше земство. Рядомъ съ этимъ, министерство вн. дѣлъ предлагаетъ губ. собранію сдѣлать ассигновку на образованіе фонда для преміи за лучшее сочиненіе по борьбѣ съ сифилисомъ.

городская дума, не смотря на хроническіе дефициты въ смѣтѣ, вынуждена была ассигновать около 1.000 р. на открытіе параллельнаго класса, въ чемъ министерство гимназіи отказало.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи воспоминаній мнѣ еще не разъ придется приводить примѣры вторженія администраціи въ права земства, ея придирчивости и пренебрежительнаго отношенія къ земскимъ постановленіямъ.

Именитые землевладѣльцы, о которыхъ я говорилъ, по истеченіи двухъ первыхъ трехлѣтій земской дѣятельности, перестали принимать въ ней участіе, увидѣвъ, какъ лучшія земскія начинанія разбиваются о непреодолимую стѣну противодѣйствія бюрократіи. Среди дворянскаго представительства стали появляться въ земскихъ собраніяхъ новые люди, и въ дружный земскій хоръ начали вторгаться рѣзкимъ диссонансомъ новыя, совсѣмъ не земскія ноты.

Въ мою задачу, конечно, не входитъ послѣдовательное изложеніе исторіи дѣятельности земства за обозрѣваемый періодъ времени. Я упомяну еще о нѣкоторыхъ постановленіяхъ губ. собранія болѣе общаго характера и разскажу о нѣсколькихъ боевыхъ засѣданіяхъ собранія, которыя въ свое время очень волновали и гласныхъ, и общественное мнѣніе.

Въ экстренномъ собраніи 1871 года обсуждался правительственный проектъ объ отмѣнѣ подушнаго налога. Собраніе, выразивъ сочувствіе основной мысли проекта, признало, что переложеніе подушныхъ сборовъ на земли и дворы, принадлежащіе податнымъ сословіямъ, несправедливо, и высказалось за привлеченіе къ уплатѣ прямыхъ налоговъ всѣхъ безъ изъятія сословій, съ тѣмъ, чтобы налоги эти были распредѣлены сообразно чистому доходу каждаго плательщика, при чемъ изъ дохода, получаемаго крестьянскимъ населеніемъ, должны быть исключены лежащіе на немъ выкупные и оброчные платежи. При этомъ собраніе выразило надежду, что, при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о преобразованіи системы прямыхъ налоговъ, правительство не устранитъ отъ участія въ обсужденіи этого дѣла лицъ, знакомыхъ съ потребностями и экономическими условіями всѣхъ мѣстностей Имперіи.

Въ докладѣ по этому вопросу губернская управа предложила: привлекать къ обложенію не только недвижимыя имущества, но и капиталы и другіе факторы

производства; установить подоходный прогрессивный налогъ, съ исключенiемъ изъ обложенiя извѣстнаго минимума дохода; исключить изъ обложенiя доходъ, извлекаемый изъ личнаго труда. Эти предложенiя управы большинствомъ голосовъ были отклонены.

Подушная подать была отмѣнена, но выраженныя въ собранiи надежды и пожеланiя остались гласомъ вопiющаго въ пустынѣ.

Въ 1881 году, въ виду крестьянскаго малоземелья и затруднительности для крестьянскихъ обществъ покупать и арендовать частныя имѣнiя и казенныя земли, послѣдствiемъ чего является то, что покупки и аренды попадаютъ въ руки капиталистовъ - барышниковъ, передающихъ потомъ земли крестьянамъ на очень тяжелыхъ условiяхъ,—губ. собранiе постановило: 1) ходатайствовать о содѣйствiи крестьянскимъ обществамъ въ арендованiи частныхъ и казенныхъ земель и оброчныхъ статей выдачею казенныхъ льготныхъ ссудъ за круговою порукой, при посредничествѣ земства, и 2) ходатайствовать о содѣйствiи правительства, при посредствѣ губ. земской управы, покупкѣ крестьянскими обществами земель съ аукцiона и по частнымъ сдѣлкамъ съ уплатою продавцамъ казенными $5^1/_2$% рентами и съ разсрочкой долга покупщиковъ на 49 лѣтъ.

Ходатайства эти, по обыкновенiю, оставлены были безъ отвѣта.

Въ 1882 году обсуждался въ губ. земскомъ собранiи больной вопросъ о распространенiи въ губернiи конокрадства. Предложены были разныя частичныя мѣры, но въ концѣ концовъ собранiе пришло къ тому, что подобныя мѣры дѣлу не помогутъ, пока сельское управленiе не будетъ преобразовано на началахъ всесословности, и пока волостной судъ не сольется съ мировымъ. Предлагалось представить ходатайство о такомъ преобразованiи, но большинство признало это излишнимъ, такъ какъ вопросъ этотъ обсуждается въ комиссiи статсъ-секретаря Каханова.

Труды кахановской комиссiи уже больше 30 лѣтъ почиваютъ въ архивѣ,—а „возъ и нынѣ тамъ“...

Въ теченiе шести лѣтъ (1869—1875 г.г.) обсуждался въ губ. собранiи съ особеннымъ интересомъ и страст-

ностью большой вопросъ объ экономическомъ положеніи и продовольствіи населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ. Исторія этого вопроса заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія.

Раньше было уже сказано, что скоро послѣ введенія земскихъ учрежденій правительствомъ передано было черниговскому земству изъ центральнаго продовольственнаго капитала на продовольствіе населенія 304 т. р. Насколько незначительна была эта сумма въ соотвѣтствіи съ продовольственными нуждами населенія, показываетъ то, что въ 1884 году въ губ. управѣ было въ наличности продовольственнаго капитала около 25т.р., а въ недоимкѣ за сельскими обществами было около 360 т. р. Львиная доля продовольственныхъ пособій роздана была хронически голодавшему населенію мглинскаго и суражскаго уѣздовъ. Уже въ 1869 г. управа докладывала губ. собранію, что за этими уѣздами числится продовольственной недоимки около 150 т. р. Собраніе, признавая положеніе населенія этихъ уѣздовъ исключительнымъ, признало необходимымъ изслѣдовать его на мѣстѣ. Управа командировала туда двухъ своихъ членовъ. Возвратившись, командированные доложили, что главною причиной безвыходнаго положенія населенія этихъ уѣздовъ являются чрезмѣрно высокіе выкупные платежи, истощающіе послѣднія средства плательщиковъ, тѣмъ болѣе, что полиція, несмотря на законъ, ограничивающій продажу имущества въ пополненіе недоимокъ, безпощадно разоряетъ крестьянъ при взысканіи казенныхъ сборовъ. Они-же сообщили, что большинство крестьянъ, вовсе не имѣя хлѣба, употребляютъ вмѣсто муки перемолотыя сѣмена сорныхъ травъ съ примѣсью макухи (жмыхи) и желудей; у другихъ и этого нѣтъ, и они питаются квашеными бураками съ макухой. Жители двухъ селъ кормятся тѣмъ, что по очереди водятъ по сосѣднимъ уѣздамъ и губерніямъ слѣпыхъ и калѣкъ. Очень многіе, бросивъ семейства и безплодные надѣлы, разбрелись въ отдаленныя мѣста на заработки. Мѣстныхъ заработковъ на фабрикахъ и заводахъ почти вовсе нѣтъ. А если суражцы и мглинцы идутъ наниматься на заводы сосѣднихъ уѣздовъ, тамъ принимаютъ ихъ неохотно, какъ истощенныхъ и плохихъ работни-

ковъ, и платятъ имъ очень дешево. Скота въ селахъ чрезвычайно мало. Скудная по природѣ почва до крайности истощена. Посѣвы производятся сѣменами съ огромной примѣсью сорныхъ травъ. Удовлетворительныхъ урожаевъ ожидать нельзя. Положеніе дѣлъ отчаянное.

Непосильно высокіе выкупные платежи установлены заботами мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, желавшихъ получить выкупныя свидѣтельства въ большей суммѣ, для чего они и добились введенія въ своихъ уѣздахъ великорусскаго положенія, совершенно не соотвѣтствующаго качеству земли въ этихъ уѣздахъ. Потому эти дворяне и возражали такъ упорно, какъ увидимъ ниже, противъ предложеній о пониженіи выкупныхъ платежей *).

Сообщенныя членами управы свѣдѣнія о положеніи населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ были доложены губ. собранію 1870 года. Въ заключеніи своего доклада управа предложила ходатайствовать о пониженіи выкупныхъ платежей до размѣра, соотвѣтствующаго доходу съ земли, и избрать особую комиссію для подробнаго изслѣдованія на мѣстѣ положенія дѣла и представленія правительству результатовъ этого изслѣдованія. Въ докладѣ упомянуто, что правительство уже обратило вниманіе на исключительное положеніе населенія указанныхъ уѣздовъ, и уже состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о разсрочкѣ накопившейся недоимки выкупныхъ платежей, въ суммѣ около 150 т. р., на десять лѣтъ.

Предсѣдатель собранія Неплюевъ не допустилъ обсужденія изложенныхъ предложеній управы. Послѣдовали горячіе протесты противъ такого насилія надъ собраніемъ. Предсѣдатель губ. управы Карпинскій и весь составъ управы заявили о выходѣ въ отставку, и 11 гласныхъ вышли изъ зала собранія. Занятія въ этотъ день были прерваны.

На другой день, уже безъ упоминанія о пониженіи выкупныхъ платежей, собраніе все-таки постановило

---

*) Нѣкоторые изъ приводимыхъ фактовъ мнѣ приходилось уже сообщать въ печати. Но здѣсь нельзя о нихъ не повторить: изъ пѣсни слова не выкинешь.

ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи исключительныхъ мѣръ для облегченія положенія населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ и избрать комиссію для изслѣдованія нуждъ населенія этихъ уѣздовъ.

Изъ журналовъ губ. собранія 1871 года видно, что избранная комиссія не выполнила возложеннаго на нее порученія. Только одинъ членъ ея представилъ цифровыя свѣдѣнія о размѣрѣ крестьянскаго землевладѣнія и о казенномъ обложеніи земли въ мглинскомъ уѣздѣ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ 1869 г. крестьянъ собственниковъ, временно обязанныхъ и бывшихъ дворовыхъ было въ этомъ уѣздѣ около 38 т. душъ. Земли у нихъ было 86 т. десятинъ, т. е. на душу приходилось по 2 слишкомъ десятины. Казенныхъ сборовъ взималось по 1 р. 95 к. съ десятины. Размѣръ земскихъ и мірскихъ сборовъ не показанъ. Положеніе казаковъ и государственныхъ крестьянъ было нѣсколько лучше.

Губернаторъ осенью 1871 года сообщилъ управѣ, что въ минувшее лѣто въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ былъ полный неурожай. Сборъ озимаго хлѣба едва возвратилъ сѣмена, а съ яровыхъ полей почти ничего не собрано. Падежъ въ это лѣто истребилъ огромное количество скота. Выпавшій въ сентябрѣ снѣгъ уничтожилъ не убранную гречиху и сильно повредилъ огородныя овощи, а также коноплю, составляющую главное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такія бѣдствія, въ связи съ неурожаями прошедшихъ четырехъ лѣтъ, совершенно обезсилили хозяйственное положеніе крестьянъ. Озимыя поля, засѣянныя очень засоренной рожью, не даютъ надежды на урожай. Яровыхъ въ будущую весну засѣвать совершенно нечѣмъ. Уже около 90% крестьянъ терпятъ страшную нужду, и только у болѣе зажиточныхъ хватитъ запасовъ для прокормленія на одинъ или два мѣсяца. Во многихъ мѣстностяхъ можно ожидать настоящаго голода *). Изложивъ такое положеніе дѣла, губернаторъ добавилъ,

*) Какъ видно, губернаторы тогда еще могли называть голодъ его настоящимъ именемъ. Теперь это слово исключено изъ оффиціальнаго лексикона и замѣнено менѣе страшнымъ—„недородъ“.

что онъ уже предписалъ волостнымъ правленiямъ всячески помогать нуждающимся въ прiисканiи заработковъ, выдавать безпрепятственно паспорта недоимщикамъ, отправляющимся на заработки, и отмѣнить обязательный наемъ крестьянъ отъ волостей на заводы для пополненiя недоимокъ. Губернаторъ просилъ собранiе выдавать изъ суммъ губернскаго земства пособiя тѣмъ, кто не въ состоянiи отправиться на заработки за свой счетъ, и дать нуждающимся сѣмена для обсѣмененiя весной яровыхъ полей.

Мглинская земская управа представила обстоятельный расчетъ громаднаго недобора съ полей въ уѣздѣ въ 1871 году и, вычисливъ потребность въ продовольствiи и обсѣмененiи, пришла къ выводу, что продовольственная нужда населенiя до будущаго урожая исчисляется въ 2.580 т. р.

Имѣя въ рукахъ такiя ужасающiя данныя, губернская управа представила собранiю самый жалкiй докладъ „о нѣкоторыхъ мѣрахъ для облегченiя положенiя мглинскаго и суражскаго уѣздовъ“. Въ докладѣ она предложила взамѣнъ комиссiи, не выполнившей своего назначенiя, избрать новую, затѣмъ упомянула о тѣхъ мѣрахъ, которыя уже предписаны губернаторомъ волостнымъ правленiямъ, и просила ассигновать 4.000 р. на выдачу задатковъ идущимъ на заработки, со взысканiемъ этихъ денегъ съ нанимателей. Вотъ и все. Даже о пособiи на яровые посѣвы въ докладѣ ничего не сказано. Этотъ докладъ былъ уже, конечно, продуктомъ творчества новой, „правой“ управы.

Суражская управа въ послѣднiе два года совершенно замалчивала бѣдственное положенiе населенiя своего уѣзда и къ губ. собранiю 1871 года не сдѣлала никакихъ представленiй о нуждѣ населенiя. Этотъ недостатокъ свѣдѣнiй попытался пополнить суражскiй гласный Искрицкiй. Онъ заявилъ собранiю, что нужда въ его уѣздѣ вовсе не такъ велика, какъ думаютъ нѣкоторые гласные, и что для продовольственной помощи населенiю достаточно будетъ въ настоящее время 6.000 р. *)

---

*) Въ концѣ 70-хъ годовъ Искрицкiй былъ избранъ предсѣдателемъ губ. земской управы. Но въ этой должности онъ пробылъ не

Возмущенный такимъ заявленіемъ, гл. Карпинскій, съ цифрами и оффиціальными матерьялами въ рукахъ, въ прекрасной горячей рѣчи совершенно опровергнулъ заявленіе Искрицкаго и ясно доказалъ, что настоящія бѣдствія въ суражскомъ уѣздѣ едва-ли не тяжелѣе, чѣмъ въ мглинскомъ.

Искрицкій не отвѣчалъ на эту рѣчь.

Затѣмъ Карпинскій снова заявилъ о необходимости ходатайствовать о полномъ сложеніи всей недоимки выкупныхъ платежей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нуждавшихся уѣздовъ и о пониженіи размѣра этихъ платежей.

Гл. Рачинскій предложилъ ходатайствовать о назначеніи особой правительственной комиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для изслѣдованія причинъ несчастнаго положенія сельскаго населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ и для изысканія мѣръ къ устраненію этихъ причинъ *).

Это было очень бурное засѣданіе.

Группа дворянъ крѣпостниковъ стремилась свести на-нѣтъ бѣдствія населенія голодающихъ уѣздовъ и отвергала всякія рѣшительныя обращенія къ правительству. Они даже не соглашались хлопотать о правительственной комиссіи, предложенной гл. Рачинскимъ.

Какъ вещественное доказательство, передъ гласными стояли ящики съ образцами употребляемаго суражскими крестьянами хлѣба, полученные губернаторомъ отъ суражскаго исправника и присланные въ собраніе. Хлѣбъ этотъ похожъ былъ на куски засохшаго конскаго навоза, съ такой огромной примѣсью мякины и какихъ-то засохшихъ травъ, что, поднесенный къ горящей свѣчѣ, онъ ярко вспыхивалъ и горѣлъ довольно долго. Когда гласные, доказывая необходимость чрезвычайныхъ мѣръ для спасенія голодающаго населенія, указывали на этотъ

долго и былъ назначенъ вице-губернаторомъ. Губ. собраніе 1880 г. выразило „сожалѣніе", что онъ оставилъ земскую службу ради административной карьеры и не явился въ собраніе для дачи отчета. Теперь такіе скачки изъ земской службы къ чиновничьей карьерѣ не считаются зазорными.

*) Бывшій профессоръ-математикъ московскаго университета, а впослѣдствіи директоръ московскаго сельско-хоз. института.

хлѣбъ, какъ на вредный суррогатъ, который можно ѣсть только въ отчаянномъ положеніи, дворяне, представители голодающихъ уѣздовъ, благодушно заявляли, что у нихъ крестьяне всегда ѣдятъ такой хлѣбъ, и что настоящій ржаной хлѣбъ былъ-бы вреденъ для ихъ желудковъ.

Въ собраніи участвовалъ мглинскій крестьянинъ Денисовъ. Слушая ораторовъ, отрицавшихъ острую нужду его земляковъ, онъ видимо волновался и нѣсколько разъ порывался встать. Наконецъ, онъ поднялся и попросилъ слова. Своимъ особеннымъ языкомъ, съ бѣлорусскимъ оттѣнкомъ, сначала робко, потомъ все болѣе возвышая голосъ, въ которомъ звучали негодованіе и слезы, онъ разсказалъ рядъ потрясающихъ фактовъ голодныхъ страданій, которые происходили на его глазахъ, добавивъ, что такой хлѣбъ, какой прислали теперь сюда, есть теперь у немногихъ, а скоро и такого не будетъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что его односельчанинъ, не могшій вынести мученій голода, съѣлъ свою овчинную шапку.

Но и эти факты не тронули гласныхъ дворянъ, желавшихъ похоронить вопросъ о голодѣ въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Они отнеслись съ недовѣріемъ къ сообщеніямъ Денисова, и громко смѣялись при разсказѣ о съѣденной шапкѣ.

Собраніе большинствомъ голосовъ постановило ходатайствовать о назначеніи правительственной комиссіи, согласно предложенію гл. Рачинскаго, но ходатайства о сложеніи накопившихся недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и о пониженіи размѣра этихъ платежей оно отклонило. Для редактированія обращенія къ правительству избрана особая комиссія.

На другой день комиссія доложила редакцію этого обращенія. Гл. Карпинскій заявилъ, что представленіе правительству изложено крайне неопредѣленно. Между тѣмъ, мы должны представить положеніе дѣла со всей подробностью и совершенно точно. Мы не можемъ брать на себя отвѣтственность, если правительство, вслѣдствіе неопредѣленности нашего представленія, отсрочитъ тѣ мѣры, которыя крайне необходимы для облегченія ужасныхъ бѣдствій населенія.

Представленіе было утверждено безъ измѣненій. Въ немъ, однако, выражено, что продовольственная помощь бѣдствующимъ уѣздамъ, истощившая весь продовольственный капиталъ, является только палліативомъ, и что необходимы общія мѣры для обезпеченія будущности населенія этихъ уѣздовъ,—мѣры, осуществить которыя земство не имѣетъ возможности.—Вмѣстѣ съ этимъ собраніе разрѣшило управѣ весь остатокъ продовольственнаго капитала, болѣе 80 т. р., употребить на питаніе голодающихъ.

Прошелъ годъ. О правительственной комиссіи ничего не было слышно.

Собраніе 1872 года снова посвятило не мало времени обсужденію положенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ, но ничего существеннаго по этому вопросу не постановило.

Управа представила докладъ объ ассигновкѣ для содѣйствія развитію табаководства въ этихъ уѣздахъ. Докладъ этотъ собраніемъ былъ отклоненъ.

Губернаторъ внесъ въ собраніе предложеніе, въ которомъ, указывая, что пенька, составляющая важное подспорье въ крестьянскихъ хозяйствахъ голодающихъ уѣздовъ, покупается у крестьянъ мелкими скупщиками, находилъ, что земству слѣдовало-бы взять на себя посредничество въ сбытѣ крестьянской пеньки непосредственно крупнымъ фирмамъ. Это предложеніе губернатора также было отклонено.

Гл. Н. Н. Милорадовичъ предлагалъ поручить управѣ представить соображенія объ общихъ мѣрахъ, которыя могли-бы привести къ коренному улучшенію положенія злополучныхъ уѣздовъ. И это предложеніе также было собраніемъ отвергнуто.

Единственное, принятое собраніемъ постановленіе, касавшееся этихъ уѣздовъ, состояло въ томъ, чтобы объявить конкурсъ по изслѣдованію положенія ихъ сельскаго населенія, съ преміями въ 1.500 и 500 р., причемъ оцѣнка этого труда предоставлялась губ. земскому собранію. Само собою разумѣется, что изъ этого ничего не вышло. Кому-же охота взять на себя трудъ изслѣдовать и выяснить правду, которую собраніе всячески старалось затемнить.

Прошелъ еще годъ. О правительственной комиссіи все еще не было слышно. Тамъ спѣшить не любятъ.

Собранію 1873 года доложена была обстоятельная, исчерпывавшая исторію и положеніе даннаго вопроса записка гласнаго Волкъ-Карачевскаго. Съ неотразимыми фактами и цифрами, авторъ записки доказалъ полную непригодность палліативовъ, предпринятыхъ и проектированныхъ въ собраніи, а также весьма слабое значеніе разсрочекъ недоимки выкупныхъ платежей для кореннаго измѣненія положенія населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ. Гл. В.-Карачевскій предложилъ повторить ходатайство о командированіи правительственной комиссіи. Предложеніе это было отклонено.

На другой день членъ губернской управы, посѣтившій лѣтомъ 1873 года мглинскій и суражскій уѣзды, доложилъ собранію, что урожай этого года нѣсколько лучше, чѣмъ въ предыдущіе годы, и остраго голода не предвидится, но крестьяне ѣдятъ такой-же хлѣбъ, какой былъ демонстрированъ въ собраніи 1871 года, засѣваютъ поля такими-же сорными сѣменами, въ которыхъ не больше четверти настоящаго зерна; скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ поразительно мало, — и вообще положеніе крестьянъ видимо ухудшается.

Гл. Карпинскій, въ виду отклоненія предложенія В.-Карачевскаго, просилъ собраніе образовать земскую комиссію, которая, по установленной напередъ программѣ, собрала-бы всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобы болѣе рѣшительно приступить къ разрѣшенію безконечнаго вопроса о мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. И это предложеніе собраніе отклонило.

Въ 1874 году все еще правительственной комиссіи не было. Въ губ. собраніи этимъ безконечнымъ вопросомъ почти не занимались. Заслушанъ былъ только докладъ губ. управы объ устройствѣ образцовой табачной плантаціи въ суражскомъ уѣздѣ, въ видахъ улучшенія мѣстнаго табаководства. Но докладъ этотъ собраніемъ отклоненъ.

Въ 1875 году губ. земское собраніе открыло свои дѣйствія съ значительно обновленнымъ составомъ гласныхъ.

Снова въ этомъ собраніи обсуждался тотъ-же безко-

нечный вопросъ: правительственной комиссіи все еще не было.

Гласный Ив. Ил. Петрункевичъ внесъ на разрѣшеніе собранія слѣдующія предложенія: а) организовать переселеніе нуждающихся въ юго-восточную Россію, для чего войти въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами, и облегчить условія переселенія, прося правительство допустить льготу въ уплатѣ переселенцами недоимокъ дозволеніемъ уплаты ихъ въ мѣстахъ новаго поселенія; б) открыть управѣ кредитъ въ 3.000 р., поручивъ ей пригласить особое лицо для собиранія свѣдѣній о мѣстахъ и условіяхъ переселенія, съ оповѣщеніемъ населенія о результатахъ этой работы черезъ уѣздныя зем. управы; в) переоцѣнить надѣлы крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, гдѣ оцѣнка надѣловъ превышаетъ ихъ дѣйствительную стоимость.

Предложенія гл. Петрункевича единогласно приняты собраніемъ. Кромѣ того, постановлено ассигновать управѣ 2.000 р. для изслѣдованія, черезъ особую ученую экспедицію, экономическаго быта нуждающихся мѣстностей губерніи и, наконецъ, рѣшено снова ходатайствовать о командированіи правительственной комиссіи для изученія положенія населенія суражскаго и мглинскаго уѣздовъ.

Наконецъ, судьба этого вопроса повернулась въ благопріятную сторону. Комиссія была командирована. Добытыя ею свѣдѣнія вполнѣ выяснили исключительно бѣдственное положеніе населенія и преувеличенную оцѣнку земли въ этихъ уѣздахъ. Затѣмъ, была сложена огромная сумма недоимокъ выкупныхъ платежей, и нормы этихъ платежей значительно понижены.

Разскажу тутъ же печальную исторію, разыгравшуюся въ мглинскомъ уѣздѣ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Со введеніемъ земскихъ учрежденій, все земское дѣло въ этомъ уѣздѣ попало въ руки кружка дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои личныя цѣли, для достиженія которыхъ эти господа не брезгали никакими средствами. Давленіе на крестьянъ, находившихся, благодаря крайней бѣдности, въ полной экономической зависимости отъ этихъ воротилъ; запугиваніе крестьянъ черезъ мировыхъ посредни-

ковъ и полицію; сокрытіе отъ нихъ правъ на участіе въ земскихъ выборахъ; привлеченіе на выборы только такихъ, на избраніе со стороны которыхъ господствующая партія могла вполнѣ расчитывать,—все это пускалось въ ходъ, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ земскихъ должностей и вліянія на земскія дѣла.

А созданное этими воротилами бѣдственное положеніе сельскаго населенія съ каждымъ годомъ становилось все хуже,—и они нисколько не заботились, чтобы сколько-нибудь облегчить это положеніе. Все бремя многочисленныхъ натуральныхъ повинностей лежало исключительно на плечахъ сельскихъ сословій. Ни для народнаго образованія, ни для организаціи врачебной помощи въ селахъ не дѣлалось рѣшительно ничего.

Въ такомъ положеніи засталъ уѣздъ передъ земскими выборами 1871 года мѣстный землевладѣлецъ Кононъ Ѳомичъ Байдаковскій. Послѣ окончанія университета и довольно продолжительнаго отсутствія, онъ вернулся на родину и былъ пораженъ неправдою и возмутительными порядками, господствовавшими въ мѣстныхъ земскихъ и судебныхъ дѣлахъ. Онъ рѣшился вступить въ борьбу съ этими порядками. Зная силу своихъ противниковъ, онъ дѣйствовалъ очень осторожно. Въ бесѣдахъ со своими односельчанами, онъ разъяснялъ ихъ права и старался подготовить ихъ къ сознательному участію въ выборахъ. Многіе изъ дворянъ землевладѣльцевъ, видѣвшихъ всѣ злоупотребленія господствовавшей партіи, но не рѣшавшихся открыто выступать противъ нея, отнеслись сочувственно къ стремленію Байдаковскаго вывести дѣло на прямую и честную дорогу. Когда наступили выборы, они не имѣли уже прежняго домашняго характера, и къ нимъ явились не одни сторонники всесильной до тѣхъ поръ компаніи дворянъ. Большинство имѣвшихъ право участія въ выборахъ собрались дружно на избирательные съѣзды, и въ результатѣ оказалось полное пораженіе всѣхъ, державшихъ такъ долго весь уѣздъ въ своихъ рукахъ. Составъ земскаго собранія совершенно измѣнился, и Байдаковскій избранъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы.

Не имѣя возможности въ честной и открытой борьбѣ

уничтожить вліяніе, которое пріобрѣлъ Байдаковскій въ уѣздѣ, пораженные пустили въ ходъ обычные для нихъ пріемы. Они обратились къ доносамъ, и Байдаковскій въ должности предсѣдателя управы не былъ утвержденъ. Доносчики заявили, что Байдаковскій возбуждалъ крестьянъ противъ дворянскаго сословія, подстрекалъ ихъ къ сопротивленію межеванію и неплатежу податей и склонялъ подкупами выборщиковъ въ свою пользу. Полицейское дознаніе не подтвердило этихъ обвиненій, и мѣстный исправникъ заподозрилъ только существованіе подкуповъ. Дѣло было передано судебному слѣдователю. Присяжными показаніями многочисленныхъ свидѣтелей и обвиненіе въ подкупѣ было опровергнуто. Только нѣкоторые свидѣтели заявили, что Байдаковскій, при обновленіи состава земскаго собранія и управы, обѣщалъ отмѣну натуральныхъ повинностей и денежную раскладку ихъ на имущества всѣхъ сословій. Прокуроръ въ своемъ заключеніи выразилъ, что хотя и нѣтъ уликъ для обвиненія Байдаковскаго во взводимыхъ на него преступленіяхъ, но, въ виду разъѣздовъ его по волостямъ, присутствія на избирательныхъ съѣздахъ, гдѣ онъ, какъ избиратель, не могъ участвовать, и въ виду неблагопріятныхъ слуховъ, которые Байдаковскій распускалъ о прежнемъ составѣ управы, прокуроръ нашелъ, что его слѣдуетъ оставить въ подозрѣніи.

Дѣло разбиралось въ дореформенной уголовной палатѣ. Защитникомъ Байдаковскаго былъ И. И. Петрункевичъ. Докладчикъ изложилъ дѣло такъ, что всѣ факты дознанія и слѣдствія, могшіе бросать хотя какую-нибудь тѣнь на Байдаковскаго, были тщательно сгруппированы и ярко освѣщены, а всѣ показанія свидѣтелей, служившія къ его полному оправданію, были приведены вскользь или совершенно опущены. Словомъ, докладъ представлялъ пристрастную обвинительную рѣчь. Защитникъ повелъ свою рѣчь очень сдержанно, но предсѣдатель нѣсколько разъ безъ всякаго основанія останавливалъ и прерывалъ его. Палата вынесла приговоръ, по которому Байдаковскій по обвиненію въ томъ, что обѣщаніями склонялъ избирателей въ свою пользу и противъ другихъ лицъ, оста-

вленъ въ подозрѣніи. Въ этомъ рѣшеніи съ предсѣдателемъ была половина членовъ, а остальные высказались за полное оправданіе Байдаковскаго и приложили къ рѣшенію особое мнѣніе.

Скоро послѣ этого Байдаковскаго схватили ночью въ его черниговской квартирѣ и повезли въ Кострому. Затѣмъ выслали его въ Галичъ, а черезъ мѣсяцъ перевели въ Кологривъ.

И очень цѣнная молодая сила погибла для родины.

Темныя дворянскія силы нашего губернскаго земства еще разъ въ описываемый періодъ сыграли очень некрасивую роль въ дѣлѣ нашей земской статистики.

Уже въ первые годы дѣятельности земства начали выражаться настойчивыя заявленія о томъ, что, при крайнемъ разнообразіи почвъ въ губерніи, обложеніе земскими сборами совершенно не соотвѣтствуетъ качеству и производительности земель. Въ 1875 году учреждено было статистическое отдѣленіе при губ. земской управѣ. За дѣло взялись лучшія въ то время силы—П. П. Червинскій, А. А. Русовъ, В. Е. Варзаръ и потомъ А. П. Шликевичъ. Составлены были и утверждены собраніемъ программы работъ, и въ 1876 г. закипѣла работа. Уже въ собраніи 1876 г. разразилась цѣлая буря негодующихъ голосовъ, съ озлобленіемъ выражавшихъ, что какіе-то молодые люди, ничего не понимающіе въ оцѣнкѣ земель и въ сельскомъ хозяйствѣ, вторгаются въ помѣщичьи усадьбы, копаются въ экономическихъ книгахъ, шушукаются, игнорируя помѣщиковъ, съ прислугой и рабочими, ходятъ по крестьянскимъ дворамъ, все осматриваютъ, о чемъ-то бесѣдуютъ и что-то записываютъ. Конечно, всему этому придавалась яркая политическая окраска и выражались опасенія, что статистики чуть не проповѣдуютъ черный передѣлъ и, во всякомъ случаѣ, возстановляютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и подготовляютъ въ селахъ опасную смуту. Эти голоса требовали немедленнаго прекращенія статистическихъ работъ. Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ преній, большинствомъ только 4 голосовъ, едва удалось отстоять статистику и даже добиться увеличенія ассигновки на расширеніе оцѣночныхъ работъ. Въ 1877 г. уже были напечатаны

три тома „Матерьяловъ для оцѣнки земельныхъ угодій“. Эти матерьялы встрѣчены были самыми лучшими отзывами печати и приняты къ руководству министерствомъ финансовъ и земельными банками. Но нашимъ помѣщикамъ они очень не понравились. Въ нихъ, кромѣ описанія качества земли, способовъ и стоимости ея обработки и ея урожайности, заключались свѣдѣнія и объ условіяхъ испольной аренды крестьянами помѣщичьей земли. Вычислены были, кромѣ доли урожая, отдаваемой помѣщику, и денежныя доплаты и отработки, которые крестьянинъ долженъ былъ давать съ каждой десятины. Эти добавки достигали обыкновенно очень чувствительныхъ размѣровъ. Выясненіе этой эксплоатаціи крестьянскаго труда раздражило помѣщиковъ до бѣлаго каленія, и представители ихъ въ губ. земскомъ собраніи 1877 года снова подняли бурю негодованія противъ статистики. Посыпались тѣ-же обвиненія и опасенія, замелькали красные призраки,—и, несмотря на всѣ старанія многихъ гласныхъ, доказывавшихъ необходимость продолженія оцѣночныхъ работъ, собраніе большинствомъ трехъ голосовъ постановило статистическое отдѣленіе закрыть.

Отдѣленіе это, при новомъ составѣ гласныхъ, возстановлено въ 1880 году.

Едва-ли не самыми бурными въ обозрѣваемый періодъ были засѣданія губ. земскаго собранія въ январѣ 1879 года, когда на обсужденіе его внесенъ былъ вопросъ объ отвѣтѣ на воззваніе правительства, приглашавшее общество къ борьбѣ съ „крамолой“. Объ этихъ засѣданіяхъ разсказалъ И. П. Бѣлоконскій въ книгѣ своей „Земское движеніе“. Онъ совершенно вѣрно передалъ содержаніе проектированнаго отвѣта. Сущность этого отвѣта состояла въ томъ, что общество и общественныя учрежденія, не имѣющія никакихъ гражданскихъ правъ, лишенныя свободы слова и печати, совершенно безсильны для борьбы съ нежелательными общественными явленіями. Но у И. П. Бѣлоконскаго засѣданія по этому вопросу описаны не полно, особенно самое боевое засѣданіе 23 января. Въ это именно засѣданіе мнѣ пришлось быть секретаремъ собранія (стенографическихъ записей тогда еще не было), и я,

при помощи А. А. Русова, записалъ все происходившее почти стенографически. У меня сохранился черновикъ этого журнала, по которому я могу дополнить недосказанное И. П. Бѣлоконскимъ.

Инициаторомъ предложенія объ отвѣтѣ правительству былъ И. И. Петрункевичъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій этого собранія 14 января онъ, съ согласія предсѣдателя, прочелъ правительственное воззваніе, помѣщенное въ № 186 Правит. Вѣстника за 1878 г., и выразилъ, что общество, представляющее неорганизованную инертную массу, лишено возможности реагировать какимъ-бы то ни было образомъ на это воззваніе. Поэтому земское собраніе, какъ общественное учрежденіе, должно принять обращеніе правительства по своему адресу, и мы нравственно обязаны войти въ обсужденіе этого обращенія и отвѣтить на него.

По предложенію И. И. Петрункевича, для составленія отвѣта была образована комиссія, въ составъ которой вошли почти всѣ гласные. Черезъ три дня докладъ комиссіи былъ врученъ предсѣдателю собранія Неплюеву. 22 января, при закрытии засѣданія, Неплюевъ заявилъ, что допустить обсужденіе въ собраніи доклада комиссіи онъ не считаетъ возможнымъ. Раздались дружные протесты,—но засѣданіе было уже закрыто. Битва отложена была на слѣдующій день.

Когда 23 января раздались громкія требованія внести докладъ комиссіи на разсмотрѣніе собранія, поднялся гл. Рачинскій и произнесъ довольно длинную рѣчь, въ которой выразилъ, что предсѣдатель уже изъялъ докладъ комиссіи изъ обсужденія собранія. Можно было-бы спорить противъ этого, но это ни къ чему не поведетъ. Мы получили-бы журналъ безъ всякаго содержанія, съ рядомъ прерванныхъ заявленій, такъ какъ предсѣдатель будетъ останавливать говорящихъ на каждомъ словѣ. „Поэтому я предполагаю“, закончилъ гл. Рачинскій свою рѣчь, „что гласные одумаются (голоса—никогда!), не будутъ настаивать, и, въ видахъ удобства, намъ придется отказаться отъ обсужденія этого вопроса“.

Гл. Шрагъ *): „Гл. Рачинскій посмотрѣлъ на данный вопросъ съ точки зрѣнія удобства. Но такая точка зрѣнія, когда рѣчь идетъ о правахъ земскаго собранія, совершенно неумѣстна. Вопросъ можетъ быть правильно разрѣшенъ лишь съ точки зрѣнія права. Весь вопросъ въ томъ, уничтожилось-ли постановленіе собранія, состоявшееся 14 января, съ устраненіемъ доклада комиссіи?—Я утверждаю, что нѣтъ, что постановленіе это не устранено заявленіемъ предсѣдателя и не могло быть устранено“.

Далѣе гл. Шрагъ привелъ рядъ статей Зем. Положенія 1864 года, опредѣляющихъ границы предсѣдательскаго veto въ собраніи, и доказалъ, что на состоявшіяся уже постановленія право этого veto распространяться не можетъ. Право останавливать исполненіе такихъ постановленій принадлежитъ только губернатору и министру вн. дѣлъ, при чемъ эти лица, возвращая собранію опротестованное постановленіе для новаго обсужденія, должны указать причины своего несогласія съ нимъ. Такимъ образомъ, предсѣдатель присвоилъ себѣ власть, ему не принадлежащую, даже большую предоставленной закономъ губернатору и министру вн. дѣлъ. На этомъ основаніи, гл. Шрагъ пришелъ къ заключенію, что постановленіе 14 января, какъ не опротестованное законнымъ порядкомъ, остается въ силѣ и должно быть исполнено. Докладъ комиссіи долженъ быть обсужденъ и рѣшенъ въ собраніи.

Гл. Карпинскій: „Какъ членъ комиссіи, признаюсь, нѣсколько возбужденный необыкновенною обстановкой настоящаго засѣданія—необычнымъ отсутствіемъ публики и усиленіемъ штата полиціи вокругъ зала засѣданія,—я считаю своимъ долгомъ заявить, что наша комиссія была избрана вполнѣ легально, съ согласія предсѣдателя собранія, и выборъ ея не былъ опротестованъ губернаторомъ. Въ теченіе двухъ засѣданій комиссія исполнила порученіе собранія и представила предсѣдателю свой протоколъ. Вся работа коммиссіи была основана на безусловномъ уваженіи къ правительственной власти; всѣ члены комиссіи были проникнуты созна-

*) Депутатъ 1-й Госуд. Думы.

ніемъ важности переданнаго на ихъ обсужденіе вопроса; всѣ они въ первомъ-же засѣданіи рѣшили положить въ основу обсужденія полную искренность. Какъ бывшій земецъ, вы, ваше превосходительство, очевидно, не оставили безъ вниманія такого направленія дѣятельности комиссіи и дали ему надлежащую оцѣнку. Иначе, я не могу понять, почему вы нашли возможнымъ предложить намъ черезъ предсѣдателя комиссіи измѣнить редакцію протокола. Если-бы комиссія въ своихъ дѣйствіяхъ и въ протоколѣ допустила малѣйшій намекъ на незаконность, на подпольное желаніе содѣйствовать анархическимъ идеямъ, несомнѣнно, вы, какъ представитель власти, не стали-бы разговаривать съ комиссіей. Слѣдовательно, суть сдѣланнаго вами запрещенія сводится къ тому, что комиссія въ своей аргументаціи разошлась съ вашими взглядами. Вы заявили, что въ аргументаціи комиссія вышла изъ предѣловъ земской компетенціи,—но заключеніе комиссіи и по вашему мнѣнію компетентно. А разница во взглядахъ не даетъ права называть дѣйствія комиссіи беззаконными и лишать ея протоколъ оффиціальнаго значенія состоявшагося акта. Такой путь чрезвычайно опасенъ: онъ можетъ привести къ доносу, къ инсинуаціи"...

Неплюевъ: „Я не могу допустить такихъ выраженій".

Петрункевичъ: „Но вѣдь со стороны могутъ подумать, что комиссіи совершила что-то беззаконное".

Карпинскій: „Позвольте мнѣ исполнить мой долгъ и защищать комиссію. Мы добросовѣстно выполнили порученіе собранія,—и я, какъ членъ комиссіи, считаю себя обязаннымъ просить ваше превосходительство дать протоколу комиссіи надлежащее ему мѣсто. Я прошу прочесть протоколъ въ собраніи и приложить его къ журналу. Вы признаете невозможнымъ допустить пренія по этому протоколу. Пусть будетъ такъ,—законно это или незаконно. Но едва-ли вы можете съ спокойной совѣстью наложить на членовъ комиссіи пятно глухого осужденія въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ. Мы должны защищать эти дѣйствія отъ лица всего собранія. Этого требуетъ наша честь, наша репутація, какъ представителей губерніи, наше уваженіе къ земскому дѣлу и къ уполномочіямъ собранія. Еще разъ прошу ваше пре-

восходительство возстановить публичность и оффиціальность нашего протокола. Онъ представленъ вамъ, какъ предсѣдателю собранія, и нѣтъ причинъ лишать собраніе возможности провѣрить наши дѣйствія".

Голоса: Просимъ прочесть!

Неплюевъ: „Я уже объяснялъ причины, почему я не могу допустить преній и прочтенія протокола".

На повторенную просьбу Карпинскаго Неплюевъ снова заявилъ, что онъ не вправѣ измѣнить свое рѣшеніе. „Вы указываете,—прибавилъ онъ,—что протоколъ былъ читанъ въ комиссіи, но то чтеніе было не публичное".

„И нынѣшнее наше засѣданіе безъ публики", замѣтилъ Петрункевичъ.

Неплюевъ: „Но разъ докладъ будетъ читанъ передъ собраніемъ, то это чтеніе будетъ публичное. За устраненіе-же публики я принимаю на себя отвѣтственность передъ правительствомъ. Что-же касается того, чтобы не читанный въ собраніи протоколъ приложить къ его журналу, то, понятно, это невозможно. Протоколъ можетъ храниться при дѣлахъ управы".

Карпинскій еще разъ повторилъ просьбу прочесть протоколъ и приложить къ журналу.

Неплюевъ: „Разъ я допущу чтеніе протокола, то буду уже не вправѣ остановить его обсужденіе".

Петрункевичъ: „Вы обвиняете комиссію въ составленіи противоправительственнаго акта, и она вправѣ требовать прочтенія своего доклада, чтобы наши товарищи убѣдились, что мы не сочиняли ничего противозаконнаго".

Неплюевъ: „Я ни слова не говорилъ о противозаконности доклада".

Петрункевичъ: „А если это актъ законный, почему вы не допускаете его прочтенія?"

Неплюевъ: „Потому, что нахожу это невозможнымъ. Если вы недовольны, можете жаловаться".

Карпинскій и Петрункевичъ: „Просимъ занести это въ журналъ".

Петрункевичъ: „Изъ вчерашнаго заявленія предсѣдателя ясно видно, что онъ поступалъ не по своей волѣ. На основаніи ст. 7 зем. положенія, мы не знаемъ такой

внѣшней силы, которая, помимо предсѣдателя, могла-бы руководить собраніемъ. Такой чужой воли мы не знаемъ и подчиняться ей не обязаны. Гласный Рачинскій сказалъ, что мы можемъ отказаться отъ обсужденія вопроса, когда одумаемся. Но мы не дѣти, и я полагаю, что всѣ мы, приходя сюда, не рѣшаемъ никакого пустяка, не подумавши прежде о немъ. О настоящемъ-же вопросѣ мы думали много. Гл. Рачинскій воспитанъ не въ тѣхъ чувствахъ, въ какихъ воспитаны мы. Онъ, очевидно, воспитанъ въ чувствахъ русскаго мужика, котораго хватаютъ за воротъ и таскаютъ, при чемъ онъ не протестуетъ, потому что знаетъ, что всякій протестъ безполезенъ. Мы воспитаны въ другихъ чувствахъ и считаемъ себя обязанными протестовать. Въ настоящую минуту предсѣдатель вышелъ изъ предѣловъ своей власти, и я имѣю основаніе думать, что, руководясь точнымъ смысломъ закона, мы обязаны протестовать противъ его беззаконныхъ дѣйствій. Гл. Шрагъ очертилъ намъ кругъ дѣйствій предсѣдателя въ собраніи. Для всѣхъ ясно, что предсѣдатель не можетъ устранить этого вопроса изъ обсужденія собранія, но онъ его устраняетъ и только указываетъ на наше право обжаловать его дѣйствія. Восемь лѣтъ назадъ мы испытали подобное-же насиліе со стороны нашего предсѣдателя, когда онъ не допустилъ дебатовъ по вопросу о мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Мы подали жалобу въ сенатъ, и послѣдній призналъ, что мы были правы,— что вопросъ тотъ подлежалъ нашему обсужденію. Результатомъ этого было снаряженіе правительственной комиссіи, заключенія которой всѣмъ извѣстны. Но развѣ настоящій случай тождественъ съ тѣмъ, на который я указываю? Теперь вопросъ былъ признанъ единогласно земскимъ собраніемъ и предсѣдателемъ его подлежащимъ обсужденію. Затѣмъ предсѣдатель внѣ собранія перерѣшилъ его по-своему. Гдѣ-же тутъ законность его дѣйствій? Если предсѣдатель поступаетъ противъ закона, то мы обязаны, уважая законъ, не подчиняться его распоряженію. Я перехожу къ обсужденію вопроса по существу“.

Неплюевъ: „Я приглашаю васъ не приступать къ обсужденію“.

Петрункевичъ: „Т. е. вы лишаете меня права голоса?“

Неплюевъ: „Нѣтъ... Я не нахожу возможнымъ“...

Петрункевичъ: „Что-же это значитъ? Вы у меня отнимаете слово?“

Неплюевъ: „Да, я буду вынужденъ отнять слово“.

Петрункевичъ: „Въ такомъ случаѣ, я не могу оставаться въ собраніи нѣмымъ и ухожу, протестуя противъ насилія предсѣдателя“.

Вмѣстѣ съ гл. Петрункевичемъ вышли изъ собранія еще 21 гласный.

Я долженъ былъ остаться, чтобы протоколировать до конца все происходившее.

Неплюевъ совсѣмъ растерялся. Онъ нѣсколько разъ пересчитывалъ оставшихся гласныхъ и просилъ ихъ оставаться, надѣясь, что занятія собранія могутъ продолжаться. Считалъ онъ и меня и никакъ не могъ согласиться съ моими возраженіями, что я здѣсь только какъ секретарь, а какъ гласный, я уже не участвую въ собраніи. Но кворума не оказалось, и сессія собранія была закрыта.

Немедленно была отправлена подписанная 22 гласными жалоба на предсѣдателя собранія въ сенатъ.

Исторія эта имѣла свое продолженіе въ губ. собраніи 1880 года.

Гл. Карпинскій оказался правымъ въ своемъ предсказаніи, что эта исторія можетъ привести къ доносу.

Я былъ тогда городскимъ головой. Лѣтомъ, въ одинъ изъ очень суетливыхъ въ городской управѣ дней, подошелъ ко мнѣ полицейскій приставъ, вынулъ изъ портфеля бумагу и попросилъ расписаться въ ея прочтеніи. Къ удивленію моему оказалось, что это указъ сената по жалобѣ на Неплюева. Указъ былъ совсѣмъ особенный, и я прочелъ его съ большимъ вниманіемъ и хорошо запомнилъ.

Въ первыхъ строкахъ очень кратко изложено, что такіе-то гласные черниговскаго губ. зем. собранія обратились въ сенатъ съ жалобой на предсѣдателя собранія за превышеніе имъ власти. Дальше сказано, что отъ предсѣдателя собранія было истребовано объясненіе,— и онъ представилъ слѣдующее объясненіе: далѣе въ

кавычкахъ и помѣщено все это объясненіе цѣликомъ. Въ немъ нѣтъ ни слова, отвѣчающаго запросу, и все оно, занимая почти двѣ печатныхъ страницы большого листа, представляетъ сплошной доносъ на подписавшихъ жалобу. Не указывая никакихъ фактовъ, объясненіе на разные лады говоритъ о томъ, что жалобщики въ своей дѣятельности всегда обнаруживаютъ антиправительственное направленіе, что они всегда противодѣйствуютъ представителямъ власти, сѣютъ смуту въ земствѣ и обществѣ и т. п. И эти опасные люди, скорбитъ въ послѣднихъ строкахъ авторъ объясненія, къ сожалѣнію, доселѣ остаются безнаказанными.

Въ концѣ концовъ жалоба, конечно, оставлена безъ послѣдствій.

Всѣ были очень удивлены и сравнительно скорому рѣшенію сената, и тому, что онъ выдалъ земскому собранію съ головой его предсѣдателя. Другого примѣра такой нескромности сената я не знаю.

Въ тотъ-же день я посѣтилъ Карпинскаго, Шрага и другихъ жившихъ въ городѣ гласныхъ, подписавшихъ жалобу. Оказалось, что никому указа не приносили. Такъ было и въ слѣдующіе дни. Очевидно, что чиновники губернскаго правленія, по установленному порядку. послали указъ заинтересованнымъ лицамъ. А начальство, не желая оглашать такой неудобный для Неплюева документъ, остановило дальнѣйшую его разсылку.

Но было уже поздно. Заинтересованные гласные узнали отъ меня содержаніе указа. А позднѣе удалось частнымъ образомъ достать изъ губернскаго правленія и печатный его экземпляръ.

Послѣ открытія губ. земскаго собранія въ 1880 году, гл. Карпинскій заявилъ: собранію извѣстно, что превышеніе въ прошломъ году предсѣдателемъ собранія его власти и незаконное воспрещеніе имъ обсужденія извѣстнаго вамъ вопроса обжалованы нами въ сенатъ. Въ своемъ объясненіи сенату предсѣдатель собранія, тайный совѣтникъ Николай Неплюевъ, представилъ на подписавшихъ жалобу политическій доносъ, обвиняя насъ въ противоправительственной дѣятельности. Такъ какъ каждое наше слово можетъ послужить поводомъ

для новыхъ доносовъ господина Неплюева, мы въ настоящемъ собраніи въ преніяхъ участвовать не будемъ и останемся безмолвными, оставляя за собой право, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ собранія, представлять противъ него на другой день письменныя возраженія *).

Тогда былъ хорошій обычай, забытый, къ сожалѣнію, въ послѣднее время. Группа гласныхъ („лѣвыхъ"), около 20 человѣкъ, наканунѣ обсужденія въ собраніи болѣе важныхъ докладовъ собиралась въ чьей-нибудь квартирѣ и знакомилась подробно съ этими докладами, подготовляя возраженія или дополненія къ нимъ. По болѣе-же сложнымъ докладамъ расписывались даже роли между ораторами. А правые гласные, за немногими исключеніями, пріѣзжая въ собраніе, занимались концертами, спектаклями, игрой въ карты по цѣлымъ ночамъ, а къ ходу дѣла въ собраніи относились вполнѣ безразлично. Понятно, что для многочисленной публики, посѣщавшей тогда собраніе и больше всего интересовавшейся рѣчами лѣвыхъ гласныхъ, между которыми было тогда не мало выдающихся и горячо относившихся къ земскому дѣлу ораторовъ, совершенно необычная картина безмолвнаго собранія была очень непріятна. Но публика продолжала посѣщать залъ собранія. Надѣялись, что ея любимцы еще заговорятъ. Но никто изъ нихъ не заговорилъ, и безмолвіе выдержано было до конца. А письменныя возраженія безмолвствующихъ большею частью приводили къ тому, что состоявшееся наканунѣ рѣшеніе замѣнялось противоположнымъ.

Ограничиваясь этимъ отрывочнымъ обзоромъ дѣятельности черниговскаго губернскаго земства за первые двадцать два года, считаю долгомъ добавить, что, не смотря на противодѣйствіе консервативныхъ гласныхъ и на всевозможные тормазы, создаваемые для земской дѣятельности мѣстною администраціей и высшими правительственными учрежденіями, дѣятельность эта въ указанный періодъ развивалась довольно успѣшно,

---

*) Такое право установлено у насъ давно и сохраняется до сихъ поръ. Недовольные рѣшеніемъ собранія могутъ на другой день возбуждать пренія по существу и рѣшеніе можетъ быть измѣняемо.

и земскія смѣты на удовлетвореніе потребностей населенія съ каждымъ годомъ значительно увеличивались *). Главная причина въ томъ, что въ теченіе большей части трехлѣтій этого періода и въ губернскую управу избирались передовые люди, и въ составѣ губернскихъ гласныхъ преобладало прогрессивное направленіе. Большое значеніе, конечно, имѣло и то, что этотъ періодъ протекалъ при дѣйствіи земскаго положенія 1864 года, когда у земства все-таки меньше связаны были руки.

Считаю своимъ долгомъ запечатлѣть здѣсь имена выдающихся земскихъ дѣятелей нашихъ, которые и въ своихъ уѣздахъ, и въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ давали въ этотъ періодъ тонъ и направленіе земскому дѣлу. Вотъ эти почтенныя имена, память о которыхъ останется неизгладимою въ исторіи черниговской губерніи: М. А. Имшенецкій, братья Н. Н. и Г. Н. Волкъ-Карачевскіе, И. И. Петрункевичъ, А. П. Карпинскій, А. Ф. Линдфорсъ, Н. А. Константиновичъ и М. И. Силаковъ.

---

*) Здѣсь не мѣсто излагать постепенный ростъ смѣтъ. Взятый на выдержку 1883 годъ даетъ итогъ смѣты губ. земства около 200 т. р., а та-же смѣта на 1914 годъ представляетъ солидную цифру въ 2.115 т. р.

VII.

Въ должности предсѣдателя губернской земской управы.

Въ настоящей главѣ я упомяну о нѣкоторыхъ болѣе выдающихся, представляющихъ общій интересъ, постановленіяхъ губ. земскаго собранія, но, главнымъ образомъ, мнѣ придется здѣсь повѣствовать о тяжелыхъ служебныхъ переживаніяхъ и столкновеніяхъ съ администраціей, которыя постоянно затрудняли и тормозили ходъ дѣла въ губернской земской управѣ. И теперь, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, я не могу спокойно вспоминать объ этомъ, и мнѣ трудно въ своемъ повѣствованіи сохранить полную объективность. Но, и при нѣкоторомъ личномъ оттѣнкѣ, повѣствованіе это можетъ имѣть цѣну, показывая, при какихъ внѣшнихъ условіяхъ земскому работнику приходилось (да и теперь приходится) выполнять свой нелегкій трудъ. А въ виду земскаго юбилейнаго года и ожидаемой реформы земскихъ учрежденій, сообщаемые мною факты могутъ имѣть и злободневный интересъ.

Вступилъ я въ должность предсѣдателя губернской управы въ началѣ 1887 года.

Первая половина моей службы въ управѣ протекала при губернаторѣ Анастасьевѣ, о которомъ сказано выше уже не мало. Скоро послѣ вступленія въ должность я узналъ, что утвержденіе меня министромъ состоялось вопреки представленію Анастасьева. Я предвидѣлъ, что мнѣ и управѣ придется выносить грубые натиски и вторженія этого самовластнаго сатрапа,—и опасенія мои не замедлили оправдаться.

На первыхъ же порахъ пошли тормазы относительно утвержденія служащихъ. На каждое почти представле-

ніе мое получался отказъ. Я вынужденъ былъ прибѣгать къ усиленнымъ частнымъ протекціямъ, чтобы отстаивать представляемыхъ мною кандидатовъ. Анастасьевъ всюду толковалъ о томъ, что губернская управа крамольное учрежденіе, что она устраиваетъ у себя революціонный очагъ, завѣдомо привлекая въ составъ своихъ служащихъ самыхъ неблагонадежныхъ людей и т. п. Скоро онъ охарактеризовалъ такимъ образомъ канцелярію управы и въ присланной мнѣ оффиціальной бумагѣ, написанной по поводу того, что приглашенный въ число служащихъ управы состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Въ бумагѣ очень рѣзко выражена была угроза, что губернаторъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, вынужденъ будетъ принять рѣшительныя мѣры къ очищенію управы отъ вредныхъ элементовъ. Я отвѣтилъ, что въ управѣ служили и служатъ только лица, на замѣщеніе которыхъ послѣдовало согласіе Анастасьева или его предмѣстниковъ, и что объ удаленіи кого-либо изъ служащихъ я ни разу не получалъ указаній. Что касается послѣдняго кандидата, я объяснилъ, что о состояніи его подъ надзоромъ полиціи управа не имѣла и не могла имѣть свѣдѣній, такъ какъ списка поднадзорныхъ въ управѣ нѣтъ. „Рѣшительныхъ мѣръ“ не было.

Въ началѣ апрѣля 1887 года, собираясь утромъ въ управу, я увидѣлъ у своего подъѣзда подъѣхавшаго на извозчикѣ управскаго служителя. Тревожнымъ голосомъ онъ сообщилъ, что въ управу явилось много полицейскихъ, которые меня ожидаютъ. Подъѣзжая къ управѣ, я увидѣлъ около десятка городовыхъ, наблюдавшихъ за управой съ улицы. Въ помѣщеніи управы я засталъ полиціймейстера и трехъ полицейскихъ чиновниковъ. На вопросъ мой о причинѣ ихъ посѣщенія, полиціймейстеръ заявилъ, что онъ прибылъ для производства обыска въ управѣ, а на слова мои, что придется обождать представителя прокурорскаго надзора, онъ объяснилъ, что, по положенію объ усиленной охранѣ, онъ имѣетъ право самъ производить обыски. Справка съ этимъ положеніемъ показала, что полиціймейстеръ правъ.

Направились въ библіотеку управы. Я пригласилъ

въ помощь себѣ одного изъ служащихъ въ канцеляріи, чтобы слѣдить за всѣми манипуляціями обыскивающихъ. Работа полицейскихъ цензоровъ продолжалась больше трехъ часовъ. Осматривали заголовки книгъ и тщательно ихъ вытряхивали. Одну книгу отложили на окно, пошептавшись о ней. Я увидѣлъ, что это извѣстная книга Адама Смита „Богатство народовъ“, и выразилъ сомнѣніе, подлежитъ-ли она изъятію. Справились съ оффиціальной брошюрой о недопускаемыхъ въ библіотеки книгахъ, и оказалось, что А. Смитъ дѣйствительно состоитъ подъ опалой. Но потомъ въ дополнительномъ листкѣ къ этой брошюрѣ я нашелъ, что опала съ книги этого почтеннаго ученаго снята.

Наконецъ, возня эта надоѣла полиціймейстеру. На мой вопросъ, будетъ-ли продолжаться обыскъ въ управѣ, онъ отвѣтилъ, что его дѣло окончено, и, прощаясь со мной, направился къ двери. Я быстро подошелъ къ этой двери, загородилъ ему дорогу, рѣшительно заявилъ, что подобныя дѣла такъ не оканчиваются, и потребовалъ составленія протокола о результатахъ обыска, съ подписями всѣхъ присутствующихъ. Очень неохотно протоколъ былъ составленъ. На просьбу мою выдать управѣ копію этого протокола полиціймейстеръ отвѣтилъ отказомъ, сказавъ, что копія можетъ быть выдана только съ разрѣшенія начальника губерніи.

Очевидно было, что тутъ дѣло состояло, главнымъ образомъ, не въ результатахъ обыска, а въ томъ, чтобы произвести шумъ и скандалъ. И цѣль эта вполнѣ была достигнута. По всему городу пошли толки, съ разными ужасами и обычными преувеличеніями, и нѣкоторые наивные обыватели поздравляли меня съ тѣмъ, что я послѣ вражескаго нашествія остался цѣлымъ и невредимымъ.

При первой встрѣчѣ съ Анастасьевымъ въ какомъ-то комитетѣ, я обратился къ нему съ просьбой выдать управѣ копію протокола объ обыскѣ, произведенномъ въ управѣ по его распоряженію.

„Полиціймейстеръ дѣлалъ обыскъ по своему усмотрѣнію“, отвѣтилъ онъ: „можете обращаться къ нему“.

Я повторилъ свою просьбу, объяснивъ, что полиціймейстеръ не выдаетъ копіи безъ губернаторскаго разрѣшенія.

„Я не выдаю никакихъ копій по политическимъ дѣламъ“, послѣдовалъ отвѣтъ.

Лѣтомъ того-же года, послѣ ознакомленія съ дѣлами управы, я рѣшилъ поѣхать по губерніи для обревизованія болѣе неисправныхъ волостныхъ правленій по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ они являются агентами губернскаго земства, и для ознакомленія вообще на мѣстахъ съ нуждами населенія, входящими въ область вѣдѣнія земства. Я обратился къ губернатору съ просьбой о выдачѣ мнѣ „открытаго листа“, для предъявленія его, въ случаѣ надобности, волостнымъ правленіямъ и полиціи. Получился удивительный отвѣтъ, что въ положеніи о крестьянахъ ревизіи земствомъ волостей не предусмотрѣны, и потому Анастасьевъ предположенной мною ревизіи не разрѣшаетъ. Ослѣпленный страстью идти во всемъ наперекоръ управѣ, нашъ помпадуръ упустилъ изъ виду, что при изданіи положенія о крестьянахъ земскихъ учрежденій вовсе не было, и что въ земскомъ положеніи ревизіи волостей по дѣламъ, касающимся вѣдѣнія земства, возлагаются непосредственно на земскія управы. Я написалъ оффиціальное письмо министру вн. дѣлъ, прося устранить созданное губернаторомъ препятствіе управѣ въ исполненіи ея обязанностей. Мѣсяца черезъ два министръ отвѣтилъ, что онъ вступилъ въ сношеніе по указанному вопросу съ губернаторомъ, отъ котораго управа и получитъ соотвѣтственное сообщеніе.

Прошло еще мѣсяца четыре,—а отъ губернатора ни слова. Приближалось губернское земское собраніе. Обжаловать незаконное дѣйствіе губернатора въ сенатъ можно было только въ ближайшую сессію собранія, и управа внесла въ это собраніе докладъ о жалобѣ. Предсѣдатель собранія Неплюевъ всячески оттягивалъ разсмотрѣніе этого доклада, не смотря на напоминанія управы и гласныхъ. Очевидно было, что Анастасьеву очень не хотѣлось дать движеніе этому докладу. И огласить бумагу министра, съ указаніемъ нелѣпости его распоряженія, было неудобно, и еще неудобнѣе было довести дѣло до сената. Неплюевъ затянулъ этотъ вопросъ до послѣдняго дня собранія, все еще надѣясь его похоронить. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ усту-

пить рѣшительнымъ протестамъ гласныхъ и заявилъ, что жалоба въ сенатъ излишня, такъ какъ министръ указалъ губернатору на неправильность его распоряженія относительно ревизіи волостей.

Въ 1888 году, во время пребыванія моего по земскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, я узналъ, что Анастасьевъ представилъ доносъ на меня въ медицинскій департаментъ. Мнѣ удалось прочесть этотъ доносъ. Въ немъ въ общихъ выраженіяхъ сказано о плохихъ порядкахъ въ губернской земской больницѣ, затѣмъ очень рѣзко выражено, что я не наблюдаю за этими порядками, и въ концѣ совсѣмъ некстати прибавлено, что я нигилистъ и непочтителенъ къ представителямъ власти. Доносъ этотъ не имѣлъ послѣдствій.—

Въ томъ-же году въ губернской управѣ поднятъ былъ вопросъ о томъ, что переселенія изъ губерніи совершаются стихійно, безъ всякаго представленія о мѣстахъ для переселенія, и что многіе, совершенно раззорившись въ поискахъ такихъ мѣстъ, возвращаются нищими въ свои села. Управа рѣшила внести въ земское собраніе докладъ о земской агентурѣ для помощи переселенцамъ, т. е. предложить приблизительно то же, что дѣлаетъ въ послѣднее время переселенческая организація южныхъ земствъ. Управа признала нужнымъ включить въ докладъ свѣдѣнія о совершившихся переселеніяхъ изъ губерніи. Свѣдѣнія эти сосредоточены были въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Управа обратилась съ просьбой къ Анастасьеву разрѣшить ея служащимъ сдѣлать необходимыя выборки изъ дѣлъ присутствія. Онъ съ обычной рѣзкостью отвѣтилъ, что забота о переселенцахъ—дѣло правительства, и что вторженія въ это дѣло земства онъ не допуститъ.

Не могу не вспомнить введенія въ нашей губерніи института земскихъ начальниковъ въ 1889 году. Положеніе объ этомъ институтѣ приводило Анастасьева въ восторгъ. Онъ предсказывалъ, что съ новыми носителями сильной власти въ селахъ онъ перевоспитаетъ всю губернію. На первыхъ же порахъ онъ далъ руководящія указанія земскимъ начальникамъ, причемъ изобразилъ идеалъ новаго представителя сильной власти:

разъѣзжаетъ земскій начальникъ по участку на тройкѣ пѣгихъ, со звонками; всѣ встрѣчные крестьяне заблаговременно сворачиваютъ съ дороги и снимаютъ шапки. Не исполняющимъ этого немедленная кара. Всѣмъ сельскимъ обывателямъ, старостамъ и волостнымъ старшинамъ земскій начальникъ долженъ говорить „ты“. При нарушеніи порядка, неповиновеніи властямъ, при всякомъ проявленіи злой воли, судъ долженъ быть быстрый и строгій. Необходимо во всемъ проявлять величіе и силу власти и почаще прибѣгать къ спасительной розгѣ. О справедливости, о законѣ ни слова.

Какъ извѣстно, земскіе начальники назначаются губернаторомъ по соглашенію съ уѣздными предводителями дворянства. Не знаю, по чьей винѣ, между земскими начальниками перваго призыва оказалось не мало такихъ, которые сразу прославились безобразнымъ произволомъ и рѣзкими самовластными выходками. Особенно неудаченъ былъ выборъ ихъ въ городнянскомъ уѣздѣ. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ этого уѣзда бралъ себѣ деньги изъ сундуковъ волостныхъ правленій, и скоро постройки этихъ волостныхъ правленій сгорали до тла. Онъ же вносилъ въ окладные листы добавочные сборы, и когда кто-то осмѣлился его спросить, почему окладъ такъ увеличенъ, онъ отвѣтилъ, что крестьяне люди темные и пользы своей не понимаютъ, и вотъ онъ собираетъ деньги, чтобы производить разныя улучшенія въ селахъ. Отчета въ этихъ деньгахъ, конечно, онъ никому не давалъ. Изъ улучшеній извѣстно только, что онъ изъ своего завода прислалъ нѣсколько вѣялокъ въ хлѣбозапасные магазины своего участка.

Однажды Анастасьевъ пріѣхалъ въ мѣстечко Рѣпки, находящееся въ участкѣ этого земскаго начальника. Въ усадьбу, гдѣ онъ остановился, явилось много жалобщиковъ. Всѣхъ ихъ стражники разогнали нагайками. А когда Анастасьевъ вышелъ на крыльцо и обратился къ оставшимся крестьянамъ съ вопросомъ, довольны-ли они земскимъ начальникомъ, изъ толпы раздались крики: довольны! благодаримъ! Послѣ этого Анастасьеву предложенъ былъ роскошный обѣдъ, а нѣсколько сотъ

рублей, издержанныхъ на это угощеніе, разложены были на все населеніе волости.

Другой земскій начальникъ того-же уѣзда предложилъ себя въ строители церкви въ с. Дроздовицѣ, для чего составлена была смѣта и собрано съ населенія нѣсколько тысячъ рублей. Возражать не осмѣлились. Въ результатѣ оказалось огромное превышеніе смѣты. Кромѣ того, строитель по своему усмотрѣнію пріобрѣлъ за невѣроятно высокую цѣну церковное облаченіе. Отчета, конечно, не было никакого. Смѣльчаковъ, заявлявшихъ объ отчетѣ, сажали въ кутузку. Не легко было прихожанамъ расплачиваться за то, что земскій начальникъ сдѣлалъ имъ высокую честь, взявъ на себя роль подрядчика по постройкѣ.

Много говорили о произволѣ и безобразіяхъ и третьяго земскаго начальника въ томъ-же уѣздѣ. Особенно возмущались, когда онъ въ сильный морозъ посадилъ въ „холодную" израненнаго въ дракѣ пьянаго человѣка, забылъ о немъ, и несчастный истекъ кровью и замерзъ *).

Молва о беззаконіяхъ новыхъ носителей власти слишкомъ была распространена. Доходила она, конечно, и до Анастасьева. Но онъ игнорировалъ эту молву. Тогда въ оффиціальныхъ кругахъ не принято было хулить новый институтъ. Никакихъ ревизій надъ земскими начальниками въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не было. А въ отчетахъ по губерніи выражалось, что новая реформа даетъ блестящіе результаты, и въ селахъ водворяется спасительный порядокъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ жалобы на земскихъ начальниковъ доходили до губернскаго присутствія. Но въ его журналахъ, напередъ приготовленныхъ и подписанныхъ губернаторомъ, приводились, со всякими натяжками, разные мотивы, опровергающіе жалобы, и въ результатѣ дѣло всегда оканчивалось оправданіемъ. Огромное большинство членовъ присутствія соглашалось съ губернаторомъ, а меньшинство общественныхъ представителей, для очистки совѣсти, подавали особыя мнѣнія,

---

*) Это, конечно, только болѣе яркіе факты, которые я случайно припомнилъ. Ими можно-бы наполнить цѣлый томъ.

изъ которыхъ, конечно, ничего не выходило. Такъ было и съ упомянутымъ случаемъ о человѣкѣ, замерзшемъ въ „холодной“.

Многіе земскіе начальники усердно примѣняли рекомендуемую Анастасьевымъ панацею отъ всѣхъ золъ, и розга въ ихъ участкахъ употреблялась очень часто; нѣкоторые изъ нихъ состояли губернскими гласными и въ кулуарахъ земскаго собранія иногда бахвалились совершаемыми у нихъ порками. Однажды въ собраніи шла рѣчь о злоупотребленіяхъ волостного правленія по земскому страхованію. Гласный, земскій начальникъ, въ участокъ котораго входила эта волость, объяснилъ, что, по его дознанію, виновными въ злоупотребленіяхъ оказались писарь и волостной засѣдатель. Разумѣется, я приказалъ ихъ высѣчь,—добавилъ онъ.

Не легко вообще было въ разныхъ комитетахъ и присутствіяхъ, въ которыхъ я участвовалъ по должности. Иногда предлагались въ нихъ рѣшенія, явно нелѣпыя и совершенно незаконныя. Я не могъ не возражать, хотя зналъ, что возраженія мои и особыя мнѣнія останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Были, впрочемъ, одиночные случаи, когда журналъ, съ рѣзко выраженнымъ неудовольствіемъ Анастасьева, приходилось передѣлывать. Выражаемыя мною мнѣнія онъ выслушивалъ съ пренебрежительными знаками нетерпѣнія. „Вы вѣчно вносите разладъ и, возражая противъ всѣхъ, только задерживаете присутствіе“, нерѣдко со злобой замѣчалъ онъ мнѣ. На мои слова, что я пользуюсь своимъ законнымъ правомъ, онъ выкрикивалъ: „можете подавать ваши особыя мнѣнія!“ или „можете на меня жаловаться“.

Особенно абсурдныя постановленія предлагались иногда для подписи въ лѣсоохранительномъ комитетѣ. Уставъ этого страннаго учрежденія не указывалъ точныхъ законныхъ нормъ. Здѣсь, по пословицѣ, законъ, какъ дышло,—куда повернешь, туда и вышло. Иногда за вырубку и раскорчевку, безъ разрѣшенія, небольшихъ участковъ лѣса налагались сотенные штрафы, совершенно разорявшіе крестьянскія хозяйства, при чемъ обнаженіе почвы не угрожало никакими вредными послѣдствіями. Въ другихъ случаяхъ, крупнымъ владѣльцамъ разрѣшалась вырубка и расчистка сотенъ десятинъ на пес-

чаной почвѣ, гдѣ образовывались обширные резервуары летучихъ песковъ. Съ разрѣшенія предсѣдателя, я помѣстилъ въ залѣ засѣданій комитета составленную земскими статистиками почвенную карту губерніи и нерѣдко указывалъ на нее, отстаивая свои мнѣнія. Мнѣ удавалось иногда склонять къ своему мнѣнію другихъ членовъ комитета, и приготовленное рѣшеніе измѣнялось. Это всегда выводило Анастасьева изъ себя, и онъ разражался разными колкостями по моему адресу.

Въ одномъ изъ засѣданій комитета онъ былъ въ особенно желчномъ настроеніи и позволялъ себѣ ничѣмъ не вызванныя рѣзкія выходки, преимущественно, конечно, направленныя противъ меня. Оставляя обыкновенно всѣ такія выходки безъ отвѣта, я на этотъ разъ не выдержалъ и заявилъ, что установившійся въ комитетѣ ходъ дѣла представляетъ прямое нарушеніе такой-то статьи т. II св. зак.

„Что-же говоритъ эта статья?“ съ ядовитостью спросилъ Анастасьевъ.

Я отвѣтилъ, что могу не точно изложить текстъ статьи, и попросилъ справиться съ II томомъ.

Секретарь подалъ II томъ. Анастасьевъ прочелъ названную статью, видимо поблѣднѣлъ, сверкнувъ на меня уничтожающимъ взглядомъ,—но не отвѣтилъ ни слова.

А статья эта говоритъ почти буквально слѣдующее: губернаторъ долженъ всемѣрно заботиться о томъ, чтобы между всѣми учрежденіями соблюдалась полная вѣжливость и мягкость въ отношеніяхъ, и самъ онъ долженъ показывать въ этомъ примѣръ въ обращеніи со всѣми лицами и вѣдомствами.

Необузданность этого сатрапа, отсутствіе въ немъ всякой сдержанности и неуваженія къ личности доходили иногда до смѣшного. Въ лѣсоохранительный комитетъ допускались иногда для объясненій заинтересованныя лица, подававшія туда свои прошенія. Лица эти останавливались у свободнаго конца стола, и привилегированнымъ предлагался стулъ. Входитъ однажды въ засѣданіе комитета очень почтенная дама. Стула на обычномъ мѣстѣ не было. Сидя близко къ этому концу стола, я немного придвинулъ стоявшій возлѣ меня стулъ по

направленію къ вошедшей. Вдругъ раздался рѣзкій окрикъ: Приглашать приходящихъ садиться—это дѣло предсѣдателя!

„Я только подвинулъ стулъ, а пригласить сѣсть—это, конечно, право вашего пр—ства,“ отвѣтилъ я. При этомъ я не могъ не улыбнуться.

Улыбка моя, очевидно, еще больше раздражила Анастасьева. Приглашенія сѣсть не послѣдовало, и бѣдная дама съ полчаса излагала свои объясненія стоя.

Особенно памятно мнѣ дѣло о разрѣшеніи комитетомъ вырубки лѣса, около 900 десятинъ, принадлежавшаго тогдашнему министру вн. дѣлъ И. Н. Дурново. Лѣсъ этотъ находился въ приднѣпровской части черниговскаго уѣзда, представляющей, какъ я уже упоминалъ, огромную песчаную площадь. Когда начали читать докладъ объ этомъ, я настроился всѣми силами бороться противъ разрѣшенія, въ виду опасности обнаженія такой значительной площади сыпучихъ песковъ. Но въ докладѣ было изложено, что лѣсной ревизоръ Р. и нѣсколько лѣсничихъ изслѣдовали предназначенный къ вырубкѣ лѣсъ и обнаружили, что деревья въ немъ заражены сосновымъ шелкопрядомъ и обречены на погибель. А такъ какъ по сосѣдству расположены обширные казенные лѣса, то, для спасенія ихъ отъ заразы, лѣсъ Дурново долженъ быть немедленно вырубленъ.

Я почти былъ увѣренъ, что исторія съ шелкопрядомъ болѣе, чѣмъ подозрительна. Но возражать противъ акта спеціалистовъ я не могъ и вынужденъ былъ подписать приготовленный журналъ о разрѣшеніи. При выходѣ изъ засѣданія, я отвелъ ревизора въ сторону и спросилъ, дѣйствительно-ли въ лѣсу Дурново есть шелкопрядъ.

„Ни малѣйшаго признака,“ отвѣтилъ онъ.

— Какъ-же вы представили комитету ложныя свѣдѣнія,—добивался я наивно.

„А что-же мнѣ дѣлать?“ откровенно объяснилъ ревизоръ: „начальству нужно, чтобы былъ шелкопрядъ,—вотъ онъ и есть. А не найдешь шелкопряда, изъ службы вылетишь“.

Исторія эта имѣетъ свое продолженіе, о которомъ стоитъ разсказать.

Въ Черниговъ были вызваны телеграммами болѣе

крупные лѣсопромышленники, и Анастасьевъ предложилъ имъ купить лѣсъ министра. Всѣ почти уклонились отъ покупки. Одинъ только Эпштейнъ, крупный землевладѣлецъ и сахарозаводчикъ въ с. Холмахъ, сосницкаго уѣзда, обнаружилъ колебаніе. Анастасьевъ взялся за него и убѣдилъ его ѣхать немедленно для осмотра лѣса, объявивъ, что крайняя цѣна за лѣсъ 90 т. р. Возвратившись черезъ нѣсколько дней, Эпштейнъ сказалъ, что больше 75 т. р. онъ заплатить за лѣсъ не можетъ. Никакія настоянія, угрозы и указаніе на то, что министру обѣщано выручить 90 т., не помогли, и пришлось покончить съ Эпштейномъ на предложенной имъ цѣнѣ.

Надъ вопросомъ, откуда взять недостающіе 15 т. р., Анастасьевъ не задумался. Онъ призвалъ общественнаго раввина, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и грозно повелѣлъ собрать съ евреевъ и представить черезъ недѣлю требуемую сумму. Раввинъ пришелъ въ ужасъ и умолялъ пощадить бѣдное еврейство. Но онъ былъ высланъ съ угрозами, что если приказаніе не будетъ въ точности исполнено, то евреи объ этомъ горько пожалѣютъ: они почувствуютъ всю силу губернаторской власти, особенно при усиленной охранѣ.—Черезъ недѣлю 15 т. р. были доставлены.

Въ теченіе двухъ лѣтъ 900 дес. лѣса были вырублены, и лѣсной матеріалъ сплавленъ по Днѣпру. А на этомъ мѣстѣ торчатъ теперь гніющіе пни, да желтѣетъ обнаженный песокъ. *)

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія сдѣлки съ Эпштейномъ, однажды заѣхалъ ко мнѣ земскій начальникъ Р. изъ того участка, гдѣ находится с. Холмы. Онъ, какъ земскій начальникъ, былъ совсѣмъ не похожъ на огромное ихъ большинство. Раньше онъ былъ прекраснымъ выборнымъ мировымъ судьей въ томъ-же участкѣ. Такимъ онъ остался и въ новой должности.

---

*) Черезъ нѣсколько лѣтъ главное имѣніе Дурново „Жукотки" и приднѣпровское имѣніе были куплены крестьянскимъ банкомъ. Съ трудомъ распродается и до сихъ поръ крестьянамъ бывшая лѣсная площадь, и покупаютъ ее крестьяне, конечно, не для возстановленія на ней лѣса, а для распашки. А послѣдствія—Богъ съ ними: aprés nous le deluge.

Онъ сообщилъ мнѣ съ раздраженіемъ, что вызванъ телеграммой губернатора по служебному дѣлу. А служебное дѣло состояло вотъ въ чемъ: Анастасьевъ обратился къ Р. съ просьбой, въ видѣ личнаго ему одолженія, представить Эпштейна къ награжденію золотой медалью. На вопросъ Р., за какія заслуги предполагается наградить Эпштейна, Анастасьевъ сказалъ, что этотъ помѣщикъ и сахарозаводчикъ приноситъ пользу мѣстности, поднимая культуру и доставляя заработки населенію. Р. заявилъ, что по своей экономіи и по заводу Эпштейнъ постоянно обсчитываетъ рабочихъ, очень плохо ихъ содержитъ, и въ участковой камерѣ очень часто разбираются жалобы рабочихъ на этого эксплоатататора. Въ концѣ концовъ Р. выразилъ, что, къ сожалѣнію, просьбы исполнить не можетъ, такъ какъ убѣжденъ, что Эпштейна слѣдовало-бы присудить не къ медали, а къ чему-нибудь противоположному. Скоро, однако, сдѣлалось извѣстнымъ, что грудь Эпштейна украсилась золотой медалью. Это было связано съ тѣмъ, что въ с. Холмахъ, расположенномъ на краю уѣзда и почти лишенномъ медицинской помощи, былъ открытъ земскій врачебный участокъ, для чего Эпштейнъ подарилъ землю и произвелъ на свой счетъ необходимыя постройки.

Однажды, послѣ мѣсячнаго пребыванія по земскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, я въ началѣ апрѣля возвратился домой. Черезъ нѣсколько дней получаю телеграмму, что меня вызываетъ министръ вн. дѣлъ для личныхъ служебныхъ объясненій. Не зная, какіе криминалы будутъ противъ меня выставлены, я на всякій случай запасся оружіемъ противъ непрекращавшихся обвиненій управы въ томъ, что она комплектуетъ составъ своихъ служащихъ изъ людей неблагонадежныхъ: я взялъ съ собой полный списокъ всѣхъ служащихъ въ губернскомъ земствѣ, съ отмѣтками, когда и за какимъ номеромъ получено согласіе губернатора на ихъ замѣщеніе.

Прибывъ въ Петербургъ, я отправился къ хорошо знакомому земляку директору департамента общихъ дѣлъ Заикѣ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Заика сообщилъ, что отъ Анастасьева послѣдовалъ доносъ о моихъ невозможныхъ къ нему отношеніяхъ и объяснилъ, что

И. Н. Дурново желаетъ побесѣдовать со мной отдѣльно, не въ пріемный день.

Въ назначенное время я явился къ министру. Онъ былъ, въ сущности, очень добрымъ человѣкомъ и отличался деликатностью обращенія. Онъ началъ съ того, что ему очень прискорбно было узнать о крайне натянутыхъ отношеніяхъ моихъ къ губернатору.

Я сказалъ, что мнѣ очень тягостны эти отношенія, но они созданы не мною, и измѣнить ихъ я не могу. При этомъ я сообщилъ нѣсколько болѣе яркихъ фактовъ о беззаконіяхъ и грубыхъ, оскорбительныхъ выходкахъ Анастасьева противъ управы и противъ меня.

— Но вы сами подаете иногда поводъ къ нападкамъ губернатора. Вѣдь, у васъ въ управѣ служитъ не мало неблагонадежныхъ лицъ,—замѣтилъ министръ.

— Я предвидѣлъ это замѣчаніе, сказалъ я, и взялъ съ собой полный списокъ служащихъ въ управѣ.—Предъявивъ этотъ списокъ, я выразилъ просьбу распорядиться провѣрить его.

— Но у васъ доходитъ дѣло до крайности, продолжалъ Дурново: вы избѣгаете кланяться губернатору и вовсе не бываете у него. Я самъ былъ губернаторомъ. Вѣдь въ дни Пасхи, Новаго Года и проч. всѣ служащіе бываютъ у губернатора съ поздравленіемъ. Только вы являетесь исключеніемъ. Это, конечно, обычай, но онъ сдѣлался обязательнымъ.

— Послѣ испытаннаго мною ряда оскорбленій, послѣ того, какъ г. Анастасьевъ позволилъ себѣ рѣзкую, обидную выходку въ публичномъ собраніи противъ моей дочери, я стараюсь держаться отъ него подальше, отвѣтилъ я: я дѣлаю всегда Анастасьеву почтительные поклоны, но только издали, чтобы не протягивать ему руки. У него я дѣйствительно давно уже не бываю. Но въ большіе праздники предсѣдатель управы всегда является къ нему съ поздравленіемъ. Для этого я наканунѣ этихъ дней формально сдаю должность заступающему мое мѣсто.

Бесѣда продолжалась около часу. Наконецъ Дурново, съ явно усталымъ видомъ, извинился, что, по нездоровью, не можетъ продолжить этой бесѣды, выразилъ пожеланіе, чтобы отношенія мои съ губернаторомъ на-

правились къ мирному исходу, и, прощаясь со мной, сказалъ: „я прошу васъ побывать завтра у Вячеслава Константиновича. Я предупредилъ его о вашемъ посѣщеніи“.

На другой день я отправился къ Плеве. Бесѣда съ нимъ была болѣе продолжительна. Съ моей стороны она была распространеннымъ повтореніемъ того, что я говорилъ наканунѣ министру. Плеве выслушивалъ мои сообщенія безъ всякаго отвѣта. Затѣмъ онъ наговорилъ мнѣ много общихъ мѣстъ о томъ, что всѣ обязаны считаться съ тѣмъ, что губернаторъ является въ губерніи представителемъ верховной власти, что министерство не можетъ знать всего, что дѣлается въ губерніяхъ, и вынуждено смотрѣть на все глазами губернатора, и что если губернаторъ рѣшительно представляетъ о комъ-либо изъ служащихъ, утвержденныхъ министромъ, что онъ служить съ нимъ не можетъ, министру приходится поступить по извѣстному третьему пункту.

При послѣднихъ словахъ, я быстро поднялся со стула, сказалъ, что буду ожидать исполненія выраженной угрозы, раскланялся и, не ожидая рукопожатія, повернулся къ выходу.

— Позвольте,—остановилъ меня Плеве—вы напрасно поняли слова мои, какъ личную вамъ угрозу. Скажу вамъ больше: если бы я на время сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ чего избавь меня, Господи (онъ повернулся къ иконѣ и перекрестился), я ни одного дня не оставилъ-бы Анастасьева въ должности губернатора.

Закончилъ Плеве бесѣду повтореніемъ пожеланія Дурново о мирномъ житіи.

Бесѣды эти очень мнѣ памятны, и я воспроизвелъ ихъ почти съ буквальной точностью.

Среди такихъ условій, при постоянномъ противодѣйствіи администраціи, приходилось вести нелегкое дѣло губернскаго земства.

Въ 1889 году, при окончаніи перваго трехлѣтія моей службы, собралось выборное губернское земское собраніе. Анастасьевъ и въ отдѣльныхъ бесѣдахъ съ гласными, и за обѣдами, которые онъ для нихъ устраивалъ, настойчиво убѣждалъ ихъ не ставить моей кандидатуры,

увѣряя, что я не буду утвержденъ, и гласные только надѣлаютъ себѣ хлопотъ, потому что придется снова пріѣхать въ собраніе для выбора предсѣдателя управы. Передъ баллотировкой, кандидатура моя указана была въ большинствѣ записокъ. Предсѣдатель собранія нерѣшительно спросилъ меня, согласенъ-ли я баллотироваться. Я выразилъ согласіе и вышелъ. Оказалось, что я избранъ значительнымъ большинствомъ шаровъ. Многочисленная публика и гласные шумно привѣтствовали мое избраніе. Скоро я утвержденъ былъ министромъ.

Въ теченіе второго трехлѣтія враждебныя выходки Анастасьева противъ губернской управы и особенно противъ меня продолжались.

Да не подумаетъ кто нибудь, что трехкратное утвержденіе меня въ должности предсѣдателя губернской управы и то, что я не подвергался нападеніямъ крупныхъ скорпіоновъ сверху,—что я объясняю это сравнительной мягкостью тогдашняго режима. Нѣтъ: 25 лѣтъ назадъ общій режимъ, хотя не доходилъ до такихъ абсурдовъ, какъ теперь, но мягкостью не отличался. Губернаторская власть усиленно муссировалась, и при обычныхъ условіяхъ меня устранили-бы отъ земской дѣятельности. Но меня ограждали особыя обстоятельства. Съ одной стороны, всѣмъ было извѣстно, что Анастасьевъ почему-то состоитъ подъ особымъ покровительствомъ всесильнаго въ свое время градоначальника Трепова. Съ другой стороны, для насъ было очевидно, что И. Н. Дурново не благоволитъ къ Анастасьеву. Пріѣзжая въ свое имѣніе и посѣщая Черниговъ, онъ, при всей сдержанности, не могъ скрывать этого неблаговоленія. Не имѣя силы свергнуть этого помпадура, онъ не упускалъ случая отклонять его представленія и обуздывать его. *) Большое значеніе имѣлъ при этомъ и очень вліятельный въ министерствѣ Заика, хорошо освѣдомленный о черниговскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Не будь этихъ обстоятельствъ, воспоминанія о моей земской службѣ не были-бы такъ продолжительны.

---

*) Около этого времени была отмѣнена въ губерніи усиленная охрана.

Въ 1890 году введено было новое земское положеніе. Открывая послѣ этого губернское земское собраніе, губернаторъ поздравилъ гласныхъ, сказавъ, что этимъ положеніемъ оказана особая милость земству: ему предоставляется заботиться, подъ руководствомъ администраціи, объ улучшеніи почвы, о поднятіи производительности полей и вообще о чисто хозяйственныхъ нуждахъ населенія. А заботы о другихъ его нуждахъ и разрѣшеніе разныхъ общихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ брало иногда на себя земство, правительство принимаетъ на свое попеченіе.

Усиленная опека надъ земствомъ рѣзко обнаружилась въ томъ-же году. Въ очередномъ собраніи осталось много не разсмотрѣнныхъ докладовъ и, чтобы очистить эту недоимку, рѣшено было созвать весной экстренное собраніе. Когда управа сдѣлала представленіе о разрѣшеніи созыва этого собранія, съ приложеніемъ перечня вносимыхъ на его обсужденіе докладовъ, губернаторъ отвѣтилъ, что можетъ разрѣшить это собраніе, но при условіи, чтобы въ немъ были разсмотрѣны только самые неотложные доклады. Управа снова представила, что она не вправѣ сокращать перечень, намѣченный самимъ собраніемъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что губернаторъ самъ выберетъ доклады, которые считаетъ неотложными.

Скоро послѣ введенія новаго положенія, Анастасьевъ назначенъ былъ членомъ Госуд. Совѣта, и многіе въ губерніи облегченно вздохнули.

Вакансію замѣстилъ Веселкинъ. Это былъ совсѣмъ особенный губернаторъ. Раньше онъ былъ предсѣдателемъ смоленскаго окружнаго суда, а потомъ управлялъ олонецкою губерніей. Онъ поражалъ массою самыхъ разнообразныхъ знаній. Владѣя свободно тремя европейскими языками, онъ, кромѣ того, читалъ въ подлинникѣ Гомера и иногда прекрасно скандировалъ оды Горація. Онъ всегда изучалъ что-нибудь новое и углублялся въ него съ увлеченіемъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Черниговъ, маніей его была астрономія. Онъ выписывалъ дорогія изданія и карты по этой спеціальности, и входившіе по дѣламъ въ его кабинетъ часто заставали его за разными выкладками и чертежами, и ясно было видно,

какъ неохотно отрывается онъ отъ любимаго занятія и начинаетъ выслушивать пришедшаго. Онъ былъ чрезвычайно разсѣянъ. При чтеніи докладовъ въ разныхъ присутствіяхъ и комитетахъ, онъ обыкновенно смотрѣлъ куда-то вверхъ, и мысль его, очевидно, была очень далека отъ этихъ докладовъ. По окончаніи доклада, онъ спускался съ своихъ высотъ, возвращался къ дѣйствительности и часто ставилъ вопросы невпопадъ, тутъ-же добродушно посмѣиваясь надъ своей разсѣянностью.

Весной 1893 года распространились въ нѣкоторыхъ уѣздахъ громадныя массы саранчи. Организація борьбы съ этимъ бѣдствіемъ создала для губернской управы очень много хлопотъ. Приглашенъ былъ профессоръ-энтомологъ Линдеманъ. Я поѣхалъ съ нимъ наблюдать за истребленіемъ саранчи. Приходилось наталкиваться на сопротивленіе населенія, толковавшаго, что нашествіе саранчи является проявленіемъ божьяго гнѣва, и что истреблять саранчу—значитъ идти противъ Бога. Главнымъ-же тормазомъ было слабое содѣйствіе, а иногда и бездѣйствіе уѣздной полиціи и сельскихъ властей. А борьбу нужно было вести съ крайнимъ напряженіемъ и поспѣшностью, чтобы истребить по возможности саранчу, пока она не окрылилась. Я оставилъ Линдемана продолжать путь и возвратился въ Черниговъ. На другой день я отправился къ Веселкину, разсказалъ ему о встрѣченныхъ затрудненіяхъ и просилъ отправить немедленно телеграммы исправникамъ и земскимъ начальникамъ о содѣйствіи руководителямъ въ борьбѣ съ саранчой.

„А знаете-ли, В. М.“, прервалъ меня Веселкинъ: „вѣдь вы убѣждены, что параллельныя линіи никогда не сходятся. А между тѣмъ это не вѣрно“.

И онъ началъ мнѣ говорить о движеніи свѣтилъ небесныхъ, что-то чертилъ и объяснялъ, что пути свѣтилъ, вначалѣ параллельные, могутъ сходиться гдѣ-то въ пространствѣ...

Изъ этой исторіи борьбы съ саранчой стоитъ еще разсказать о двухъ эпизодахъ.

Саранча заложила на поляхъ яички осенью 1892 г., и распространенія ея весной всѣ ожидали. Передъ наступленіемъ весны, я получилъ приглашеніе отъ пред-

сѣдателя орловской губернской управы пріѣхать въ Орелъ въ совѣщаніе для выработки общихъ мѣръ истребленія саранчи. Приглашенъ былъ туда и предсѣдатель курской управы. Я скоро собрался ѣхать въ Орелъ, но меня остановила телеграмма оттуда, что министръ вн. дѣлъ предположеннаго совѣщанія не разрѣшилъ. Въ общеніи земствъ отдѣльныхъ губерній подозрѣвалась крамола.

Другой эпизодъ: въ самый разгаръ борьбы съ саранчой получилъ я приглашеніе отъ Веселкина. Онъ познакомилъ меня съ бывшимъ астраханскимъ губернаторомъ, членомъ совѣта министра вн. дѣлъ, генераломъ Цеймерномъ, командированнымъ въ черниговскую губернію для руководства уничтоженіемъ саранчи. Я сообщилъ, что въ 12 верстахъ отъ Чернигова сейчасъ тысячи народа занимаются этимъ дѣломъ. Генералъ просилъ повезти его туда, обѣщая дать примѣрное сраженіе. При этомъ онъ разболтался о своей прежней службѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что, выйдя въ отставку изъ военной службы, онъ получилъ назначеніе на должность губернатора въ Тургайскую область. Не зная о существованіи такой области и о томъ, гдѣ она находится, онъ обратился за разъясненіемъ къ сыну гимназисту. Тотъ въ географическомъ атласѣ нашелъ область и показалъ папашѣ. Но генералу эта часть Россіи почему-то не понравилась, и, по его просьбѣ, его назначили губернаторомъ въ Астрахань. Въ своей болтовнѣ генералъ выражалъ такія наивныя сужденія и обнаруживалъ такую невѣжественность, что я и Веселкинъ часто переглядывались съ крайнимъ изумленіемъ.

Мы выѣхали рано утромъ. Подъѣзжая къ с. Holявину, мы увидѣли на полѣ массу народа. Одни длинной шеренгой, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подгоняли метлами въ одну сторону ползущую саранчу, сплошною массой покрывавшую поле. Другіе, такою-же шеренгой, стояли съ лопатами надъ вырытою канавой, быстро засыпали ее, когда она наполнялась подгоняемою саранчой, и дружно утаптывали. Дальше работали другія шеренги. Работа шла успѣшно.

Генералъ посмотрѣлъ нѣсколько минутъ и обратился къ исправнику.

— Совсѣмъ не то, — сказалъ онъ, — пришлите мнѣ десятокъ людей съ лопатами.

Пришли люди. Генералъ очертилъ на землѣ площадку около четырехъ квадратныхъ саженъ и приказалъ рыть яму. Другимъ онъ сказалъ, чтобы устраивали ширму надъ ямой. Они смотрѣли съ недоумѣніемъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Они не знаютъ, что такое ширма,—подсказалъ я.

По указанію генерала, исправникъ распорядился, чтобы изъ села привезли кольевъ, до сотни аршинъ холста и нѣсколько женщинъ съ иголками и нитками. Черезъ полчаса все было доставлено. Яма была готова. Надъ нею вбили въ землю колья. Бабы быстро сшили требуемыя полосы холста и прикрѣпили ихъ къ кольямъ. Готова была и ширма.

— Вотъ настоящій способъ, возвѣстилъ генералъ;— у меня въ астраханской губерніи такимъ способомъ истребляли цѣлыя горы саранчи.

А въ это время общая работа продолжалась. Саженяхъ въ сорока отъ ямы вырыта была новая канава, и къ ней гнали новыя массы саранчи черезъ участокъ съ ямой.

Но глупая черниговская саранча не поняла мудраго астраханскаго способа. Миріады ея направились къ канавѣ, гдѣ и были затоптаны. А яма осталась пустой; только на днѣ копошилось десятка два насѣкомыхъ. Назначеніе ширмы осталось неизвѣстнымъ.

На другой день Цеймернъ ѣздилъ еще куда-то съ исправникомъ для примѣрнаго сраженія, но ямы съ ширмой не устраивалъ. А затѣмъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, изъ генеральскаго руководительства ничего не вышло. Но генералъ получилъ тысячи двѣ рублей прогоновъ и суточныхъ, въ чемъ, конечно, и состоялъ весь смыслъ его командировки.

У меня сохранилась замѣтка, выписанная около десяти лѣтъ назадъ изъ какой-то статьи, съ рядомъ интересныхъ цифръ изъ госуд. росписи. Тамъ, между прочимъ, фигурируетъ цифра въ 24 мил. р. ежегодно „на расходы разнаго рода“ по всѣмъ министерствамъ. Есть изъ чего командировать по Россіи праздныхъ генераловъ.

Я сохранилъ о Веселкинѣ самую лучшую память. Самое главное состояло въ томъ, что онъ не вторгался въ управу со своими требованіями и указаніями, не ставилъ ей никакихъ тормазовъ и не мѣшалъ ей работать.— Мы живемъ теперь спокойно и даже не чувствуемъ, что у насъ есть губернаторъ, — говорили иногда мнѣ представители общественныхъ и даже казенныхъ учрежденій. Въ этомъ, по моему, высшая заслуга губернатора. Вспоминая объ этомъ, я думаю, какъ правъ былъ Щедринъ, излагая въ извѣстной „сказкѣ“ бесѣду губернатора съ предводителемъ дворянства о ненужности губернаторской должности.

Къ сожалѣнію, Веселкинъ пробылъ у насъ недолго, всего около двухъ лѣтъ. Возникли, изъ-за вопросовъ самолюбія, крупныя стычки между женами его и губернскаго предводителя, и почтенный астрономъ выхлопоталъ себѣ перемѣщеніе въ Херсонъ.

Преемникомъ Веселкина былъ Андреевскій, бывшій до того вице-губернаторомъ въ Курскѣ. Тамъ онъ прославился тѣмъ, что при наступленіи столѣтія со дня рожденія автора „Душеньки“ Богдановича, курскаго уроженца, онъ вздумалъ увѣковѣчить память писателя постановкой памятника на площади. Денегъ на памятникъ не было. Посѣщая кладбище, Андреевскій обратилъ вниманіе на чей-то крупный красивый памятникъ. Онъ приказалъ полиціи перевезти этотъ памятникъ на площадь. Его окружили рѣшеткой и прикрѣпили къ ней доску съ соотвѣтственной надписью. Но родные умершаго узнали о похищеніи, подняли шумъ, и полиція водворила памятникъ на прежнее мѣсто.

Отличительными чертами Андреевскаго были — стараніе показать величіе своей власти и неограниченное самомнѣніе. Величіе свое онъ показывалъ и своею осанкой. Онъ ходилъ, выпятивъ грудь и высоко поднявъ голову. Всѣ встрѣчные должны были кланяться ему. Зазѣвавшихся или вовсе не знавшихъ его гимназистовъ и семинаристовъ, осмѣливавшихся не поклониться ему, сажали въ карцеръ. Нарушителей этой обязанности изъ простыхъ обывателей полиція брала подъ арестъ. Были случаи, когда лицъ, принадлежавшихъ по виду къ привилегированному классу, Андреевскій оста-

навливалъ и спрашивалъ: почему вы мнѣ не кланяетесь?—Не имѣю чести быть знакомымъ съ вами, получался отвѣтъ.—Но вы знаете, что я губернаторъ?—Знаю, отвѣчалъ дерзновенный, но знаю и то, что нѣтъ закона, который обязываетъ кланяться губернатору. — Такихъ дерзновенныхъ призывали и къ правителю губернаторской канцеляріи, и къ жандармскому полковнику, и они должны были выслушивать увѣщанія относительно преступности ихъ отношенія къ представителю высшей власти, а за ихъ квартирами усиленно наблюдали сыщики и полиція, желая найти какую-нибудь крамолу и произвести нашествіе на жильцовъ.

Величіе власти выражалось и въ томъ, что Андреевскій требовалъ къ себѣ очень часто и должностныхъ, и частныхъ лицъ, большей частью изъ-за пустяковъ, заставляя ихъ по цѣлымъ часамъ ожидать пріема. Нерѣдко приходилось и мнѣ являться на призывы Андреевскаго, и тоже по большей части изъ-за выѣденнаго яйца. На первыхъ порахъ, онъ выдерживалъ меня въ пріемной около часу. Я терпѣливо ждалъ, думая, что въ кабинетѣ идетъ обсужденіе съ приглашенными лицами какихъ-нибудь экстренныхъ дѣлъ. Однажды, прождавъ около четверти часа, я спросилъ дежурнаго чиновника, кто у губернатора. Оказалось, что правитель канцеляріи дѣлаетъ обычный докладъ. Я заявилъ чиновнику, что меня, очевидно, принять не могутъ, и что я вынужденъ уѣхать, такъ какъ у меня въ управѣ очень много спѣшнаго дѣла.—Но вѣдь вы приглашены, съ ужасомъ сказалъ чиновникъ,—какъ-же мнѣ доложить?—Такъ и доложите, какъ я вамъ сказалъ, отвѣтилъ я. — Съ тѣхъ поръ приглашенія стали рѣже, а когда мнѣ приходилось пріѣзжать, я почти всегда немедленно былъ приглашаемъ въ кабинетъ. Нужно прибавить, что и у губернатора, и въ управѣ былъ телефонъ, но Андреевскій считалъ ниже своего достоинства пользоваться этимъ способомъ сообщенія.

Обладая, какъ я сказалъ, громаднымъ самомнѣніемъ, Андреевскій, очевидно, считалъ себя обязаннымъ во все вмѣшиваться, всѣмъ руководить и всѣхъ обучать, признавая свои сужденія непогрѣшимыми и выражая большое недовольство, если ихъ опровергаютъ. Даже при

открытіи губернскаго земскаго собранія, онъ иногда по цѣлому часу читалъ приготовленную рѣчь, указывая разныя нужды населенія и предлагая принять мѣры къ ихъ удовлетворенію. Обыкновенно почти все предлагаемое было предусмотрѣно въ докладахъ, вносимыхъ въ собраніе, а иногда дѣлались предложенія, показывающія, что авторъ очень мало знакомъ и съ предѣлами вѣдѣнія земства, и съ его средствами. Губернская управа часто получала отъ Андреевскаго бумаги съ разными указаніями и требованіями, иногда совершенно беззаконными и крайне нелѣпыми. Однажды, получивъ подобную бумагу и находя неудобнымъ для губернатора давать ей движеніе, я поѣхалъ къ Андреевскому, чтобы лично переговорить съ нимъ объ этомъ. Не успѣлъ я окончить своей рѣчи, Андреевскаго позвалъ кто-то изъ домашнихъ. Въ кабинетѣ присутствовалъ правитель канцеляріи.

— Какъ же вы выпускаете изъ канцеляріи такую ерунду? обратился я къ нему.

— Я и самъ знаю, что это ерунда, отвѣтилъ онъ: — но вы посмотрите. И онъ вынулъ изъ портфеля черновикъ, писанный собственноручно Андреевскимъ.—Если я измѣню здѣсь хотя букву или запятую, я могу вылетѣть изъ службы, добавилъ онъ.

Когда Андреевскій возвратился, я окончилъ рѣчь просьбой взять бумагу обратно, какъ совершенно невыполнимую.

— Я никогда не беру своихъ предложеній назадъ,— рѣшилъ непогрѣшимый помпадуръ:—они должны быть безпрекословно исполняемы.

Была у Андреевскаго еще особенность. Онъ энергично устраивалъ въ Черниговѣ разныя учрежденія и украшенія города. При немъ устроены были община сестеръ милосердія съ небольшою больницей, народный домъ съ классами рукодѣлія, училище глухонѣмыхъ; сооружены два царскихъ бюста и насажено много скверовъ, иногда совсѣмъ лишнихъ. Для всего этого требовалось много денегъ, и эти затѣи не дешево обошлись обывателямъ.

По губерніи разсылалось множество подписныхъ листовъ,—и во всѣ учрежденія, и многочисленнымъ долж-

ностнымъ и частнымъ лицамъ. Нѣкоторые получали по нѣсколько листовъ, по числу учрежденій, въ которыхъ они участвовали. Къ губернаторскимъ подписнымъ листамъ нельзя было отнестись безъ вниманія, и каждый старался заполнить ихъ и собрать побольше. Едва раздѣлывались съ одними листами, присылались другіе, для сборовъ на новое учрежденіе. Однажды въ уѣздномъ городѣ К. я былъ у знакомаго. Тамъ собралось около десятка мѣстной публики. Говорили больше всего о подписныхъ листахъ. Свободные граждане, не получившіе листовъ, разсказывали съ досадой, что отъ листовъ прохода нѣтъ, и каждый, получившій ихъ, надоѣдаетъ просьбами пожертвовать что-нибудь. А тѣ, которымъ адресованы листы, выражали, какъ имъ тяжело назойливо лѣзть къ каждому и просить подписаться. Былъ въ этомъ обществѣ и исправникъ. На вопросъ о томъ, что ему, вѣроятно, приходится больше всѣхъ хлопотать о заполненіи подписныхъ листовъ, онъ сказалъ, что отъ супруги начальника губерніи получилъ письмо, въ которомъ выражена надежда, что онъ соберетъ съ уѣзда не меньше 3 т. р.

— Значитъ, намекъ наприбавочку, добавилъ онъ: вотъ я черезъ двѣ недѣли и выслалъ ея пр—ству четыре тысячи.

— Что-же, вы послали свои деньги? спросили его: вѣдь вы ни къ кому изъ насъ не обращались за пожертвованіями.

— Нѣтъ, это устроилось иначе, объяснилъ исправникъ: вѣдь вы знаете такихъ-то.—И онъ назвалъ три фамиліи мѣстныхъ гешефтмахеровъ, сильно подозрѣваемыхъ въ разныхъ нечистыхъ дѣлахъ. — Я позвалъ этихъ господъ, сказалъ имъ, что ихъ штуки мнѣ извѣстны, и пригрозилъ, что если черезъ двѣ недѣли четыре тысячи не будутъ мнѣ доставлены, то они попадутъ въ тюрьму или будутъ высланы изъ губерніи. Я и получилъ требуемое къ назначенному сроку.

Съ однимъ изъ подписныхъ листовъ, присылавшихся въ губернскую управу, вышла непріятность. Послѣ кончины Императора Александра III, Андреевскій пожелалъ заказать икону и лампаду для постановки у гробницы почившаго. Получивъ подписной листъ для пожертво-

ваній на этотъ предметъ, я, по обыкновенію, внесъ свою цифру и попросилъ секретаря предложить желающимъ изъ служащихъ внести свои лепты. На другой день секретарь вручилъ мнѣ около сорока рублей, и я отослалъ ихъ въ канцелярію губернатора, вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ, въ который, конечно, и не заглядывалъ.

Въ слѣдующій день полиціймейстеръ передалъ мнѣ приглашеніе губернатора по дѣламъ службы.

— Я получилъ отъ васъ очень странный подписной листъ и очень странную сумму, сказалъ мнѣ Андреевскій.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Во-первыхъ, собранная въ губернской управѣ сумма мала до смѣшного,—отвѣтилъ онъ,—и вовсе не соотвѣтствуетъ высокой цѣли, для которой въ настоящее время производятся сборы. Во-вторыхъ, въ вашемъ листѣ ясна только ваша подпись. А все остальное — какія-то каракули, и фамилій вовсе нѣтъ. Скажите, вы лично предлагали служащимъ подписаться?

— Никогда я этого не дѣлаю, отвѣтилъ я: это было-бы давленіемъ съ моей стороны. Такія подписки—дѣло добровольное.

— Напрасно, перебилъ меня Андреевскій: а какъ-же относительно фамилій? Вы мнѣ сообщите ихъ.

— Съ такимъ порученіемъ вашему пр—ству слѣдуетъ обратиться къ другимъ органамъ. Я такими дѣлами не занимаюсь, отвѣтилъ я и откланялся.

Вотъ какія бываютъ „дѣла службы“!

Такимъ образомъ, через руки Андреевскаго прошло очень—много денегъ, съ крайней безцеремонностью собранныхъ съ населенія. Сколько ихъ было собрано и какъ они расходовались, объ этомъ никакихъ отчетовъ не было.

Вообще нужно сказать, что разныя выходки и претензіи Андреевскаго, его манія величія доставляли не мало непріятностей, но существенныхъ тормазовъ въ дѣятельности управы онъ не создавалъ.

Въ одно только хорошее земское дѣло онъ сдѣлалъ насильственное и совершенно незаконное вторженіе и безповоротно его испортилъ.

Управа внесла въ губернское земское собраніе докладъ объ устройствѣ земской исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Докладъ былъ принципіально принятъ. Къ слѣдующему собранію изготовлена была смѣта и разрабатаны были подробности организаціи проектируемаго учрежденія. Въ немъ предполагалось изолировать отдѣльныя группы воспитываемыхъ и вести дѣло по системѣ, установленной въ извѣстной французской колоніи Метре и въ прекрасно поставленномъ тогда московскомъ Рукавишниковскомъ пріютѣ. Предполагалось также подготовить хорошихъ педагоговъ для веденія труднаго дѣла перевоспитанія юныхъ преступниковъ. Для этой цѣли образованъ былъ спеціальный фондъ, котораго тогда было около 25 т. р.

Встрѣтивъ меня однажды на улицѣ, Андреевскій таинственно сказалъ, что онъ получилъ очень нехорошее сообщеніе, касающееся губернской управы. При этомъ онъ подалъ мнѣ какое-то письмо. Въ немъ было изложено, что деньги, собираемыя на устройство колоніи, губернскою управой растрачены. Подписи не было.

— Вотъ видите, прибавилъ Андреевскій; передайте лучше мнѣ эти деньги. У васъ дѣло съ колоніей затянется, а я устрою ее быстро.

— При вступленіи въ должность, ваше пр—ство оповѣстили въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, что анонимнымъ письмамъ и доносамъ вы не будете придавать никакого значенія,—сказалъ я: теперь, очевидно, отношеніе ваше къ такимъ документамъ измѣнилось. Поэтому я прошу васъ, на основаніи дѣйствующаго земскаго положенія, немедленно произвести ревизію губернской управы, чтобы убѣдиться, насколько справедливъ полученный вами доносъ. А передать собранныя на колонію деньги управа не можетъ. Это могло-бы сдѣлать только земское собраніе.

— Это съ вашей стороны излишній педантизмъ, замѣтилъ Андреевскій.

— Отступленіе въ данномъ случаѣ отъ этого педантизма было-бы преступнымъ превышеніемъ власти,— возразилъ я.

Вслѣдъ за этимъ въ управѣ получено было предложеніе губернатора немедленно передать ему указанную

сумму для устраиваемой имъ колоніи. Управа, конечно, отвѣтила, что выполнить это предложеніе она не вправѣ. Отвѣтъ управы былъ переданъ на разсмотрѣніе губ. по земскимъ дѣламъ присутствія, которое признало дѣйствія управы неправильными и постановило потребовать отъ нея передачи денегъ. При этомъ грубо была нарушена соотвѣтственная статья земскаго положенія. Но выходило такъ, что деньги передать обязательно, что и было исполнено.

При встрѣчѣ послѣ этого съ Андреевскимъ, я вручилъ ему докладъ управы о колоніи, обративъ его вниманіе на условія, которыя необходимо соблюсти при ея постройкѣ и организаціи.

Въ первомъ земскомъ собраніи было рѣшено обжаловать въ сенатъ дѣйствія губернатора и губ. присутствія. Сенатъ призналъ эти дѣйствія незаконными.

Но устройство колоніи поведено было форсированнымъ маршемъ. Куплена была близъ города земля, и на ней стали быстро возводиться постройки. Для воспитанниковъ устроили общую казарму, безъ всякаго раздѣленія на группы. Докладъ управы оставленъ былъ безъ вниманія. Завершилось дѣло тѣмъ, что завѣдывающимъ колоніей назначенъ былъ человѣкъ, не имѣвшій никакого понятія о томъ дѣлѣ, которое ему поручалось. Онъ былъ священникомъ и за какую-то провинность былъ растриженъ; потомъ былъ становымъ приставомъ и за злоупотребленія былъ уволенъ и причисленъ къ штату губернскаго правленія.

Можно представить себѣ, какъ пошло дѣло въ губернаторской колоніи при ея устройствѣ, совершенно не соотвѣтствовавшемъ задачамъ такого учрежденія, и при такомъ воспитателѣ! Въ обществѣ и въ земскомъ собраніи много толковали о томъ, что тамъ отвратительно содержатъ и обучаютъ дѣтей. Судьи открыто говорили, что они избѣгаютъ посылать въ это учрежденіе присуждаемыхъ къ наказаніямъ малолѣтнихъ, такъ какъ тамъ не исправляютъ, а еще больше портятъ дѣтей.

Но Андреевскому до всего этого было мало дѣла. Ему важно было только, чтобы петербургское начальство поставило ему въ активъ новое созданное имъ учрежденіе.

Въ такомъ жалкомъ положенiи, поставленномъ ниже всякой критики, влачитъ и теперь свое существованiе это уродливое губернаторское дѣтище.

Я упомяну теперь о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ постановленiяхъ губернскаго собранiя и о судьбѣ этихъ постановленiй за время моей земской службы послѣ 1890 года. Большая часть этихъ постановленiй относится къ вопросамъ народнаго образованiя.

Въ этотъ перiодъ времени я внесъ въ черниговское уѣздное земское собранiе докладъ о полной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанiя. Изложивъ исторiю тѣлесныхъ наказанiй въ Россiи, я предложилъ ходатайствовать объ уничтоженiи этого позорнаго пережитка татарщины и крѣпостного права. Докладъ мой былъ принятъ единогласно. Предсѣдатель собранiя Глѣбовъ за допущенiе этого доклада былъ преданъ суду сената и получилъ сенатскiй выговоръ.

Послѣ этого инцидента, губернская управа внесла въ губернское земское собранiе докладъ по тому-же вопросу, но уже въ болѣе скромномъ видѣ. Упомянувъ о томъ, что оканчиваетъ начальную школу весьма небольшой процентъ учащихся, а остальныхъ, едва научившихся читать и писать цифры, родители берутъ изъ школы, управа предложила возбудить ходатайство объ освобожденiи отъ тѣлеснаго наказанiя окончившихъ курсъ начальныхъ школъ. Предсѣдатель собранiя гр. Милорадовичъ не допустилъ обсужденiя этого доклада, не обращая вниманiя на довольно дружные протесты гласныхъ противъ такого насилiя.

Въ 1894 году, въ виду возбужденiя нѣсколькими уѣздными земствами ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказанiй, губернская управа снова внесла объ этомъ докладъ въ губернское собранiе. Предсѣдатель собранiя уже не препятствовалъ его обсужденiю. Собранiе согласилось съ докладомъ, и было представлено соотвѣтственное ходатайство. Въ 1895 году губернаторъ сообщилъ управѣ рѣшенiе министра вн. дѣлъ, что „возбужденный земствомъ вопросъ, имѣющiй общегосударственное значенiе, выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнiя, предоставленнаго земскимъ учрежденiямъ“. Въ 1896 году представленъ былъ губ. собранiю новый докладъ, въ которомъ управа,

указавъ на громадный нравственный вредъ, приносимый населенію употребленіемъ розги, выразила, что этотъ общегосударственный вопросъ во всей силѣ относится и къ черниговской губерніи, составляя одну изъ насущныхъ пользъ и нуждъ ея населенія. А такъ какъ по закону земскія ходатайства должны быть представляемы на разрѣшеніе комитета министровъ, собраніе, соглашаясь вообще съ докладомъ управы, поручило ей снова представить ходатайство министру, съ просьбой дать ему законное направленіе. Никакого отвѣта на это представленіе не послѣдовало.

Въ 1893 году губернская управа представила собранію большой докладъ объ участіи губернскаго земства въ мѣрахъ къ лучшей постановкѣ начальнаго народнаго образованія въ губерніи *). Въ виду того, что и раньше, а особенно послѣ 1890 года, нерѣдко раздавались негодующіе голоса противъ вмѣшательства губернскаго земства въ область вѣдѣнія уѣздныхъ, губернская управа, выразивъ въ началѣ доклада, что дѣло начальнаго образованія слишкомъ медленно подвигается впередъ и что губернское земство ничего почти для его развитія не дѣлаетъ, вынуждена была доказывать желательность и необходимость участія въ этомъ дѣлѣ губернскаго земства, какъ въ цѣляхъ объединенія общаго хода дѣла, такъ и въ видѣ матеріальной поддержки всѣхъ начинаній, предпринимаемыхъ для укрѣпленія вынесенной изъ школъ грамотности и вообще для поднятія уровня развитія сельскаго населенія.

Главнѣйшія предложенія доклада состояли въ слѣдующемъ: учрежденіе въ уѣздныхъ управахъ должности добавочнаго члена, который завѣдывалъ-бы спеціально школьнымъ дѣломъ, съ принятіемъ на счетъ губернскаго земства половины его жалованья; ежегодныя совѣщанія такихъ спеціальныхъ членовъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ для выработки общаго плана дѣятельности уѣздовъ по народному образованію; учрежденіе при губернской управѣ должности эксперта педагога для разработки и разрѣшенія разныхъ вопросовъ народнаго

---

*) Докладъ этотъ, съ нѣкоторыми дополненіями, вносился четвертый разъ. Предыдущія собранія все откладывали его.

образованія; устройство во всѣхъ уѣздахъ книжныхъ складовъ для распространенія въ населеніи лучшихъ книгъ по заготовительной цѣнѣ. Далѣе, въ докладѣ предложены нормы денежной помощи уѣздамъ въ устройствѣ ученическихъ и учительскихъ библіотекъ и повторительныхъ курсовъ при школахъ. Наконецъ, предложено ежегодно устраивать учительскіе курсы.

Докладу этому не повезло и въ 1893 году, и большая часть его предложеній остались не разсмотрѣнными. Только сдѣлана ассигновка на учительскіе курсы въ 1894 году. Но отношеніе гласныхъ къ предложеніямъ управы достаточно опредѣлилось въ многолюдной комиссіи, предварительно разсматривавшей ея докладъ. Съ предложенными ассигновками комиссія согласилась. Но другіе пункты доклада она рѣшительно отвергла. Относительно добавочныхъ членовъ въ уѣздныхъ управахъ она выразила, „что составъ этихъ управъ и распредѣленіе занятій между ихъ членами есть дѣло уѣзднаго земства и къ нему вовсе не призвано губернское". Должность спеціалиста-педагога при губернской управѣ она признала излишнею. Относительно участія губернскаго земства въ выпискѣ книгъ и распространеніи ихъ въ селахъ комиссія дала заключеніе, что это „не представляется необходимымъ, въ виду ничтожности размѣровъ такой операціи и того, что она потребуетъ сложной отчетности и обширной переписки". Отвергая указанныя предложенія управы, комиссія высказалась за поддержаніе ходатайства одного изъ уѣздныхъ земствъ объ увеличеніи числа инспекторовъ народныхъ училищъ.

Вообще, правильное пониманіе важнѣйшихъ нуждъ сельскаго населенія очень понизилось съ введеніемъ новаго Земскаго Положенія и измѣненіемъ состава гласныхъ. Это можно было-бы доказать многочисленными примѣрами. Но и приведеннаго примѣра достаточно: при прежнемъ составѣ губернскаго земскаго собранія, когда въ немъ не было такого преобладанія крупнаго дворянства, изложенное отношеніе гласныхъ къ самой важной области земскаго вѣдѣнія едва-ли было возможно.

Въ 1894 году состоялись учительскіе курсы въ Черни-

говѣ для учителей и учительницъ пяти уѣздовъ. Руководителемъ ихъ былъ извѣстный Д. И. Тихомировъ. Курсы прошли очень оживленно. Кромѣ командированныхъ уѣздными управами курсистовъ, талантливый руководитель привлекъ въ свою аудиторію значительное число учащихъ изъ городскихъ и ближайшихъ сельскихъ школъ. Посѣщали курсы и представители мѣстной интеллигенціи, интересующіеся учебнымъ дѣломъ. Это многолюдство на курсахъ очень встревожило мѣстнаго директора народныхъ училищъ, и онъ все приставалъ ко мнѣ съ просьбами удалить всѣхъ необязательныхъ посѣтителей. Я, конечно, не пожелалъ взять на себя такую обязанность, причемъ указалъ, что и надобности никакой нѣтъ въ такомъ удаленіи: дѣло идетъ въ полномъ порядкѣ, и посторонніе посѣтители нисколько ему не мѣшаютъ. У директора хватило настолько порядочности *), что онъ больше не возбуждалъ никакихъ репрессій противъ курсовъ и администрацію къ этому не привлекалъ. При настоящемъ режимѣ едва-ли допущено было-бы такое „послабленіе".

Но администрація, конечно, не дремала. Въ курсовой залѣ всегда былъ полицейскій надзоръ, а на улицахъ за группами курсистовъ слѣдили городовые и филеры. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней всѣ присутствовавшіе на курсахъ, Тихомировъ и губернская управа устроили гулянье въ подгородномъ лѣсу. Образовался импровизированный хоръ, и было очень шумно и весело. Въ сумерки кто-то отошелъ въ сторону и увидѣлъ за кустами подслушивавшихъ жандармовъ. Сконфуженные синіе мундиры удалились.

Но благополучно окончившіеся черниговскіе губернскіе курсы повлекли за собой очень тяжелыя послѣдствія. Губернское собраніе сдѣлало ассигновку на устройство такихъ курсовъ и въ 1895 году. Но министерство нар. просвѣщенія поспѣшило наложить на это дѣло свою тяжелую руку. Оно издало для курсовъ крайне стѣснительныя правила. Въ силу этихъ правилъ, губернскіе курсы не допускаются, и они могутъ быть устраиваемы по отдѣльнымъ уѣздамъ; учебному начальству должны быть забла-

---

*) Евстафьевъ, уже покойный.

говременно представляемы именные списки командируемыхъ на курсы слушателей и имена руководителей; курсы могутъ быть устраиваемы только при министерскихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ наблюденіемъ лица учебнаго вѣдомства; на каждаго руководителя полагается не больше двадцати слушателей; программы занятій и теоретическихъ, и практическихъ должны быть составляемы напередъ, согласно указаніямъ этихъ правилъ.

Губернская управа не могла отступить отъ постановленія губернскаго собранія и взять на себя организацію уѣздныхъ курсовъ. Она извѣстила телеграммами уѣздныя земскія управы о новыхъ правилахъ, предоставляя имъ взять на себя устройство курсовъ. Но у нихъ не было для этого ассигновокъ, и годъ пропалъ.

Всевозможные тормазы съ курсами продолжались и въ слѣдующіе годы. Учебное вѣдомство или не утверждало лекторовъ или руководителей, или присылало благопріятные отвѣты передъ самымъ открытіемъ курсовъ, когда организовать ихъ уже было невозможно.

Я приведу еще нѣсколько фактовъ о судьбѣ земскихъ постановленій по вопросамъ народнаго образованія, чтобы показать, какъ относились къ этимъ постановленіямъ учебное начальство и общая администрація.

Въ 1890 году одинъ изъ гласныхъ, въ виду того, что при министерствѣ народн. просвѣщенія образована комиссія для пересмотра программъ среднихъ учебныхъ заведеній, предложилъ собранію, по примѣру другихъ земствъ, сдѣлать представленіе этой комиссіи о тѣхъ измѣненіяхъ, какія желательно ввести въ существующій строй этихъ заведеній. Гласный прибавилъ, что классическая система введена около 18 лѣтъ назадъ въ видѣ опыта, и этотъ опытъ далъ самые печальные результаты. Между учащимися очень небольшой процентъ оканчивающихъ. Ученики сильно переутомляются. Многіе дѣлаются слабыми, горбатыми, кривобокими. Общій уровень познаній и развитія при дѣйствіи этой системы очень понизился.

Многолюдная комиссія, для предварительнаго обсужденія которой переданъ былъ возбужденный вопросъ,

при участіи приглашенныхъ врачей, разносторонне разработала этотъ вопросъ, освѣтила его рядомъ фактовъ и представила собранію рѣшительное заключеніе о трудностяхъ прохожденія классическаго курса, о крайнемъ напряженіи, необходимомъ для преодолѣнія этихъ трудностей и расшатывающемъ молодой организмъ, и о томъ, что воспитательная сторона въ гимназіяхъ поставлена очень плохо, благодаря полному отчужденію преподавателей отъ учащихся и существованію между ними только формальныхъ отношеній.

Собраніе единогласно согласилось съ комиссіей и поручило управѣ представить ея заключеніе министерству народн. просвѣщенія. На это представленіе не обращено никакого вниманія.

Когда я пишу эти строки, прошло послѣ этого почти четверть вѣка. Въ это время возбуждено много ходатайствъ общественныхъ учрежденій. Всѣмъ до очевидности ясно, что въ гимназіяхъ дѣло стоитъ очень неладно, и что коренное преобразованіе ихъ представляетъ насущную безотлагательную потребность. Всѣмъ, кромѣ министерства народн. просвѣщенія! И гимназіи наши, особенно съ вторженіемъ въ ихъ несчастную жизнь внутренней политики, стоятъ еще хуже, чѣмъ 24 года назадъ.

Въ 1891 году губернская управа внесла въ собраніе докладъ о томъ, что дѣлопроизводство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ лежитъ на инспекторахъ народныхъ училищъ, а инспекторъ, имѣя въ своемъ районѣ три уѣзда и объѣзжая сотни школъ, не имѣетъ возможности бывать на всѣхъ засѣданіяхъ училищныхъ совѣтовъ всѣхъ этихъ уѣздовъ. Это ведетъ къ большой задержкѣ въ исполненіи постановленій училищныхъ совѣтовъ. Собраніе приняло предложеніе управы о возбужденіи ходатайства, чтобы дѣлопроизводство совѣтовъ было сосредоточено въ канцеляріяхъ ихъ предсѣдателей, предводителей дворянства. Вѣроятно, этотъ государственный вопросъ потребовалъ продолжительнаго обсужденія: черезъ шесть лѣтъ послѣдовалъ отвѣтъ министерства, что ходатайство отклонено.

Въ 1894 году, въ память воцаренія нынѣ царствующаго Государя, губернское земское собраніе ассигно-

вало 60 т. р. на устройство сельскихъ библіотекъ-читаленъ, по 4.000 р. на уѣздъ. Дѣло съ открытіемъ этихъ библіотекъ пошло очень туго. Причиной этого отчасти были нѣкоторыя уѣздныя управы, не спѣшившія воспользоваться назначенными имъ ассигновками, но главная задержка была со стороны администраціи. О каждомъ библіотекарѣ (почти все учителя земскихъ школъ), о каждомъ наблюдающемъ за библіотекой нужно представлять на утвержденіе губернатора. Извѣстно, что по закону для выраженія согласія или несогласія на замѣщеніе приглашеннаго управою лица положенъ двухнедѣльный срокъ. Но извѣстно и то, что наши губернаторы стѣснять себя законами не любятъ. И проходили мѣсяцы, иногда около года, пока получался такой или иной губернаторскій отвѣтъ. А замѣстить приглашеннаго по истеченіи двухъ недѣль, на что, конечно, управа имѣла полное право, было неудобно: замѣщенный безъ губернаторской санкціи рисковалъ совсѣмъ лишиться службы, что иногда и случалось *).

Не легко было во многихъ случаяхъ найти въ селахъ удовлетворительныя помѣщенія для библіотекъ, и губернское собраніе ходатайствовало передъ министромъ народн. просвѣщенія о разрѣшеніи помѣщать библіотеки при школахъ. На это ходатайство не получено никакого отвѣта.

Не мало было затрудненій при комплектованіи ученическихъ библіотекъ. Въ эти библіотеки допускаются, какъ извѣстно, только книги, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства нар. просвѣщенія. Популярныхъ книгъ, и иногда очень хорошихъ, для сельскаго чтенія, и въ то время было довольно, но немногія изъ нихъ попали въ списокъ одобренныхъ. Въ обязанность ученаго комитета не входило разсматривать вообще выходящія книги. Онъ принималъ ихъ къ разсмотрѣнію только тогда, если авторы входили объ этомъ съ про-

*) При этомъ вспомнилъ я опять объ Анастасьевѣ. Возражая въ какомъ-то присутствіи противъ приготовленнаго рѣшенія, я сослался на статьи закона. „Это тамъ у васъ въ земствѣ все законы да законы“, оборвалъ меня Анастасьевъ: „а мы обязаны выполнять циркуляры нашего начальства“.

шеніями, оплаченными установленными гербовыми марками. Земскія собранія возбуждали ходатайства о томъ, чтобы ученый комитетъ издавалъ каталоги книгъ, не допускаемыхъ къ употребленію. Можно было надѣяться, что тогда выборъ книгъ былъ-бы гораздо шире. Ходатайства эти оставались безъ всякаго отвѣта. Мнѣ пришлось однажды лично обратиться въ комитетъ съ такою-же просьбой.—Мы дѣйствуемъ по установленному порядку, и измѣнить его не можемъ, — отвѣтили мнѣ.

Не могу, кстати, не сказать о характерномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто года черезъ три послѣ выхода моего изъ земской службы. Преемникъ гр. Милорадовича губернскій предводитель дворянства кн. Н. Д. Долгоруковъ бесѣдовалъ по тому же вопросу съ товарищемъ министра нар. просвѣщенія кн. Волконскимъ.

— Да почему вы такъ хлопочете объ этомъ?—спросилъ сановникъ.

— Въ селахъ очень охотно читаютъ, отвѣтилъ кн. Долгоруковъ: но матерьялу слишкомъ мало.

— Ахъ, лучше пусть поменьше читаютъ, сказалъ высокій представитель министерства нар. просвѣщенія.

Устройство народныхъ чтеній и спектаклей въ селахъ сопряжено было съ величайшими затрудненіями и проволочками. Кто будетъ читать, что будетъ читаться, по какимъ книгамъ или брошюрамъ, гдѣ будетъ происходить чтеніе, кто будетъ наблюдающимъ,— на все нужно было разрѣшеніе, ожидать котораго приходилось очень долго. Такая-же процедура происходила и съ спектаклями. Въ 1895 году представлено было ходатайство объ упрощеніи и ускореніи этого „разрѣшительнаго порядка“. Ходатайство это отклонено безъ всякихъ мотивовъ.

Въ описываемое пореформенное время чрезмѣрно усилились посягательства духовнаго вѣдомства на права земства въ школьномъ дѣлѣ. Въ 1894 году получена была интересная бумага предсѣдателя епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ ней изложено, что „многія уѣздныя земства, безъ надлежащаго разрѣшенія его преосвященства, открываютъ свои школы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ имѣются уже школы церковно-приходскія, и тѣмъ наносятъ ущербъ симъ послѣд-

нимъ. Вслѣдствіе этого его преосвященство распорядился выяснить всѣмъ вообще уѣзднымъ земствамъ, что если, по ихъ усмотрѣнію, та или иная церковная школа не удовлетворяетъ почему-либо потребностямъ мѣстнаго населенія, то для возможнаго и желательнаго единенія ихъ и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, они имѣютъ принимать участіе въ содержаніи сихъ школъ, назначая имъ опредѣленное денежное пособіе, которое употребляется на тотъ или иной предметъ по опредѣленію епархіальнаго училищнаго совѣта" *).

Бумага эта говоритъ сама за себя и въ комментаріяхъ не нуждается.

Выходило такъ, что губернская управа должна была циркулярно разослать изложенную бумагу уѣзднымъ земствамъ для исполненія.

Но губернская управа приготовила печатный циркуляръ уѣзднымъ управамъ, съ изложеніемъ этой бумаги и со справками изъ дѣйствующихъ законовъ о правахъ земства и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ открытія и содержанія начальныхъ школъ. Хотя циркуляръ и по содержанію, и по формѣ изложенъ былъ вполнѣ корректно, губернаторъ разсылки его не допустилъ.

По этому вопросу управа въ 1895 году внесла въ собраніе подробный докладъ, въ которомъ выразила, что епархіальная власть, присвоивъ себѣ право сената толковать законы, дѣлаетъ совершенно незаконныя распоряженія, крайне стѣсняющія земскую дѣятельность по народному образованію. Недопущеніе земскихъ школъ тамъ, гдѣ есть церковно-приходскія, прямо противорѣчитъ направленію дѣла, указанному высшими правительственными распоряженіями. Такое недопущеніе имѣло мѣсто въ нѣсколькихъ уѣздахъ. О такихъ случаяхъ губернская управа мало знаетъ изъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, такъ какъ такія постановленія опротестовываются губернаторомъ и до нея не доходятъ. Но она привела въ докладѣ нѣсколько примѣровъ вторженія уѣзднаго духовенства въ права земства по открытію школъ. По ходатайству общества с. Пса-

---

*) Курсивъ, конечно, мой.

ровки, кролевецкаго уѣзда, уѣздное земское собраніе открыло тамъ школу. Мѣстный епархіальный училищный совѣтъ донесъ губернскому епархіальному совѣту, что „существовавшая въ Псаровкѣ церковная школа закрылась, вслѣдствіе открытія тамъ земской школы, куда перешли всѣ 24 ученика ея". Губернскій совѣтъ сообщилъ кролевецкой управѣ, что земство можетъ открыть въ Псаровкѣ только школу для дѣвочекъ, чтобы не дѣлать подрыва существующей тамъ церковной школѣ. Вопросъ этотъ разсматривался въ кролевецкомъ земскомъ собраніи въ 1894 году, и постановлены слѣдующія рѣшенія:

„Просить благословенія его преосвященства на продолженіе существованія въ с. Псаровкѣ земскаго училища, такъ какъ церковно-приходской школы тамъ не существовало, а слѣдовательно и подрыва ей не могло быть.

„Ходатайствовать черезъ губернское собраніе, въ интересахъ нуждъ земства въ дѣлѣ народнаго образованія, чтобы существованіе церковныхъ школъ не служило препятствіемъ къ открытію земскихъ народныхъ училищъ".

И въ докладѣ губернской управы, и въ заключеніи комиссіи, предварительно разсматривавшей этотъ вопросъ, приведены весьма убѣдительныя данныя, доказывающія, что земская школа дѣлаетъ „подрывъ" церковной потому, что послѣдняя во всѣхъ отношеніяхъ поставлена очень плохо и съ земскою конкурировать не можетъ, и что сельское населеніе прекрасно понимаетъ преимущества земской школы и избѣгаетъ отдавать дѣтей въ церковную школу, если есть по близости земская.

Отношеніе сельскаго населенія къ церковнымъ школамъ прекрасно иллюстрируется фактомъ, занесеннымъ въ журналы губернскаго собранія 1896 года. Общество с. Полковничьей-Слободы, глуховскаго уѣзда, въ теченіе семи лѣтъ безуспѣшно добивалось открытія у себя земской школы. Мѣстное земство постоянно отказывало въ этомъ, такъ какъ тамъ есть церковно-приходская школа *). Уполномоченные общества въ прошеніи, поданномъ въ губернское земское собраніе, изложили, что

*) Глуховское архи-дворянское земство вообще относилось особенно сочувственно къ церковнымъ школамъ. Земскія школы въ этомъ уѣздѣ были въ жалкомъ видѣ.

на послѣднюю ихъ просьбу глуховское земское собраніе отвѣтило отказомъ, но назначило 50 р. пособія „яко-бы существующей или еще предполагаемой церковно-приходской школѣ“. (Извѣстно, что изъ числившихся на бумагѣ церковныхъ школъ очень многія въ дѣйствительности вовсе не существовали.) „Послѣ собранія“, говорилось дальше въ прошеніи, „нашъ батюшка и другіе батюшки, наѣзжающіе къ намъ по поводу устройства церковно-приходской школы, стали усиленно добиваться нашего согласія на устройство такой школы, а земскій начальникъ заявилъ, что если мы не устроимъ зданіе для церковной школы, то останемся безъ всякой школы, такъ какъ земской школѣ у насъ не бывать. Мы-же согласны скорѣе остаться безъ всякой школы, чѣмъ тратиться на церковно-приходскую, такъ какъ по опыту знаемъ, что въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть земскія школы, крестьянскія дѣти обучаются грамотѣ за самое короткое время, посѣщаютъ школу охотно, не забываютъ книжки; а о церковно-приходскихъ школахъ до сихъ поръ мы слышали только отъ батюшки, а проку отъ нихъ еще не видали“. Въ заключеніе, просители возлагаютъ свою послѣднюю надежду на губернское земство и заявляютъ, что если и оно не „зглянется“ на ихъ просьбу, то дѣтямъ ихъ не суждено быть грамотными.

Возвращаюсь къ засѣданію губ. земскаго собранія 1895 года, когда шла рѣчь о подрывѣ церковнымъ школамъ. Въ этомъ-же засѣданіи доложено было отношеніе епархіальнаго архіерея объ ассигнованіи изъ суммъ губернскаго земскаго сбора 3.000 р. на содержаніе епархіальнаго наблюдателя за церковными школами и его помощника. При этомъ отношеніи приложена копія опредѣленія синода, предоставляющаго земству, какъ-бы въ видѣ компенсаціи, избирать двухъ членовъ въ епархіальные училищные совѣты.

Губернское земское собраніе постановило возбудить ходатайство, чтобы существованіе церковныхъ школъ не служило препятствіемъ къ открытію земскихъ. Ассигнованіе 3.000 р. на содержаніе наблюдателей за церковными школами оно отклонило и не признало нужнымъ избирать представителей губернскаго земства въ губернскій епархіальный совѣтъ.

Во время моей земской службы, губернскою управой былъ составленъ и представленъ на утвержденіе уставъ общества учительской взаимопомощи. Въ уставѣ предусматривалась не только матерьяльная помощь. На общество возлагались заботы о моральныхъ интересахъ его членовъ и о пополненіи ихъ образованія путемъ устройства библіотекъ, общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и т. п. Министерство нар. просвѣщенія урѣзало уставъ, исключивъ изъ него всѣ пункты, не относящіеся прямо къ матерьяльнымъ нуждамъ членовъ общества. Четыре года губ. земское собраніе возобновляло представленія о сохраненіи въ уставѣ этихъ пунктовъ, но министерство осталось непреклоннымъ.

Я могъ-бы привести еще не мало фактовъ подобнаго рода. Но думаю, и изложенныхъ достаточно, чтобы видѣть, какъ въ описываемое время просвѣщало нашу губернію министерство просвѣщенія и какіе съ разныхъ сторонъ создавались тормазы дѣятельности земства по народному образованію *).

Не могу не разсказать еще объ одномъ особенномъ фактѣ, относящемся къ той-же области. Въ началѣ 70-хъ годовъ министръ народ. просвѣщенія гр. Д. Толстой, надѣлившій Россію „классическою“ системой образованія, для усиленія кадровъ педагоговъ-классиковъ преобразовалъ нѣжинскій юридическій лицей въ филологическій институтъ, не остановившись передъ грубымъ нарушеніемъ воли завѣщателя кн. Безбородко, пожертвовавшаго для лицея огромныя средства. Извѣстно, что лицей въ научномъ отношеніи стоялъ не очень высоко. Но между окончившими его было не мало именъ, славныхъ въ наукѣ и литературѣ. А главное въ томъ, что это учебное заведеніе давало возможность получить высшее образованіе многимъ недостаточнымъ уроженцамъ черниговской губерніи, что и составляло цѣль завѣщателя.

Съ преобразованіемъ лицея въ филологическій инсти-

---

*) Будущему историку земства, который пожелалъ-бы подробнѣе ознакомиться съ дѣятельностью черниговскаго губ. земскаго собранія, я считаю долгомъ указать на сводъ постановленій этого собранія (до 1899 г. включ.), прекрасно составленный С. В. Сотниковымъ. Сводъ за слѣдующее десятилѣтіе составленъ мною.

тутъ, охотниковъ поступать туда оказалось очень мало. Министерство для привлеченія поступающихъ перечислило въ институтъ казенныя стипендіи изъ всѣхъ учебныхъ заведеній кіевскаго округа и усиленно зазывало туда семинаристовъ изъ разныхъ губерній. Все это мало помогало, и институтъ оставался очень малолюднымъ. Стоимость каждаго оканчивавшаго достигала огромной цифры. А оканчивающіе вовсе не блистали глубиной познаній въ классическихъ языкахъ, относительно-же общаго образованія и развитія они являлись жалкими недоучками, а какъ педагоги, отличались грубостью и полнымъ отсутствіемъ культурности. Я приводилъ уже образчикъ такого педагога въ лицѣ инспектора черниговской гимназіи Антонюка.

Чтобы создать больше шансовъ для желательнаго направленія этого вопроса, я представилъ губернскому дворянскому собранію подробный докладъ объ этомъ странномъ учебномъ заведеніи и предложилъ ходатайствовать о преобразованіи его въ сельско-хозяйственный институтъ. Предложеніе мое принято единогласно.

Вслѣдъ за этимъ такой-же докладъ былъ внесенъ управою въ губернское земское собраніе. Онъ также принятъ былъ вполнѣ сочувственно, и на управу возложенъ былъ рядъ подготовительныхъ дѣйствій по этому дѣлу.

Прежде всего нужно было позаботиться о землѣ для фермы при проектируемомъ институтѣ. Я поѣхалъ въ Кіевъ и обратился къ извѣстному богачу и щедрому жертвователю на разныя общественныя цѣли Терещенку. Тогда еще былъ живъ старикъ Никола Терещенко. Онъ очень любезно принялъ меня, выразилъ полное сочувствіе начинанію земства и обѣщалъ дать для фермы 200 десятинъ земли, а если понадобится, то и больше, изъ своего большого имѣнія при с. Веркіевкѣ, близъ Нѣжина.

Другой шагъ мой въ Кіевѣ былъ гораздо труднѣе. Мнѣ нужно было убѣдить попечителя учебнаго округа въ необходимости желательнаго преобразованія института и получить согласіе на это преобразованіе правопреемника кн. Безбородко, почетнаго попечителя нѣжинскаго института гр. Мусинъ-Пушкина, бывшаго тогда

помощникомъ попечителя учебнаго округа. Попечитель тогда былъ въ разъѣздахъ, и мнѣ пришлось бесѣдовать съ гр. Мусинъ-Пушкинымъ, такъ сказать, въ двухъ его лицахъ. Когда я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія и выразилъ общее мнѣніе о недостаткахъ классическаго института и о томъ, съ какимъ скуднымъ багажемъ онъ выпускаетъ своихъ воспитанниковъ, графъ рѣшительно сказалъ, что согласія своего на затѣянное земствомъ преобразованіе онъ дать не можетъ, при чемъ съ неудовольствіемъ прибавилъ, что о постановленіи земскаго собранія по этому вопросу уже трубятъ газеты, и онъ удивляется, какъ земство беретъ на себя обсужденіе предмета, который вовсе не относится къ его компетенціи.

Пытался я еще на разные лады убѣдить моего собесѣдника, но все было напрасно. Онъ повторилъ свой рѣшительный отказъ, упомянувъ, что теперь историко-филологическіе факультеты въ университетахъ почти пусты, и что если-бы допустить закрытіе нѣжинскаго филологическаго института, министерству некѣмъ было-бы замѣщать вакансіи педагоговъ-классиковъ.

Попробовалъ я подойти съ другой стороны.

— Я понимаю, графъ, сказалъ я, что, какъ представитель учебнаго вѣдомства, вы не могли говорить со мной иначе. Но вы дворянинъ и землевладѣлецъ черниговской губерніи, и вамъ не могутъ быть чужды интересы ея населенія.

И я постарался привести доводы о непригодности и даже вредѣ нѣжинскаго филологическаго института и о громадной пользѣ, которую принесетъ губерніи и всему югу Россіи высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе. Но мой собесѣдникъ остался непреклоннымъ.

— Напрасно вы думаете, что я говорилъ съ вами ex officio, заключилъ онъ: я классикъ по убѣжденію, и потому иного отвѣта дать вамъ не могу.

Въ слѣдующіе годы, уже послѣ выхода моего изъ земской службы, повторены были настойчивыя попытки добиться преобразованія нѣжинскаго института. Но онѣ были вполнѣ безуспѣшны,—и это уродливое учрежденіе продолжаетъ существовать въ прежнемъ видѣ и давать гимназіямъ педагоговъ, которые дѣлу обученія и воспитанія ничего, кромѣ зла, приносить не могутъ.

Въ 1895 году министръ земледѣлія и госуд. имуществъ передалъ, съ Высочайшаго соизволенія, на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній рядъ вопросовъ о нуждахъ земледѣлія и о мѣрахъ къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Губ. управа представила объ этомъ обширный докладъ. Въ виду особенной его важности, я считаю не лишнимъ привести вкратцѣ заключительныя его предложенія.

1. Наиболѣе насущнымъ въ нашей сельско-хозяйств. жизни является вопросъ о крестьянскомъ молоземельи, вынуждающемъ крестьянъ къ безпорядочнымъ рабочимъ скитаніямъ и не менѣе безпорядочнымъ переселеніямъ на окраины Россіи. Мѣрами правительства для выхода изъ земельной тѣсноты могли-бы быть:

а) Продажа крестьянамъ, съ разсрочкой платежа, свободныхъ отъ лѣса участковъ казенной земли;

б) Пріобрѣтеніе въ казну песчаныхъ, непригодныхъ для земледѣлія площадей и облѣсеніе ихъ, съ соразмѣрнымъ освобожденіемъ отъ лѣсовъ тѣхъ пространствъ, которыя пригодны для земледѣлія,—для продажи ихъ крестьянамъ;

в) Преобразованіе крестьянскаго банка въ томъ направленіи, чтобы ссуды на покупку земли выдавались не болѣе зажиточнымъ, а болѣе нуждающимся;

г) Предоставленіе бывшимъ дворовымъ и другимъ безземельнымъ и малоземельнымъ, но занимающимся земледѣліемъ разночинцамъ пользоваться ссудами изъ того-же банка на покупку земли;

д) Предоставленіе крестьянскому банку вступать въ торги при продажѣ имѣній дворянскимъ банкомъ и другими учрежденіями (на основаніи предварительной расцѣнки этихъ имѣній), для продажи купленныхъ имѣній крестьянамъ;

е) Передача для той-же цѣли крестьянскому банку имѣній, продаваемыхъ двор. банкомъ, которыя, по безуспѣшности торговъ, остались за послѣднимъ;

ж) Организація переселеній, съ учрежденіемъ агентуры для устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

2. Организація передвиженія сельскихъ рабочихъ путемъ учрежденія агентуры для выясненія размѣровъ

запроса въ мѣстностяхъ, нуждающихся въ приливѣ рабочихъ силъ, и для распредѣленія въ этихъ мѣстностяхъ рабочихъ при посредствѣ земскихъ управъ тѣхъ уѣздовъ, откуда они направляются.

3. Организація дешеваго и доступнаго кредита для крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и кредита меліоративнаго для земельныхъ улучшеній.

4. Измѣненіе податной системы въ смыслѣ введенія подоходнаго прогрессивнаго налога, съ исключеніемъ изъ обложенія минимальной нормы доходности имуществъ.

5. Уменьшеніе акциза на спиртъ, отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости и уменьшеніе сборовъ съ мелочной торговли.

6. Удешевленіе судебнаго процесса, особенно необходимое для мелкихъ собственниковъ, для которыхъ защита интересовъ своего имущества оказывается иногда дороже его стоимости.

7. Улучшеніе внутреннихъ путей сообщенія.

8. Пониженіе ж.-д. тарифовъ для перевозки хлѣбныхъ грузовъ.

9. Упорядоченіе хлѣбной торговли, для чего необходимо обезличеніе хлѣбовъ, съ выдачей варрантовъ желающимъ, и учрежденіе правительственной агентуры и инспекціи по сбыту и передвиженію хлѣба.

10. Пониженіе таможенныхъ пошлинъ и отмѣна ихъ для ввозимыхъ с.-х. машинъ, орудій, сѣмянъ и удобреній.

11. Пониженіе акциза на табакъ и измѣненіе способовъ взиманія этого акциза, такъ какъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, воздѣлываніе табаку выгодно только для крупныхъ фабрикантовъ, а мелкое табаководство совершенно упало.

12. Участіе правительства въ осушеніи болотъ и облѣсеніи песчаныхъ площадей.

13. Распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія.

Вопросы объ измѣненіи сѣвооборотовъ, объ улучшеніи породъ скота, о травосѣяніи и о другихъ частныхъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ управа предложила передать на предварительное обсужденіе уѣзд-

ныхъ земскихъ собраній и въ заключеніе доклада выразила, что всѣ экономическія мѣропріятія тогда только могутъ расчитывать на успѣхъ, когда будутъ приняты широкія рѣшительныя мѣры къ поднятію образованія сельскаго населенія, такъ какъ нынѣшнія школы даютъ ему слишкомъ мало.

Собраніе приняло докладъ управы, съ незначительными измѣненіями, внесенными комиссіей, и съ добавленіемъ новаго пункта: „потомственные и личные дворяне, малоземельные и безземельные, могутъ получать ссуды на покупку земли изъ дворянскаго банка, для чего желательно преобразованіе въ такомъ смыслѣ этого учрежденія“. Пункты-же 4 и 5 предложеній управы собраніемъ отклонены.

Упомяну еще объ одномъ тяжеломъ грѣхѣ, совершенномъ губернскимъ земствомъ въ это время. Въ 1890 году, на основаніи постановленія собранія, учреждена была должность губернскаго санитарнаго врача. На эту должность приглашенъ даровитый энергичный работникъ д-ръ медицины Е. В. Святловскій. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ собралъ свѣдѣнія о рождаемости и смертности въ губерніи и намѣтилъ волости съ усиленной заболѣваемостью и смертностью. Оставалось выяснить причины такого явленія и изыскать мѣры для ихъ устраненія. Въ собраніе внесенъ былъ докладъ о санитарной организаціи губернскаго земства. Большинство гласныхъ признало не только такую организацію, но и должность санитарнаго врача излишними. Е. В. Святловскій оставилъ службу.

Всякія затрудненія въ дѣятельности управы и сверху, и со стороны мѣстной администраціи неустанно продолжались. Наносились удары земству разными способами, но больнѣе всего были удары по карману. Въ одномъ изъ докладовъ управы по финансовымъ вопросамъ приведены слѣдующія интересныя цифры: къ 1 января 1894 года недовзыскано съ населенія губерніи: выкупныхъ платежей 11.890 р., государственнаго земельнаго сбора 13.077 р., межевого сбора 5.067 р., губернскаго земскаго сбора 215.884 р., уѣздныхъ земскихъ сборовъ 507.554 р. и земскихъ продовольственныхъ недоимокъ 393.289 р.

Натиски мѣстныхъ властей на губернскую управу доходили иногда до смѣшного.

Изъ земской типографіи посылается губернатору для разрѣшенія выпуска циркуляръ губернской управы агентамъ и волостнымъ правленіямъ по страхованію отъ огня. Губернаторъ Андреевскій возвращаетъ циркуляръ и предлагаетъ передѣлать его только для агентовъ. Относительно-же волостныхъ правленій онъ требуетъ дѣлать ему представленія, а онъ черезъ земскихъ начальниковъ будетъ разсылать въ волости свои распоряженія.

Но издавались законы для губернской управы не только архіереемъ и губернаторомъ. Законодательное право присвоилъ себѣ и полиціймейстеръ. Посылается ему изъ земской типографіи напечатанная по заказу изъ уѣзда такса. Онъ возвращаетъ корректурный листокъ безъ разрѣшительной надписи и пишетъ, что такія работы надлежитъ направлять въ типографію губернскаго правленія, а земская типографія существуетъ для земскихъ надобностей, а не для частныхъ заказовъ.

На предыдущихъ страницахъ неоднократно было выражено, что послѣ 1890 года земскій духъ въ губернскомъ земскомъ собраніи значительно упалъ. Но въ 1895 году, съ наступленіемъ новаго царствованія, онъ нѣсколько воспрянулъ. Этотъ подъемъ духа проявился въ очередномъ собраніи 1894 года, которое состоялось съ опозданіемъ—въ январѣ 1895 года.

Губернская управа представила собранію проектъ всеподданнѣйшаго адреса по случаю воцаренія и бракосочетанія Государя. Проектъ составленъ былъ мною въ слѣдующемъ видѣ:

„В. И. В.! Черниговское губернское земское собраніе имѣетъ счастье привѣтствовать воцареніе и бракосочетаніе Ваше, Государь.

Въ началѣ новаго царствованія, всѣмъ гражданамъ, сознательно относящимся къ наличнымъ условіямъ жизни, естественно надѣяться на перемѣны и улучшенія этихъ условій. Но такія надежды едва-ли когда-нибудь такъ радостно волновали русское общество, какъ теперь, въ первые мѣсяцы царствованія Вашего Величества. Милостивыя, знаменательныя слова Вашихъ манифестовъ, что Вы, Государь, въ заботахъ о счастьи

Вашихъ вѣрноподданныхъ, будете опираться на всѣхъ людей земли Русской, что Вы поставляете правосудіе основою народнаго благоденствія,—слова эти произвели дѣйствіе свѣжаго, живительнаго вѣтра въ тяжелой атмосферѣ нашей общественной жизни.

Въ радостномъ ожиданіи великихъ реформъ Вашего Величества, исторически вызываемыхъ позднѣйшею жизнью нашего отечества, мы беремъ на себя смѣлость заявить Вамъ, Государь, о важнѣйшихъ нуждахъ нашихъ, давно уже наболѣвшихъ въ нашемъ общественномъ организмѣ, безъ удовлетворенія которыхъ, по нашему глубокому убѣжденію, невозможно дальнѣйшее развитіе и благоденствіе нашего общества и народа.

Тридцатилѣтній опытъ дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій убѣдилъ насъ въ томъ, что дѣятельность эта тогда только можетъ быть плодотворна, и нужды народныя, ввѣренныя державною волей заботамъ земства, тогда только могутъ быть удовлетворяемы, когда прежде всего Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года будетъ возстановлено всецѣло, съ нѣкоторыми добавленіями, вызываемыми указаніями опыта.

Въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ могутъ быть поставлены мѣропріятія, клонящіяся къ тому, чтобы земскій безсословный строй былъ распространенъ на волостное и сельское управленія, чтобы право участія въ земскихъ собраніяхъ было расширено и распредѣлено на всѣ мѣстности уѣздовъ, чтобы для обсужденія выдающихся мѣстныхъ нуждъ, касающихся интересовъ населенія нѣсколькихъ губерній, были допущены совѣщанія земскихъ представителей этихъ губерній, и чтобы въ дѣлахъ, касающихся наиболѣе важныхъ народныхъ нуждъ, было разрѣшено земскимъ собраніямъ черезъ ихъ уполномоченныхъ непосредственное предстательство передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Но для того, чтобы постановленія земскихъ собраній и дѣятельность ихъ исполнительныхъ органовъ могли благотворно отражаться на жизни населенія, безусловно необходимо строго оградить эти учрежденія закономъ отъ административнаго произвола. Для этого и земство, и все общество крайне нуждаются въ полномъ

возстановлeніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, съ подчиненіемъ всѣхъ безъ исключенія правонарушеній только одному суду и съ возвращеніемъ выборныхъ мировыхъ судей. Для того-же, чтобы личность и дѣятельность всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества были гарантированы отъ самовластія, не оправдываемаго закономъ, необходимо установить, что всякій административный чиновникъ за свои незаконныя дѣйствія, независимо отъ согласія его начальства, подлежитъ преданію суду по опредѣленію прокурорскаго надзора.

Печать наша, которая должна быть и для правительства, и для общественныхъ учрежденій могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ со зломъ и неправдой, въ выясненіи и удовлетвореніи многочисленныхъ нуждъ нашего отечества, въ настоящее время до крайности стѣснена. Только свободная печать можетъ раскрывать истинное положеніе дѣлъ въ странѣ. Только она можетъ освѣщать всѣ темныя стороны жизни, гдѣ стремятся укрыться беззаконія, боящіяся этого свѣта. Какъ для нормальнаго развитія всего живого необходимы свѣтъ и воздухъ, такъ для нормальнаго развитія нашей общественной жизни необходимо свободное слово. Поэтому представляется существенно важнымъ возстановленіе закона о печати 6-го апрѣля 1865 года и освобожденіе провинціальныхъ изданій отъ предварительной цензуры.

Еще объ одной тягостной сторонѣ современной нашей жизни мы осмѣливаемся заявить Вашему Императорскому Величеству. Въ послѣднее время наша учащаяся молодежь въ своихъ протестахъ противъ административнаго произвола увлекалась иногда до гражданскихъ преступленій. Учрежденія, призванныя къ охраненію государственнаго порядка, преслѣдуя такія движенія молодежи, выразили въ этомъ чрезмѣрную жестокость,—и теперь множество братьевъ, сыновей и дочерей нашихъ томятся въ ссылкахъ и заключеніи, а другіе лишены права занимать какія-либо должности.

Мы всегда съ негодованіемъ относились къ крайнимъ увлеченіямъ молодежи, особенно къ такимъ, которыя доходили до преступныхъ насилій. Но мы увѣрены,

что между изгнанною теперь изъ общества молодежью дѣйствительныхъ преступниковъ немного. Остальные могутъ сдѣлаться весьма полезными тружениками на разныхъ поприщахъ дѣятельности и забыть свои крайнія стремленія. Если съ высоты престола будетъ произнесено милостивое слово прощенія заблудшимъ дѣтямъ нашимъ,—это слово для обращенія ихъ на истинный путь будетъ несомнѣнно дѣйствительнѣе всякихъ наказаній и ссылокъ.

Простите, Государь, наши смѣлыя заявленія. Мы рѣшились сдѣлать ихъ въ глубокой увѣренности, что мы выражаемъ самыя насущныя нужды нашего отечества, что наши заявленія могутъ быть раздѣлены всѣми мыслящими людьми, что только при удовлетвореніи этихъ нуждъ возможно правильное дальнѣйшее развитіе нашей жизни и что при милостивомъ отношеніи къ нашему скромному ходатайству, имя Ваше, Государь, будетъ произноситься съ глубокой благодарностью и благословеніями на всемъ пространствѣ обширной Россіи".

Для обсужденія текста адреса избрана была особая комиссія, въ которую явились почти всѣ наличные гласные губ. собранія, такъ что засѣданіе этой комиссіи фактически обратилось въ закрытое засѣданіе губ. земск. собранія. Обѣ соперничавшія земскія партіи— „лѣвые" и „правые"—очень внимательно процѣдили каждое выраженіе, каждое слово адреса, стараясь внести въ него свои точки зрѣнія и пожеланія,—и вылившійся въ окончательной формѣ, принятый губ. собраніемъ въ засѣданіи 20 января 1895 г., адресъ явился результатомъ компромисса соперничавшихъ земскихъ теченій*). Этотъ адресъ напечатанъ въ журналахъ собранія и въ упомянутомъ выше „Сводѣ" Сотникова, т. III, стр. 2226.

*) Уже тогда опредѣленно намѣтились два теченія, соотвѣтствующія нынѣшнимъ партіямъ: к.-д-ской и октябристской. Примѣчательно еще хронологическое сопоставленіе, отмѣченное и въ изданной за границею брошюрѣ: „Политическая программа земскихъ адресовъ", а именно: черниговскій адресъ составленъ и представленъ былъ уже послѣ извѣстной рѣчи Государя къ тверскимъ представителямъ 17 января 1895 г. Губернаторъ Андреевскій въ частныхъ разговорахъ съ земцами особенно подчеркивалъ это обстоятельство.

Въ окончательной редакціи адреса пожеланіе о томъ, чтобы въ дѣлахъ, касающихся наиболѣе важныхъ народныхъ нуждъ, было разрѣшено земскимъ собраніямъ черезъ ихъ уполномоченныхъ „непосредственное представительство“ передъ Высочайшей властью,—оказалось замѣненнымъ другимъ пожеланіемъ—„чтобы по важнѣйшимъ нуждамъ нашего земскаго вѣдѣнія намъ даровано было драгоцѣнное право, предоставленное дворянству,—непосредственнаго обращенія къ В. И. В.“.

Въ слѣдующемъ губернскомъ собраніи предсѣдатель собранія доложилъ сообщеніе губернатора, что „Государь Императоръ, обративъ Высочайшее вниманіе на то, что въ адресѣ черниговскаго губернскаго земскаго собранія заключаются ходатайства по предметамъ, не подлежащимъ по закону вѣдѣнію земскихъ учрежденій, изволилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ объявить объ этомъ черниговскому губернскому собранію“.

Подъ вліяніемъ того-же подъема духа, въ 1895 году состоялось выдающееся постановленіе губернскаго собранія относительно губернской земской больницы. Министерство вн. дѣлъ въ 1893 году составило уставъ для земскихъ лѣчебныхъ заведеній и предложило его земству. Уставъ этотъ сводитъ почти къ нулю значеніе земства въ больничномъ дѣлѣ. Онъ закрѣпляетъ штатъ больныхъ, вводитъ централизацію дѣла, вопреки стремленію земства къ децентрализаціи врачебной помощи; расходы по больницамъ увеличиваются, при чемъ земство устраняется отъ составленія смѣтъ; во всемъ полный бюрократизмъ, и всѣмъ распоряжается старшій врачъ,—а земству предоставляется только избирать одного члена въ составъ правленія больницы. Управа представила докладъ о полной непріемлемости этого устава, и губернское собраніе постановило ходатайствовать о непримѣненіи его къ земскимъ лѣчебнымъ заведеніямъ,—а если это ходатайство не будетъ уважено, просить принять губернскую больницу, съ ея имуществами и капиталами, въ вѣдѣніе органовъ министерства вн. дѣлъ.

Замѣчательно, что всѣ губернскія земства постановили такія-же рѣшенія по этому вопросу. Черезъ пол-

года изданъ былъ циркуляръ министерства, что введенiе больничнаго устава отсрочивается на неопредѣленное время.

Это былъ единственный случай, когда министерство въ выступленiи противъ земства вынуждено было уступить и сдать свою позицiю. Въ свое время эта побѣда произвела въ земскихъ кругахъ сильное впечатлѣнiе.

Упомяну еще объ одномъ докладѣ, который былъ уже лебединою пѣснью управы подъ моимъ предсѣдательствомъ. Кролевецкое земство возбудило ходатайство объ увеличенiи числа гласныхъ отъ крестьянъ, такъ какъ не всѣ волости имѣютъ представителей въ уѣздномъ земскомъ собранiи. Управа предложила расширить это ходатайство и просить объ отмѣнѣ сословныхъ разрядовъ избирателей, объ образованiи мелкихъ земскихъ единицъ, объ ограниченiи власти администрацiи по отношенiю къ земству и объ отмѣнѣ ея права утверждать лицъ, избираемыхъ на земскiя должности. Предсѣдатель собранiя не допустилъ обсужденiя этого доклада, имѣющаго важное показательное значенiе для характеристики настроенiй и стремленiй извѣстной части земскихъ круговъ того времени.

Въ это самое время вновь сильно выдвигался вопросъ о мелкой земской единицѣ и всесословной волости. Въ концѣ 80-хъ г.г. я помѣстилъ въ „Вѣстн. Европы" небольшую статейку на эту тему. Вскорѣ послѣ этого я былъ въ СПБ., и Скалонъ устроилъ въ юридическомъ обществѣ совѣщанiе о мелкой земской единицѣ. У меня сохранились доложенные мною тезисы, которые—такъ-же, какъ и происходившiя пренiя,—имѣются, вѣроятно, и въ протоколахъ общества. Помню, что самымъ важнымъ было возраженiе проф. Коркунова, опровергавшаго степенность выборовъ и указывавшаго, что она сохранилась лишь у нѣкоторыхъ романскихъ народовъ, а въ остальной З. Европѣ въ выборахъ участвуетъ все населенiе.

Очередное губернское собранiе 1895 года созвано было въ январѣ 1896 г. Нервы мои были уже сильно расшатаны, и я едва выдерживалъ усиленное напряженiе, какое приходилось испытывать при постоянномъ сообщенiи собранiю разныхъ справокъ и разъясненiй.

Незадолго до окончанія сессій, я однажды не въ силахъ былъ прибыть въ собраніе. Приближался день выборовъ, и нѣкоторые снова называли мою кандидатуру. Какъ ни жаль мнѣ было разстаться съ любимымъ дѣломъ, я послалъ предсѣдателю собранія письмо, что вынужденъ рѣшительно отказаться отъ продолженія земской службы.

Мнѣ отрадно теперь вспомнить, что гласные довольно дружно проводили меня теплымъ сочувствіемъ и привѣтствіями.

Заканчивая воспоминанія объ этомъ трудномъ періодѣ моей жизни, я считаю особенно пріятнымъ долгомъ выразить самую горячую благодарность драгоцѣннѣйшему сотруднику моему, бывшему при мнѣ девять лѣтъ редакторомъ „Земскаго Сборника“ и секретаремъ губернской управы, Сергѣю Ив. Лисенку, прекрасному перу котораго принадлежатъ, главнымъ образомъ, многіе выдающіеся и наиболѣе разработанные доклады управы.

VIII.

Позднѣйшіе годы.

Я сначала не думалъ писать свои воспоминанія о такомъ недавнемъ времени, какъ первое десятилѣтіе XX вѣка. Но событія и все направленіе общественной жизни идутъ и мѣняются очень быстро, и многое, не отдѣленное отъ настояшаго и десятилѣтней давностью, кажется теперь уже давно прошедшимъ *).

Въ черниговскомъ губернскомъ земствѣ, за исключеніемъ немногихъ эпизодовъ, о которыхъ сказано будетъ дальше, дѣло въ общемъ продолжалось такъ же, какъ оно шло и въ предыдущіе годы при новомъ земскомъ положеніи. Но въ этотъ періодъ еще болѣе усилилось равнодушіе гласныхъ къ земскому дѣлу, громче зазвучали въ собраніяхъ дворянскія ноты и участились вторженія администраціи въ права земства.

Въ описываемый здѣсь періодъ прежде всего поражаетъ крайне апатичное отношеніе гласныхъ къ земской работѣ. Время для занятій губернскаго земскаго собранія опредѣлено закономъ въ 20 дней. При старомъ земскомъ положеніи обыкновенно этого срока оказывалось мало, и приходилось хлопотать объ отсрочкѣ сессіи. А въ теченіе 10 лѣтъ — отъ 1900 до 1909 года—губернскія собранія продолжались отъ 13 до 17 дней и только одно, въ 1901 году, затянулось до 21 дня. Гласные прибывали въ собраніе очень неисправно, и не было ни одного случая, чтобы неявляв-

*) Значительная часть фактовъ, излагаемыхъ въ настоящей главѣ, взята изъ относящейся къ этому-же времени статьи моей „Изъ исторіи одного земства“, помѣщенной въ журналѣ „Русское Богатство“ въ прошломъ 1913 году.

шимся, безъ указанія законныхъ для этого причинъ, было выражено собраніемъ порицаніе или сожалѣніе, не говоря уже о привлеченіи ихъ къ указанной закономъ отвѣтственности. Въ назначенный для открытія собранія часъ гласные почти никогда не собирались, и приходилось обыкновенно ожидать по часу и больше, чтобы приступить къ занятіямъ. Занятія эти шли чрезвычайно вяло. Доклады, въ краткихъ извлеченіяхъ подготовительныхъ комиссій, и даже смѣтныя ассигновки, едва выслушивались и утверждались почти безъ обсужденія, лишь-бы поскорѣе отдѣлаться и уѣхать.

Въ виду того, что въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ трудно иногда образовать кворумъ, сенатъ въ 1901 году издалъ разъясненіе, что предводители дворянства и другія лица, участвующія въ этихъ собраніяхъ по должности, пользуются правомъ рѣшающаго голоса. Это, конечно, ускорило ходъ дѣла, но повело къ тому, что иногда очень важные въ интересахъ населенія вопросы рѣшались большинствомъ, состоящимъ не изъ выборныхъ представителей этого населенія, а изъ лицъ, по большей части заботящихся о своей карьерѣ и совершенно равнодушныхъ къ земскимъ задачамъ и обязанностямъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка таяніе дворянскихъ имѣній продолжалось, и къ этому времени болѣе трети дворянскихъ земель перешло къ крестьянамъ и разночинцамъ. Число дворянскихъ цензовъ для земскихъ выборовъ значительно уменьшилось. Молодые дворяне отворачивались отъ земства и стремились на государственную службу. Иногда некого было выбирать въ гласные и въ земскія должности. Министерство внутр. дѣлъ признало, что земству необходимъ притокъ новыхъ силъ и внесло на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній проектъ о пониженіи земскаго избирательнаго ценза. Черниговское собраніе высказалось за желательность уменьшить размѣръ полнаго ценза, но только на половину. Демократизація земскихъ учрежденій и допущеніе къ земской дѣятельности мелкихъ собственниковъ оказались не по вкусу нашимъ земскимъ дворянамъ.

Приведу еще нѣсколько случаевъ, когда рѣшенія

губернскаго собранія постановлялись въ спеціально дворянскомъ духѣ.

Цифра земскихъ недоимокъ продолжала увеличиваться, и выполнять земскіе расходы, особенно при предѣльности обложенія, становилось все труднѣе. Въ 1904 году управа внесла объ этомъ въ губернское собраніе подробный докладъ. Изъ него я беру на выдержку свѣдѣнія о недоимкахъ по городнянскому уѣзду. Тамъ въ 1902 году недоимка на фабричныхъ и заводскихъ имуществахъ дошла до 390% оклада, а на частновладѣльческихъ до 96% оклада. Въ томъ-же году на крестьянскія земли того-же уѣзда начислено было земскихъ сборовъ болѣе 56 тыс. р., и въ недоимкѣ осталось всего 180 р.

Въ журналахъ губернскаго собранія за это время занесено нѣсколько фактовъ, показывающихъ, до чего доходило уклоненіе землевладѣльцевъ дворянъ отъ платежа земскихъ сборовъ. Путемъ губернаторскихъ протестовъ противъ уѣздныхъ смѣтъ губернскому собранію сдѣлалось извѣстно, что нѣкоторыя уѣздныя земскія собранія, игнорируя крупныя дворянскія недоимки, особенно заботились о неукоснительномъ взысканіи сборовъ съ крестьянъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда податные инспектора, указывая на исключительную бѣдность сельскихъ обществъ и постигшіе ихъ неурожаи, ходатайствовали о разсрочкѣ платежей этимъ обществамъ, земцы-дворяне оставляли такія ходатайства безъ вниманія.

Въ 1902 году министръ вн. дѣлъ внесъ на обсужденіе губернскаго земскаго собранія вопросъ о недопущеніи къ земскимъ выборамъ лицъ, за которыми числится недоимка въ размѣрѣ болѣе половины оклада. Собраніе рѣшило этотъ вопросъ отрицательно, мотивируя рѣшеніе тѣмъ, что и теперь многіе не являются на избирательныя собранія, а при недопущеніи недоимщиковъ, выборы въ дворянской куріи и совсѣмъ не могутъ состояться.

Уѣздныя земства, съ пустовавшими по нѣсколько мѣсяцевъ кассами, бывали иногда въ отчаянномъ положеніи. Они не могли платить жалованье служащимъ и выполнять другія свои обязательства, а за дворя-

нами числились въ недоимкѣ десятки тысячъ рублей. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ дѣлались робкія попытки понудить дворянъ къ уплатѣ земскихъ сборовъ. Въ 1905 году конотопское земское собраніе возбудило ходатайство, чтобы старшіе нотаріусы не утверждали крѣпостныхъ актовъ до уплаты недоимки земскихъ сборовъ, числящейся на продаваемомъ имуществѣ. Въ губернскомъ собраніи, послѣ прочтенія доклада по этому вопросу, поднялись необычно оживленныя пренія. Гласные заявляли, что старшіе нотаріусы будутъ требовать уплаты и другихъ сборовъ, а это очень стѣснитъ продавцовъ имѣній и будетъ задерживать совершеніе сдѣлокъ. Конотопское ходатайство было отклонено.

Около этого-же времени сосницкое земское собраніе представило ходатайство, чтобы оплату мірскихъ повинностей, лежащихъ исключительно на крестьянахъ, разложить и на имущества, принадлежащія купцамъ, мѣщанамъ и почетнымъ гражданамъ. Это ходатайство въ губернскомъ собраніи принято сочувственно: проектируемая сосницкимъ земствомъ раскладка не распространялась на земли дворянъ.

Въ 1907 году, въ виду продолжавшагося роста земскихъ недоимокъ, я внесъ въ губернское собраніе предложеніе просить распоряженія губернатора, чтобы полиція взыскивала земскіе сборы наравнѣ съ казенными. Предложеніе это было принято. На другой день гласный Г. обратился къ собранію съ просьбой пересмотрѣть это постановленіе, такъ какъ усиленное взысканіе земскихъ сборовъ можетъ очень стѣснить плательщиковъ. Собраніе, тронутое этой рѣчью, отмѣнило состоявшееся наканунѣ рѣшеніе.

Рѣчь гласнаго Г. записана полностью въ стенографическомъ отчетѣ. Указавъ на свою освѣдомленность, такъ какъ онъ служитъ въ Петербургѣ при какомъ-то министерствѣ, Г. объяснилъ, что отъ полиціи нельзя требовать при взысканіи земскихъ платежей такого-же усердія, какое она проявляетъ при взысканіи государственныхъ сборовъ. За успѣшное взысканіе послѣднихъ и губернаторы, и исправники, и остальные чины полиціи получаютъ довольно значительныя денежныя на-

грады, а недостаточная дѣятельность при этомъ можетъ невыгодно отражаться на служебномъ положенiи всѣхъ этихъ лицъ.

Въ 1899 году въ одномъ изъ засѣданiй губернскаго земскаго собранiя шла рѣчь о предоставленiи крестьянскому банку покупать за свой счетъ имѣнiя для непосредственной продажи ихъ крестьянамъ. Нѣкоторые гласные привѣтствовали эту мѣру и выражали, что она вполнѣ совпадаетъ съ задачей земства поднять благосостоянiе безземельнаго крестьянства, и что въ мѣстномъ отдѣленiи банка нужно усилить дѣятельность членовъ отъ земства, чтобы новая функцiя банка была направляема съ наибольшею пользой для нуждающихся крестьянъ. Гласный Трофименко (уже покойный), возражая противъ такихъ мнѣнiй, горячо доказывалъ, что развивать и поддерживать новый видъ дѣятельности крестьянскаго банка совершенно не слѣдуетъ, такъ какъ эта дѣятельность можетъ привести къ распродажѣ всѣхъ дворянскихъ земель.

Но довольно объ этомъ. И приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ громко и откровенно звучали дворянскiе мотивы въ нашемъ нескладномъ въ описываемое время земскомъ оркестрѣ.

Дѣятельность уѣздныхъ земствъ въ это время отличалась такою-же апатiей, особенно въ области народнаго образованiя.

Въ 1908 году одна сельская школа приходилась въ среднемъ на 3.297 душъ. Изъ 1.275 учащихъ въ этихъ школахъ было всего 53 съ педагогическою подготовкой, т. е. 4,2%. Оканчиваютъ скудный курсъ школъ только 12%, а остальныхъ родители берутъ изъ второй и даже изъ первой группы, когда они едва научились писать и кое-какъ разбираться съ цифрами. Отношенiе уѣздныхъ земствъ къ школьному дѣлу было далеко не одинаково. Въ однихъ уѣздахъ на душу населенiя затрата на народное образованiе исчислялась въ 1908 году въ 97 к., а въ другихъ въ 14 к. Отъ сельской молодежи мнѣ приходится иногда слышать: „писать трошки умiю, а читать забувъ“. Въ кредитномъ товариществѣ, при операцiяхъ котораго я присутствую, грамотныхъ заемщиковъ не больше 30%, и у огром-

наго ихъ большинства вся грамотность состоитъ въ умѣніи кое-какъ нацарапать на распискѣ имя и фамилію.

Не велики были въ это время и заботы губернскаго земства о нуждахъ начальнаго образованія. По его смѣтѣ на 1908 г. на профессіональныя школы было ассигновано 17 т. р., на среднія учебныя заведенія 31 т. р., а на общее начальное образованіе всего 13 т. р.

Впрочемъ, нужно оговориться. Губернское земское собраніе дѣлало свои ассигновки на внѣшкольные способы поддержанія грамотности и развитія въ сельскомъ населеніи, и размѣръ этихъ ассигновокъ соотвѣтствовалъ запросамъ уѣздныхъ земствъ. А каковы были эти запросы, показываютъ слѣдующіе факты:

Изъ доклада губернской управы въ 1901 году видно, что изъ 60 т. р., ассигнованныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 1894 году на устройство сельскихъ библіотекъ-читаленъ, уѣздныя земства использовали за семь лѣтъ всего 32 т. р. Стародубское земство изъ 4 т. р. взяло на библіотеки только 711 р. Правда, успѣшному открытію библіотекъ мѣшали и „независящія обстоятельства". Въ нѣкоторыхъ селахъ трудно было найти помѣщенія для библіотекъ. Земство просило разрѣшенія помѣстить ихъ при школахъ. Но министерство нар. просвѣщенія на эту просьбу отвѣтило отказомъ. Въ 1898 году управа доложила губернскому собранію, что открытіе библіотекъ чрезвычайно задерживается губернаторомъ. Въ докладѣ приведены примѣры, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земскими управами давно уже все сдѣлано,—приготовлены помѣщенія для библіотекъ, приглашены библіотекари и отвѣтственные наблюдающіе и обо всемъ этомъ представлено губернатору, отъ котораго уже два года не получается никакого отвѣта. Но такія препятствія болѣе энергичными уѣздными земствами кое-какъ преодолѣвались, и къ 1898 году въ губерніи было открыто 72 сельскихъ библіотеки.

На оплату повторительныхъ занятій при школахъ и на устройство народныхъ чтеній губернское земское собраніе ассигновывало въ это время по 3.000 р., и большая часть этой суммы оставалась неизрасходованною.

На ученическія и учительскія библіотеки также ассигновано было 3.000 р. Въ первомъ году уѣздныя земства использовали изъ этой суммы 1.233 р., а въ слѣдующемъ 616 р. (почти тѣ-же земства). Черезъ годъ губернское земское собраніе уменьшило свою ассигновку до 800 р.

Объ облегченіи условій земской дѣятельности по народному образованію представленъ былъ въ это время губернскимъ и уѣздными земствами цѣлый рядъ ходатайствъ. Всѣ они, по обыкновенію, или отклонены, или оставлены безъ всякаго отвѣта. Въ одномъ только случаѣ комитетъ министровъ удостоилъ губернское собраніе своимъ отвѣтомъ. Онъ сообщилъ, что ходатайство объ упрощеніи порядка разрѣшенія народныхъ чтеній имъ отклонено, но, въ виду возникшихъ сомнѣній относительно стѣснительности этого порядка, вопросъ этотъ переданъ на обсужденіе особаго совѣщанія, образованнаго при министерствѣ нар. просвѣщенія. Я уже говорилъ, что такія совѣщанія—могила для вносимыхъ туда вопросовъ.

Разскажу еще одинъ интересный эпизодъ, относящійся къ дѣлу народнаго образованія. Какъ извѣстно, министерство нар. просвѣщенія въ 1908 году обнаружило необычайное оживленіе. Оно составило проектъ всеобщаго начальнаго обученія, ассигновало отъ себя по 390 р. на комплектъ (въ 50 учащихся) на жалованье учительскому персоналу, взяло на себя часть расходовъ по постройкѣ школъ и предложило земствамъ разработать школьныя сѣти и подробный планъ и разсчеты для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Въ школьныя сѣти предоставлено включать и церковно-приходскія школы, если онѣ по помѣщенію и ходу дѣла соотвѣтствуютъ своему назначенію. О такъ наз. школахъ грамоты духовнаго вѣдомства въ министерскомъ проектѣ не упомянуто.

Наканунѣ разсмотрѣнія обширнаго доклада управы по этому вопросу поступило въ губернское земское собраніе отношеніе епархіальнаго архіерея о томъ, что онъ 286 школъ грамоты переименовалъ въ церковно-приходскія и поэтому проситъ включить ихъ въ школьную сѣть. При отношеніи приложена была вѣ-

домость, съ перечисленіемъ школъ грамоты и самыми туманными свѣдѣніями объ ихъ помѣщеніи. Гласнымъ очень хорошо было извѣстно, что эти школы или существуютъ только на бумагѣ, или представляютъ, съ своими полуграмотными педагогами, жалкія пародіи на школы. Когда представителю духовнаго вѣдомства, горячо защищавшему представленіе своего архипастыря, указывали на полную несостоятельность школъ грамоты, онъ не отрицалъ, что эти школы не безъ недостатковъ, но прибавлялъ, что если дадутъ имъ средства, то онѣ будутъ поставлены на надлежащую высоту. Собранію не трудно было отдѣлаться отъ этого вопроса. Оно отвѣтило, что включеніе переименованныхъ школъ въ уѣздныя сѣти зависитъ отъ уѣздныхъ земствъ.

Земская участковая медицина мало въ это время подвигалась впередъ, при чемъ уѣзды рѣзко различались между собой по числу врачебныхъ участковъ и по размѣрамъ затратъ на медицину. Въ среднемъ по губерніи, площадь врачебнаго участка простиралась на 384 кв. версты. Средній радіусъ участка былъ около 11 верстъ. На одного врача было около 25 тысячъ жителей. Затрата на медицину въ губерніи составляла на одного жителя 43 к., гораздо меньше средней по 34 земскимъ губерніямъ.

Въ 1903 году губернская управа снова возбудила вопросъ о необходимости санитарной организаціи. Докладъ объ этомъ переданъ былъ на обсужденіе губернскаго съѣзда земскихъ врачей. Къ величайшему удивленію, съѣздъ отнесся къ этому докладу отрицательно. Я присутствовалъ на этомъ съѣздѣ и помню, что въ своемъ рѣшеніи онъ руководствовался далеко не научными соображеніями. Вслѣдъ за этимъ, и въ губернскомъ собраніи докладъ управы былъ отвергнутъ.

Въ указанный періодъ, особенно во второй его половинѣ, стали быстро увеличиваться расходы губернскаго земства на агрономическія мѣропріятія, и хотя агрикультурныя новшества очень туго прививаются въ глубоко невѣжественной массѣ сельскаго населенія, эти расходы дошли въ послѣднее время до громадныхъ размѣровъ, передъ которыми затраты на народное обра-

зованіе представляютъ жалкія крупинки. Многіе объясняютъ это тѣмъ, что земцы-дворяне поднятіемъ крестьянскаго хозяйства и его доходности надѣются отдалить на возможно продолжительное время возникновеніе грознаго вопроса о крестьянскомъ малоземельи. Надежды на значеніе этихъ палліативовъ, конечно, совершенно неосновательны, если принять во вниманіе, что цифра населенія Россіи за 15 лѣтъ послѣ послѣдней переписи возросла на 38 милліоновъ, а также и то, что землеустроительная политика послѣдняго времени еще болѣе обострила больной вопросъ о земельной тѣснотѣ.

Въ это-же время наше губернское земство предприняло милліонную затрату на устройство въ губерніи земской телефонной сѣти. Объ этомъ губернаторъ внесъ настойчивое предложеніе въ губернское земское собраніе. Интересно отмѣтить, что министерство вн. дѣлъ оказалось не солидарнымъ съ своимъ представителемъ. Конотопское земство обратилось къ министерству съ ходатайствомъ о выдачѣ ему ссуды въ 12 т. р. на устройство телефоновъ. Министерство отказало въ этомъ, пояснивъ, что оно выдаетъ ссуды только на неотложныя нужды населенія. Докладъ управы, со всѣми соображеніями и расчетами по устройству сѣти, встрѣченъ былъ гласными очень сочувственно. Не смотря на такое настроеніе собранія, я сдѣлалъ попытку возразить противъ доклада, сказавъ, что земство не имѣетъ нравственнаго права производить огромную затрату на дѣло, не имѣющее почти никакого отношенія къ нуждамъ большинства земскихъ плательщиковъ, когда несравненно болѣе настоятельныя ихъ нужды остаются безъ удовлетворенія. Возраженіе мое было поддержано только пятью гласными.

Стѣсненія и произволъ администраціи продолжались по прежнему.

Въ 1904 году управа доложила губернскому собранію о томъ, съ какими трудностями приходится ей вести изданіе „Земскаго Сборника“. Мѣстная цензура запрещаетъ печатать статьи, помѣщенныя въ земскихъ изданіяхъ другихъ губерній; она не допускаетъ помѣщенія въ Сборникѣ извлеченій изъ напечатанныхъ до-

кладовъ своему-же губернскому собранію; сообщенія, взятыя изъ земскихъ и общихъ періодическихъ изданій, вычеркиваются; рукописи, представленныя въ цензуру, задерживаются цѣлые мѣсяцы. Въ числѣ примѣровъ особеннаго усердія цензуры приведенъ въ докладѣ случай, когда сообщеніе оффиціальнаго характера, помѣщенное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, не разрѣшено было для Сборника. Собраніе постановило ходатайствовать объ освобожденіи Сборника отъ предварительной цензуры, а дѣйствія цензора обжаловать. И ходатайство, и жалоба оставлены безъ всякаго отвѣта.

Много было въ это время ходатайствъ губернскаго земства въ высшія правительственныя учрежденія. Значительное ихъ число, въ виду затруднительнаго положенія земскихъ финансовъ, заключали въ себѣ просьбы принять на счетъ казны устройство и содержаніе помѣщеній уѣздныхъ съѣздовъ и мѣстъ заключенія, содержаніе полиціи; освободить земство отъ участія въ содержаніи правительственныхъ учебныхъ заведеній и вообще отъ всѣхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Такихъ расходовъ по 34 земскимъ губерніямъ насчитывалось около 9½ милл. руб. Всѣ ходатайства или отклонены, или не удостоились никакого отвѣта. За десятилѣтіе отъ 1900 до 1909 г. ходатайствъ черниговскаго земства, оставленныхъ безъ отвѣта, было 56.

Отрицательные отвѣты на ходатайства нерѣдко поражали полнымъ пренебреженіемъ министерствъ къ закону, а иногда ихъ непослѣдовательностью. Какъ извѣстно, въ земскія должности могутъ быть избираемы лица, не состоящія гласными, но владѣющія полнымъ избирательнымъ цензомъ. Въ виду трудности, какъ уже сказано, замѣщать эти должности, губернское земское собраніе представило ходатайство, чтобы изъ не состоящихъ гласными возможно было выбирать и землевладѣльцевъ, не имѣющихъ полнаго ценза. Министръ вн. дѣлъ не далъ законнаго движенія этому ходатайству, т. е. не представилъ его въ комитетъ министровъ, такъ какъ собраніе не привело вѣскихъ данныхъ въ пользу его удовлетворенія. А выше было сказано, что министерству хорошо было извѣстно, что

на мѣстахъ мало людей для замѣщенія земскихъ должностей.

Приведу еще одинъ примѣръ, въ виду интересной мотивировки отклоненія ходатайства. Губернское собраніе просило министерство финансовъ передать ему суммы попечительствъ о народной трезвости для употребленія этихъ суммъ на нужды народнаго образованія. Просьба эта отклонена, такъ какъ министерство желаетъ оставить за собой выполненіе задачъ просвѣтительнаго характера.

Мы хорошо знаемъ, какъ просвѣщаетъ народъ департаментъ неокладныхъ сборовъ этого министерства.

Съ 1901 года въ дѣятельности губернскаго земскаго собранія замѣчается значительное оживленіе. Составъ гласныхъ измѣнился мало, и оживленіе это внесено избраннымъ въ этомъ году новымъ составомъ губернской управы. Предсѣдателемъ ея выбранъ передовой земскій дѣятель А. А. Свѣчинъ *). Большинство членовъ управы составилось изъ людей, съ нимъ солидарныхъ.

Въ 1902 году управа внесла въ собраніе докладъ объ учрежденіи безсословныхъ мелкихъ земскихъ единицъ. Съ этимъ прекрасно составленнымъ и мотивированнымъ докладомъ собраніе принципіально согласилось, но постановило передать его предварительно на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній и избрало комиссію для окончательной его разработки.

Большинство уѣздныхъ земствъ высказались въ пользу доклада управы, а глуховское и козелецкое отнеслись къ нему отрицательно, мотивируя свои заключенія неподготовленностью массы населенія къ воспріятію проектируемой реформы и антагонизмомъ интересовъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Комиссія, внеся въ докладъ управы частичныя измѣненія, предложенныя нѣкоторыми уѣздными земскими собраніями, представила въ 1903 году подробный проектъ положенія о безсословномъ волостномъ земскомъ управленіи. Въ общемъ этотъ проектъ составленъ

---

*) Членъ первой госуд. думы.

примѣнительно къ земскому положенію 1890 г. Главнѣйшія стороны его состоятъ въ слѣдующемъ:

Правомъ непосредственнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ пользуются живущія на территоріи волостного земства лица всѣхъ сословій, владѣющія не менѣе, какъ $^1/_{10}$ полнаго ценза, установленнаго для выборовъ въ уѣздные земскіе гласные. Владѣющіе меньшимъ цензомъ (безъ ограниченія) могутъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ, какъ уполномоченные. Лица съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, живущія на территоріи волостного земства не менѣе трехъ лѣтъ, принимаютъ участіе въ волостныхъ выборахъ съ пониженнымъ цензомъ до $^1/_{10}$ ценза лицъ первой категоріи. Правомъ участія въ выборахъ пользуются и женщины.

Волостному земству предоставляется право самообложенія, но на основаніяхъ, установленныхъ для взиманія уѣзднаго земскаго сбора. Утвержденныя волостнымъ земскимъ собраніемъ смѣты доходовъ и расходовъ, а также смѣты натуральныхъ повинностей, представляются на утвержденіе уѣзднаго земскаго собранія.

Территорія волостного земства (независимо отъ границъ существующихъ волостей) и число волостныхъ гласныхъ устанавливаются уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

Противъ этого проекта сдѣланы были нѣкоторыя возраженія, и онъ снова переданъ былъ въ комиссію для переработки. Больше онъ уже не появлялся въ собраніи и до настоящаго времени почиваетъ въ архивѣ.

Наступилъ 1904 годъ. Общественное недовольство, вызванное жестокою реакціей и особенно японскою войной, достигло высшей степени напряженія. Самые умѣренные люди горячо высказывали, что такъ жить нельзя, и что коренныя реформы настоятельно необходимы.

При такомъ настроеніи, въ концѣ ноября открыто было очередное губернское земское собраніе.

Въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій, собраніе, по предложенію предсѣдателя, постановило послать привѣтственную телеграмму новому министру вн. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому по поводу произнесенныхъ

имъ при вступленіи въ должность словъ о „довѣріи правительства къ общественнымъ силамъ страны“.

Гласные были въ чрезвычайномъ возбужденіи. Текущая работа собранія подвигалась вяло. Всѣ почти сознавали, что наступилъ моментъ, когда представителямъ населенія молчать нельзя, и они обязаны заявить о необходимости существенныхъ преобразованій въ дѣйствующемъ законодательствѣ. 53 гласныхъ подали предсѣдателю собранія заявленіе о представленіи въ такомъ смыслѣ всеподданнѣйшаго адреса. Составленный этими гласными проектъ адреса въ теченіе двухъ вечеровъ обсуждался въ частномъ совѣщаніи всего состава собранія. Послѣ жаркихъ преній и по содержанію, и по редакціи, адресъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ представленномъ проектѣ, былъ утвержденъ огромнымъ большинствомъ.

5 декабря, во время краткаго перерыва въ занятіяхъ собранія, адресъ былъ окончательно провѣренъ и подписанъ.

Въ городѣ знали, что засѣданіе собранія въ этотъ день будетъ особенно интересно, и мѣста для публики были переполнены. Когда засѣданіе снова было открыто, послѣ звонка предсѣдателя наступила мертвая тишина.

Предсѣдатель собранія А. А. Мухановъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что собранію предлагается сдѣлать постановленіе по вопросу, выходящему изъ предѣловъ вѣдѣнія земства,—но мы переживаемъ моментъ, когда невозможно удержаться въ рамкахъ, указанныхъ закономъ земству. Затѣмъ своимъ звучнымъ и внятнымъ голосомъ онъ прочелъ адресъ.

Въ началѣ адреса выражено „глубокое убѣжденіе собранія, что правильная дѣятельность общественныхъ учрежденій и всего государственнаго управленія совершенно невозможны при тѣхъ условіяхъ, какія давно уже переживаетъ Россія“.

„Бюрократическая система управленія“, сказано далѣе въ адресѣ, „создавъ полную разобщенность Верховной власти съ населеніемъ, ревниво устраняя всякое участіе общества въ управленіи и охраняя полную обособленность и безотвѣтственность своихъ дѣйствій, довела страну до крайне тягостнаго положенія. Личность рус-

скаго человѣка не ограждена отъ произвола властей; свободы совѣсти онъ лишенъ; оглашеніе въ собраніяхъ и въ печати злоупотребленій и нарушеній закона въ управленіи строго преслѣдуется; значительная часть Россіи находится подъ дѣйствіемъ усиленной охраны, крайне тягостной для населенія и дающей полный просторъ широкому произволу администраціи; судъ стѣсненъ и ограниченъ въ дѣлѣ огражденія правды и закона. Такое положеніе дѣлъ создаетъ неисчислимыя бѣдствія населенія во всѣхъ проявленіяхъ его частной и общественной жизни и вызываетъ всеобщее недовольство“.

Выразивъ въ заключеніе, что „водвореніе въ странѣ порядка, права и правды можетъ быть достигнуто единственно установленіемъ тѣснаго общенія Верховной Власти съ народомъ“, адресъ заканчивается просьбой „услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія, и проектъ этотъ дозволить непосредственно представить Вашему Величеству“ *).

Адресъ былъ утвержденъ единогласно, и собраніе поручило своему предсѣдателю немедленно представить его по телеграфу. **)

*) Адресъ этотъ полностью напечатанъ въ I томѣ Свода постановленій Черниговскаго губ. зем. собранія за 1900—1909 г.г., стр. 74.
По сохранившимся у меня замѣткамъ, такіе-же адресы почти одновременно представлены полтавскимъ, калужскимъ, ярославскимъ и орловскимъ губ. зем. собраніями. Въ Кіевѣ на банкетѣ 20 ноября 1904 г., въ которомъ участвовало болѣе 500 человѣкъ, въ значительной части людей съ солиднымъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ, выражено было полное сочувствіе постановленіямъ земскаго ноябрьскаго съѣзда въ СПБ. и убѣжденіе въ необходимости участія въ управленіи народныхъ представителей.—Кіевскій политехникумъ, въ отвѣтъ на запросъ министра финансовъ о причинахъ студенческихъ волненій, составилъ 24 ноября 1904 г. резолюцію, подписанную директоромъ и всѣми профессорами, что правильное теченіе академической жизни возможно только при введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія съ прочными гарантіями политическихъ правъ всѣхъ гражданъ.

**) Въ частномъ совѣщаніи 9 гласныхъ рѣшительно не соглашались съ содержаніемъ адреса и протестовали противъ его предста-

Нѣсколько секундъ продолжалось въ залѣ торжественное молчаніе. Наконецъ, раздались такія неистовыя рукоплесканія публики, такія шумныя выраженія радости и привѣтствій собранію, что А. А. Муханову едва удалось успокоить это волненіе и предотвратить мѣры пресѣченія, для выполненія которыхъ властями былъ приготовленъ въ залѣ надлежащій персоналъ.

10 декабря въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено было слѣдующее сообщеніе:

„Предсѣдатель черниговскаго губернскаго земскаго собранія, губернскій предводитель дворянства, представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу ходатайство означеннаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго свойства. На телеграммѣ этой Его Величеству Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать:

„Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься по вопросамъ государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами“.

Съ недобрыми предчувствіями сошлись мы въ собраніе въ этотъ день.

Оказалось, что Мухановъ уже телеграфировалъ министру вн. дѣлъ о своей отставкѣ.

По открытіи засѣданія, гласные заявили, что отвѣтственность за представленіе адреса они вполнѣ раздѣляютъ съ предсѣдателемъ собранія и потому отказываются отъ званія губернскаго гласнаго. 30 гласныхъ вышли изъ засѣданія.

Предсѣдатели десяти уѣздныхъ земскихъ управъ выразили сожалѣніе, что они не могутъ присоединиться къ отказавшимся гласнымъ, такъ какъ участвуютъ въ собраніи по должности.

Наличные уѣздные предводители тоже заявили, что

вленія. Они не желали подчиниться большинству и заявляли, что въ собраніи будутъ возражать противъ адреса. А такъ какъ пренія по такому вопросу неудобны, ихъ едва уговорили не входить въ залъ собранія при рѣшеніи вопроса объ адресѣ. Они въ это время стояли за порогомъ сосѣдней комнаты.

считаютъ себя обязанными оставаться въ собранiи по должности.

Предсѣдатель и члены губернской управы (кромѣ одного, Солонины) выразили, что они, отказываясь отъ званiя губернскаго гласнаго, остаются въ своихъ должностяхъ до замѣны ихъ другимъ составомъ управы.

Осталось 24 гласныхъ, и предсѣдатель объявилъ, что настоящее засѣданiе состояться не можетъ.

Еще четыре дня дѣлались безуспѣшныя попытки привлечь отсутствующихъ гласныхъ, и 14 декабря сессiя собранiя была закрыта.

Въ маѣ 1905 года созвано было экстренное губ. земское собранiе. На его обсужденiе, на основанiи Высочайшихъ указовъ 12 декабря 1904 г. и 16 февраля 1905 г., управою представленъ былъ докладъ „О видахъ и предположенiяхъ объ усовершенствованiи государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянiя“. Сущность доклада заключается въ слѣдующемъ:

Нужды населенiя неисчислимы и давно уже вопiютъ объ ихъ удовлетворенiи. Бюрократiя глуха къ этимъ нуждамъ и въ своихъ попыткахъ проводить нѣкоторыя частичныя реформы она показала полную свою несостоятельность. Необходима коренная реформа государственнаго строя и привлеченiе къ управленiю государствомъ общественныхъ силъ.

Этотъ обширный, прекрасно мотивированный докладъ сводится къ слѣдующимъ заключительнымъ положенiямъ:

Обновленiе всѣхъ сторонъ русской жизни и умиротворенiе общества возможны лишь при введенiи народнаго представительства, съ предоставленiемъ всѣмъ гражданамъ свободы совѣсти, слова, печати, собранiй, союзовъ и неприкосновенности личности и жилища.

Представительныя учрежденiя должны состоять изъ двухъ равноправныхъ палатъ, которымъ будетъ присвоено: участiе съ рѣшающимъ голосомъ въ законодательствѣ, утвержденiе государственнаго бюджета и контроль надъ дѣйствiями администрацiи. Одна палата созывается путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ; другая образуется изъ представителей реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ

и распространенныхъ на всю Имперію учрежденій мѣстнаго самоуправленія.

Только собраніе, созванное послѣ свободной предвыборной агитаціи, на началахъ всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія, можетъ обладать довѣріемъ населенія, компетенціей и авторитетомъ, которые необходимы для учрежденія, имѣющаго задачей коренную реформу государственнаго строя.

Задача особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ министра вн. дѣлъ, должна ограничиться лишь подготовительными работами къ организаціи учредительнаго собранія.

Участіе въ этомъ совѣщаніи представителей земства желательно, но при условіи, если они будутъ приглашены по выбору земскихъ собраній, съ правомъ рѣшающаго голоса, и если имъ будутъ гарантированы свобода слова, неприкосновенность личности и право участія во всѣхъ стадіяхъ работы совѣщанія.

Управа просила уполномочія постановленія собранія по этому докладу представить въ комитетъ министровъ.

Докладъ подробно обсуждался въ закрытомъ совѣщаніи комиссіи, въ которой участвовали всѣ гласные. Большинство членовъ комиссіи согласилось съ докладомъ и признало нужнымъ поручить управѣ напечатать и распространить среди населенія Высочайшій указъ 12 декабря 1904 года, рескриптъ 18 февраля 1905 г., настоящій докладъ и постановленіе по нему собранія. Заключеніе комиссіи подписано безъ оговорокъ 27 гласными.

Къ журналу комиссіи приложено нѣсколько особыхъ мнѣній.

Первое представлено мною. Въ немъ я изложилъ два возраженія:

1. Необходимость верхней палаты не доказана. Ея функціи и отношеніе обѣихъ палатъ между собою не выяснены. Способъ образованія верхней палаты идетъ вразрѣзъ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Верхняя палата, по своему составу, можетъ быть въ антагонизмѣ съ нижней, и это явится тормазомъ въ управленіи и въ прогрессивномъ развитіи государственной жизни;

2. Въ докладѣ допускаются на первыхъ порахъ двухстепенные выборы, въ виду невѣжества населенія, его неподготовленности къ прямымъ выборамъ и возможныхъ при этомъ давленій. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ народъ пойметъ, кому онъ долженъ ввѣрить защиту своихъ интересовъ. Давленіе-же при двухстепенныхъ выборахъ производить гораздо легче. Къ представительному собранію, образованному путемъ двухстепенныхъ выборовъ, народъ можетъ отнестись съ недовѣріемъ, и тогда не успокоится все растущее возбужденіе населенія.

Подъ моимъ мнѣніемъ подписались шесть гласныхъ, соглашаясь со вторымъ пунктомъ, и четыре, согласившіеся съ обоими пунктами *).

Во второмъ мнѣніи, подписанномъ только его авторомъ, выражено, что съ принципомъ голосованія, предложеннымъ въ докладѣ управы, можно согласиться въ идеѣ, но, при невѣжествѣ народной массы, при разноплеменности населенія и разобщенности классовъ, примѣненіе у насъ этого принципа едва-ли возможно. Нельзя ожидать, чтобы народъ, воспитанный въ рабствѣ и невѣжествѣ, отнесся къ выборамъ сознательно, и ловкіе люди могутъ эксплоатировать избирателей и направлять выборы въ свою пользу. Необходимъ образовательный цензъ и, по указанію опыта другихъ парламентскихъ странъ, необходимъ и цензъ имущественный. Многостепенные выборы дадутъ представителей, болѣе достойныхъ, болѣе подготовленныхъ къ государственной дѣятельности. Народы Запада дошли до нынѣшнихъ формъ управленія путемъ продолжительной эволюціи, а мы хотимъ сразу сдѣлать большой скачокъ въ область неизвѣданнаго. Необходима постепенность, сообразованная съ временемъ и обстоятельствами.

Въ третьемъ мнѣніи, подписанномъ двумя гласными, приведены два возраженія противъ доклада:

1. Предрѣшать вопросъ о томъ, одну или двѣ палаты нужно образовать, не слѣдуетъ, такъ какъ для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ;

---

*) Въ числѣ послѣднихъ былъ извѣстный проф. Локоть, депутатъ-трудовикъ первой Госуд. Думы, который потомъ „сжегъ все, чему поклонялся, и поклонился всему, что сжигалъ“.

2. Выборы должны быть двухстепенные, съ небольшимъ имущественнымъ цензомъ, чтобы не отстранять отъ нихъ крестьянъ, такъ какъ населеніе еще не подготовлено къ прямой и всеобщей подачѣ голосовъ.

Подписавшіе четвертое мнѣніе, отнесясь вполнѣ отрицательно къ докладу управы, изложили слѣдующія положенія:

Избраннымъ представителямъ нельзя предоставлять правящей власти. Только самодержавная власть въ настоящее смутное время можетъ объединить разноплеменное населеніе въ цѣльный государственный организмъ.

Составъ народнаго представительства тогда только можетъ быть авторитетнымъ и работоспособнымъ, если въ него войдутъ люди, раньше практиковавшіеся въ государственной и общественной работѣ. Такихъ людей дадутъ организованныя сословія и общественныя учрежденія.

Первому представительному собранію нельзя присваивать роли учредительнаго. Пока есть прежняя государственная власть, основные законы могутъ исходить только отъ самодержавнаго Монарха. Задача народнаго представительства—выражать передъ Государемъ народную мысль по кореннымъ жизненнымъ вопросамъ и реформамъ.

Представительное собраніе, не ограничивая самодержавной власти, будетъ, съ правомъ законодательной иниціативы, обсуждать новые законы, бюджетъ и контроль отчетовъ по его исполненію и наблюдать за закономѣрностью дѣйствій администраціи, съ правомъ запроса министрамъ, отвѣтственнымъ передъ верховной властью.

Это мнѣніе подписано 20 гласными *). Два изъ нихъ приложили къ нему еще слѣдующія свои дополненія:

Для Россіи должна быть выработана особая форма государственнаго устройства, органически вытекающая изъ бытовыхъ и духовныхъ условій страны.

Разсматриваемый вопросъ полезно передать на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній.

---

*) Въ томъ числѣ 9 предводителей дворянства и 8 лицъ, состоящихъ на казенной службѣ.

Къ обязанностямъ представительнаго собранія нужно прибавить: „и обсужденіе другихъ дѣлъ, которыя будутъ переданы Государемъ на разсмотрѣніе народныхъ представителей".

Выборы должны быть многостепенные, съ ограниченіями относительно возраста, осѣдлости, образовательнаго и имущественнаго цензовъ. Для привлеченія болѣе развитой, способной къ политической дѣятельности части населенія, полезно избирать предводителей дворянства, предсѣдателей губ. земскихъ управъ и представителей высшихъ учебныхъ заведеній.

Для развитія въ обществѣ способности къ политической дѣятельности, необходимо установить въ провинціи широкое выборное начало для всѣхъ вѣдомствъ. Эти выборы, подъ контролемъ правительственной власти, могутъ быть предоставлены дворянству и лицамъ другихъ сословій съ небольшимъ имущественнымъ цензомъ и образовательнымъ, не ниже среднихъ учебныхъ заведеній. Къ избраннымъ населеніе будетъ относиться съ уваженіемъ, и изъ нихъ выработается значительный персоналъ лицъ, полезныхъ для государственной службы и для народнаго представительства *).

22 мая, при закрытіи утренняго засѣданія, предсѣдатель собранія объявилъ, что обсужденіе доклада и заключенія комиссіи будетъ въ вечернемъ засѣданіи, и прибавилъ, что засѣданіе это будетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, въ силу полученнаго имъ распоряженія губернатора, которому онъ обязанъ подчиниться.

Вечеромъ, послѣ открытія засѣданія, нѣсколько гласныхъ выразили протестъ противъ того, что за стѣнами собранія стоитъ полиція и приготовлены казаки.

По предложенію предсѣдателя губ. управы Свѣчина, собраніе сдѣлало слѣдующее постановленіе: „Земское собраніе, не входя въ настоящее время въ разсмотрѣніе вопроса о законности распоряженія губернатора, но принимая во вниманіе, что публичность является обычнымъ условіемъ занятій собранія, что обсужденіе столь важнаго доклада не можетъ быть въ достаточной

---

*) Все, изложенное по этому боевому докладу управы, напечатано въ упомянутомъ уже „Сводѣ", т. I, стр. 75—80.

мѣрѣ полнымъ и спокойнымъ, постановило: въ обсужденіе этого доклада и заключенія комиссіи не входить и поручить управѣ и докладъ, и заключеніе комиссіи, и особыя мнѣнія представить въ комитетъ министровъ, вмѣстѣ съ копіей настоящаго журнала собранія".

Въ ту-же сессію представленъ былъ управою докладъ о преобразованіи земскихъ учрежденій. Рѣшено было передать его на обсужденіе уѣздныхъ собраній и, по полученіи ихъ заключеній, поручено особой комиссіи его переработать. Черезъ два года онъ предложенъ собранію въ переработанномъ видѣ. Вотъ вкратцѣ основныя его положенія:

Являясь выразителемъ всего населенія, а не отдѣльныхъ его классовъ, земство должно быть всесословнымъ.

Въ отведенной ему сферѣ дѣятельности оно должно быть вполнѣ самостоятельнымъ. Правительству принадлежитъ право контроля закономѣрности дѣйствій земскихъ учрежденій, но не существа. Вопросъ о незакономѣрности разрѣшается судомъ, а не администраціей.

Необходимо расширить компетенцію земства въ разныхъ отрасляхъ мѣстной жизни и управленія, безъ ограниченія ея одними хозяйственными интересами, и предоставить ему право петицій не только въ сферѣ мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ интересовъ.

Необходимо измѣнить существующую систему выборовъ, въ цѣляхъ допущенія возможно широкаго участія населенія въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія.

Необходимо предоставить земскимъ учрежденіямъ право устраивать явочнымъ порядкомъ районные и всероссійскіе съѣзды земскихъ представителей по вопросамъ земскаго хозяйства и управленія.

Необходимо измѣнить существующій порядокъ замѣщенія служащихъ въ земствѣ по выборамъ и по найму.

Необходима отмѣна исключительныхъ законовъ, ограничивающихъ права земства въ разныхъ отрасляхъ его дѣятельности.

Въ концѣ доклада выражено, что дѣятельность земства при указанныхъ преобразованіяхъ будетъ обезпечена лишь при условіи, если будутъ измѣнены и общія начала государственнаго управленія.

Казалось-бы, вопросъ этотъ явился въ собраніи 1907 года достаточно подготовленнымъ: онъ обсуждался въ уѣздныхъ земствахъ, переработанъ въ комиссіи, и всѣ изложенныя положенія подробно мотивированы въ докладѣ управы. Можно было-бы уже губернскому собранію и постановить опредѣленное рѣшеніе. Но вышло не то. Послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ указывалось на неполноту и неясность доклада, снова рѣшили передать его въ уѣздныя собранія и въ комиссію. Въ результатѣ онъ, какъ и докладъ о мелкой земской единицѣ, похороненъ въ архивѣ *).

Это является еще однимъ яркимъ примѣромъ силы классовыхъ тенденцій, преобладающихъ въ большинствѣ нынѣшнихъ земскихъ гласныхъ.

Опубликованіе булыгинской конституціи 6 августа встрѣчено было всѣми съ глубокимъ разочарованіемъ. Объ этомъ громко заговорили въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.

При открытіи черниговскаго уѣзднаго собранія въ концѣ сентября 1905 года, гласный И. Н. Соколовскій произнесъ горячую рѣчь о крайне тревожномъ настроеніи сельскаго населенія. Тяжелыя экономическія условія, малоземелье, отсутствіе правовыхъ гарантій, ожиданіе возвѣщенныхъ реформъ,—все это вызываетъ въ селахъ самые извращенные толки и опасное возбужденіе, выражающееся иногда у насъ насиліями, грабежами, поджогами и убійствами. Успокоить населеніе, направить его протесты на легальный путь, внушить ему надежды на удовлетвореніе его нуждъ при народномъ представительствѣ могли-бы бесѣды, чтенія интеллигентныхъ людей въ селахъ и распространеніе соотвѣтственныхъ брошюръ. Но у насъ это невозможно. Такое общеніе неоффиціальныхъ лицъ съ населеніемъ преслѣдуется администраціей. Необходимо скорѣйшее установленіе свободы слова, печати и собраній.

Тотъ-же гласный заявилъ, что, въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу, необходимо

---

*) Недавно, въ 1914 г., была попытка извлечь этотъ вопросъ изъ архива. Я внесъ въ собраніе докладъ о земской реформѣ на началахъ, тождественныхъ съ изложенными положеніями. Предсѣдатель собранія не допустилъ его обсужденія.

переизбраніе состава волостныхъ сходовъ, чтобы сходы эти образовать изъ болѣе сознательныхъ и передовыхъ лицъ. А такое переизбраніе закономъ не воспрещается.

Комиссія, обсуждавшая эти вопросы, признала, что установленіе неприкосновенности личности и свобода слова, печати и собраній являются неотложными нуждами: безъ этихъ способовъ для разсѣянія нелѣпыхъ толковъ въ селахъ и успокоенія населенія, черниговскій уѣздъ можетъ въ очень скоромъ времени сдѣлаться очагомъ самыхъ ужасныхъ потрясеній *).

Собраніе согласилось съ этимъ и съ другимъ заключеніемъ комиссіи, что положеніе 6 августа о государственной думѣ весьма несовершенно и что, для удовлетворенія населенія, народное представительство должно быть образовано на началахъ, установленныхъ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября, при чемъ главнѣйшею заботой преобразованной думы должны быть поставлены на первую очередь вопросы объ аграрной реформѣ и о правахъ и нуждахъ рабочаго люда.

Собраніе ограничилось занесеніемъ въ журналъ этихъ пожеланій.

Затѣмъ собраніе приняло предложеніе о томъ, чтобы, для выясненія сельскому населенію настоящихъ событій и значенія народнаго представительства, пріобрѣсти на счетъ уѣзднаго земства и распространить въ селахъ брошюры и листки соотвѣтственнаго содержанія, при чемъ особенно рекомендовалась брошюра Сватикова „Созывъ народныхъ представителей". Собраніе поручило управѣ пріобрѣсти этотъ матеріалъ и ассигновало для этого 50 р.

Вопросъ о переизбраніи состава волостныхъ сходовъ, вслѣдствіе воспрещенія губернатора, предсѣдателемъ собранія не допущенъ былъ къ обсужденію.

---

*) Опасеніе это, какъ извѣстно, скоро оправдалось, и по нѣкоторымъ уѣздамъ нашей губерніи пронесся ураганъ самыхъ дикихъ и жестокихъ поджоговъ и грабежей, повлекшій за собою рядъ такихъ-же дикихъ и жестокихъ карательныхъ экспедицій, успокаивавшихъ населеніе ужасными поголовными истязаніями и даже сожженіемъ селъ.

Заслуживаетъ вниманія еще одинъ эпизодъ, происшедшій въ этомъ-же собраніи. Въ собраніе поступило заявленіе гласныхъ—поселянъ (они не назвали себя крестьянами), вызванное, несомнѣнно, предвкушеніемъ свободъ и измѣненія общественнаго строя, о томъ, что многіе въ селахъ уже не удовлетворяются скуднымъ курсомъ начальной школы, и въ черниговскомъ четырехклассномъ училищѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обучаются уже нѣсколько дѣтей лицъ сельскаго состоянія; въ виду большихъ затратъ на это обученіе, заявившіе просили земское собраніе принять на себя плату за право ученія этихъ дѣтей. Собраніе удовлетворило эту просьбу, ассигновавъ для указанной цѣли 600 р.

Еще рѣшительнѣе высказалось въ это время городнянское уѣздное собраніе. Въ постановленіи своемъ оно признало, что учреждаемая закономъ 6 августа Государственная Дума не можетъ внести умиротворенія въ страну. Учрежденіе ея не сопровождается законодательнымъ обезпеченіемъ основныхъ правъ гражданъ, отмѣною исключительныхъ положеній и амнистіей по отношенію къ такъ называемымъ политическимъ преступникамъ. Отъ участія въ выборахъ народныхъ представителей устраненъ классъ городскихъ промышленныхъ рабочихъ и большая часть интеллигентныхъ силъ страны. Выборы установлены многостепенные, связанные съ имущественнымъ цензомъ. Думѣ не предоставлено рѣшающаго голоса въ законодательствѣ и въ установленіи бюджета. Это остается по прежнему въ рукахъ чиновниковъ. Всякое вліяніе Думы на ходъ государственныхъ дѣлъ сводится къ нулю установленіемъ чисто бюрократическаго учрежденія—Государственнаго Совѣта. Всѣ усилія населенія,—выражено въ заключительной части постановленія,—должны быть направлены къ тому, чтобы въ Государственную Думу были избраны люди, единственною цѣлью которыхъ должно быть достиженіе обезпеченія правъ личности, свободы слова, печати, собраній и союзовъ, установленіе выборовъ въ Думу на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, предоставленіе ей рѣшающаго голоса въ законодательствѣ и установленіи государственнаго бюджета

и права дѣйствительнаго контроля надъ исполнительной властью.

Въ Черниговѣ въ это время среди интеллигенціи всѣхъ степеней было большое оживленіе. Группировались въ политическіе партіи; собирались сходки въ частныхъ домахъ и довольно многолюдные митинги въ публичной обстановкѣ, и велись до поздней ночи горячія пренія, съ рѣзкою критикой настоящаго и проектами будущихъ реформъ и измѣненнаго общественнаго строя.

Особенно многолюдный митингъ былъ устроенъ представителями конституціонно-демократической партіи въ довольно большомъ залѣ дворянскаго собранія, вмѣщающемъ больше тысячи человѣкъ. Цѣлый рядъ ораторовъ произносилъ поражавшія среднюю публику своею смѣлостью рѣчи о современномъ безправіи и произволѣ, о желательной организаціи народнаго представительства, объ аграрной реформѣ, объ измѣненіи системы налоговъ и т. п. Рѣчи говорились совершенно свободно. Публика обращалась иногда къ ораторамъ съ вопросами и дѣлала свои замѣчанія,—но она видимо очень интересовалась необычнымъ содержаніемъ рѣчей, и въ залѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ тишина ничѣмъ не нарушалась. Тогда еще не народились мѣстные Пуришкевичи для скандальныхъ вторженій въ эту тишину. Полиція нисколько не вмѣшивалась во все, происходившее на митингѣ.

Не всегда, впрочемъ, митинги наши проходили такъ благополучно.

Однажды А. А. Мухановъ устроилъ въ своей квартирѣ немноголюдное совѣщаніе, чтобы столковаться о предстоящихъ выборахъ. Собралось 45 лицъ. Огромное большинство составляли земскіе гласные. Было три предводителя дворянства и нѣсколько представителей сельскаго населенія.

Едва мы усѣлись, чтобы приступить къ дѣлу, явился полиціймейстеръ съ нарядомъ полиціи. Съ нимъ вошелъ частный приставъ, а прочіе стояли „въ готовности“ у подъѣзда. Полиціймейстеръ выразилъ хозяину требованіе, чтобы всѣ немедленно разошлись. Мухановъ заявилъ, что присутствующіе приглашены имъ не для

какихъ-нибудь антиправительственныхъ дѣйствій, а для обсужденія вопроса объ осуществленіи Высочайшаго указа 6 августа, а потому онъ и его гости не признаютъ возможнымъ подчиниться предъявленному требованію. Объ этомъ полиціймейстеръ составилъ протоколъ, подписанный всѣми собравшимися. Затѣмъ, полиціймейстеръ объявилъ, что онъ останется здѣсь, пока всѣ разойдутся.

Предсѣдателемъ совѣщанія избранъ былъ М. В. Красовскій (тайный совѣтникъ, сенаторъ и предсѣдатель СПБ. город. думы, теперь уже покойный).

Мухановъ напомнилъ исторію общественно-политическаго движенія въ послѣднее время и въ заключеніе изложилъ сущность постановленій съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября. Затѣмъ онъ объяснилъ, что цѣль настоящаго совѣщанія—образованіе губернскаго и уѣздныхъ комитетовъ для подготовки правильнаго хода выборовъ по закону 6 августа и для направленія этихъ выборовъ въ томъ смыслѣ, чтобы представители губерніи въ Государственной Думѣ были выбраны изъ лицъ, склонныхъ проводить въ Думѣ положенія, установленныя сентябрьскимъ съѣздомъ.

Во время преній о задачахъ перваго народнаго представительства, прибылъ правитель канцеляріи губернатора и прочелъ вторичное его требованіе немедленно разойтись, такъ какъ прибѣгать для прекращенія совѣщанія къ имѣющимся въ его распоряженіи мѣрамъ онъ не желалъ-бы, въ виду участія въ совѣщаніи лицъ съ значительнымъ служебнымъ положеніемъ и изъ опасенія вызвать уличное волненіе *).

Предсѣдатель объяснилъ, что совѣщаніе, какъ выражено уже и полиціймейстеру, не можетъ подчиниться такому требованію. Оно собралось для законнаго обсужденія вопросовъ, вытекающихъ изъ Высочайше утвержденнаго положенія о Государственной Думѣ.

Правитель канцеляріи удалился.

По поводу вторженія въ совѣщаніе полиціи одинъ изъ представителей сельскаго населенія выразилъ не-

---

*) Я былъ секретаремъ этого совѣщанія и имѣлъ подъ рукою всѣ подробности о немъ.

доумѣніе относительно того, что въ селахъ совершенно свободно ведется проповѣдь пожаровъ и грабежей, распространяется масса возбуждающихъ населеніе листковъ,—а здѣсь мы собрались для мирной законной цѣли, и полиція предъявляетъ намъ запреты и угрозы. Другой участникъ совѣщанія добавилъ къ этому, что современныя условія создали въ селахъ крайне опасное броженіе, и въ недалекомъ будущемъ могутъ возникнуть ужасы, передъ которыми, какъ онъ выразился, пугачевщина покажется дѣтскою игрушкой. Между тѣмъ, у насъ преслѣдуются и разумная книга, и разумная бесѣда съ населеніемъ, которыя могли-бы успокаивать его и направлять его протесты на мирный путь.

Въ результатѣ совѣщаніе согласилось съ резолюціями сентябрьскаго съѣзда и образовало подготовительные къ выборамъ комитеты.

Составъ депутатовъ отъ черниговской губерніи въ первой Государственной Думѣ показываетъ, что эти комитеты сдѣлали свое дѣло *).

Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ въ томъ, что въ болѣе важной части своего повѣствованія, касающейся земства, я очень распространился объ отрицательныхъ сторонахъ и тяжелыхъ условіяхъ его дѣятельности и почти ничего не сказалъ о положительныхъ сторонахъ и о результатахъ этой дѣятельности. Но я не задавался цѣлью писать вообще исторію нашего земства. Я писалъ о томъ, что особенно наболѣло въ теченіе почти сорока лѣтъ моего участія въ земской работѣ.

Не могу въ заключеніе не разсказать о нѣкоторыхъ моихъ личныхъ переживаніяхъ въ описываемое здѣсь время.

*) Исключительная для того времени обстановка этого совѣщанія объясняется особенною причиной. Губернаторомъ былъ тогда А. А. Хвостовъ, бывшій съ Мухановымъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Вообще въ дѣйствіяхъ Хвостова личныя отношенія и политическое разномысліе играли большую роль. Когда, немного позднѣе, въ городнянскомъ уѣздѣ вспыхнули крестьянскія волненія, и обезумѣвшія толпы раззоряли до-тла усадьбы нѣсколькихъ „лѣвыхъ“ землевладѣльцевъ, для защиты ихъ не было послано ни одного полицейскаго и ни одного солдата.

Черезъ три года послѣ выхода моего изъ земской службы, я снова былъ избранъ на должность черниговскаго городского головы. Три раза прежде я утверждался министромъ въ этой должности и три раза въ должности предсѣдателя губернской земской управы. На этотъ разъ утвержденія не послѣдовало.

А въ новомъ столѣтіи мнѣ совсѣмъ не повезло.

Въ это время я служилъ инспекторомъ частнаго страхового общества. Въ концѣ февраля 1901 года я поѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ. Вечеромъ 1 марта я ожидалъ въ Вилейкѣ пересадки на Варшавскую дорогу. Подошелъ скорый поѣздъ изъ Петербурга. Я услыхалъ отъ пассажировъ, вошедшихъ на нѣсколько минутъ въ вокзалъ, что сегодня въ столицѣ на Казанской площади состоялась крупная демонстрація, съ которой жестоко расправились полиція и казаки.

Эта расправа вызвала всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что она велась по составленной напередъ программѣ: въ сосѣднихъ съ площадью дворахъ приготовлены были воинскіе отряды, а позади собора стояли кареты Краснаго Креста для увоза раненыхъ.

Черезъ нѣсколько дней состоялось по этому поводу довольно большое собраніе въ аудиторіи покойнаго Лесгафта. Преобладали въ этомъ собраніи литераторы и профессора. Лесгафтъ сообщилъ, что онъ, какъ врачъ, посѣтилъ больницы и лазареты, гдѣ находились на излѣченіи пострадавшіе на Казанской площади. Ихъ оказалось нѣсколько сотъ, и изъ нихъ многіе съ довольно тяжелыми ранами и поврежденіями. Много произнесено было негодующихъ рѣчей и въ результатѣ составленъ былъ горячій протестъ противъ казанскаго побоища. Нѣсколько экземпляровъ этого протеста отправлено было министрамъ.

Послѣ собранія у Лесгафта, я заѣхалъ навѣстить покойнаго Н. Ф. Анненскаго. Онъ получилъ такой ударъ жандармскимъ кулакомъ въ лѣвый високъ, что глазъ и вся лѣвая часть лица представляли огромный темносиній кровоподтекъ.

Возратился я домой въ началѣ апрѣля. Поѣздъ въ Черниговъ приходитъ утромъ, и я пріѣхалъ очень усталый, такъ какъ въ неудобныхъ вагонахъ нашей узко-

колейки спать почти невозможно. Едва я успѣлъ привести себя въ порядокъ послѣ дороги, раздался съ улицы громкій звонокъ. Въ домъ вошли жандармскій ротмистръ, полиціймейстеръ, огромнаго роста жандармъ и двое какихъ-то штатскихъ. Послѣ я узналъ, что домъ мой во время пребыванія этихъ гостей охранялся городовыми и во дворѣ, и съ улицы.

— По распоряженію моего начальства, я прибылъ произвести у васъ обыскъ,—объявилъ мнѣ ротмистръ; гдѣ вашъ кабинетъ?

— А представитель прокурорскаго надзора?—спросилъ я.

— Обыскъ будетъ происходить безъ участія прокурорскаго надзора,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Гости пробыли у меня около восьми часовъ. Прежде всего они подробно изслѣдовали чемоданъ, съ которымъ я только что пріѣхалъ. Затѣмъ, почти все остальное время они усердно перебирали все въ письменномъ столѣ и въ книжныхъ шкапахъ, стоявшихъ по обѣимъ его сторонамъ. Я стоялъ между ротмистромъ и полиціймейстеромъ, слѣдя внимательно за движеніями ихъ рукъ. Подъ конецъ они вышли въ сосѣднюю комнату, и ротмистръ спросилъ меня о назначеніи другихъ комнатъ моего дома.

— Здѣсь спальня моей жены, а тамъ комнаты дочерей,—указалъ я.

Ротмистръ направился къ комнатамъ дочерей, но сейчасъ-же повернулъ назадъ, объяснивъ, что ему поручено произвести обыскъ только у меня.

Но полиціймейстеръ не обратилъ никакого вниманія на эти слова своего товарища и обыскалъ все въ остальныхъ комнатахъ и даже на чердакѣ. Я долженъ былъ вернуться въ кабинетъ съ ротмистромъ, который еще осматривалъ мою конторку. Поэтому я позвалъ дочь и поручилъ ей сопровождать полиціймейстера и зорко слѣдить за нимъ, такъ какъ я выйти изъ кабинета не могу.

— Вы, значитъ, думаете, что мы можемъ подбросить вамъ что-нибудь?—обиженно спросилъ ротмистръ.

Въ результатѣ, составленъ былъ протоколъ, что ничего предосудительнаго при обыскѣ не оказалось.

Я надѣялся, что этимъ ограничатся напасти на меня, но я горько ошибся. Дня черезъ три я получилъ отъ полиціймейстера приглашеніе прибыть во ввѣренное ему полицейское управленіе для объявленія мнѣ распоряженія министра вн. дѣлъ.

Распоряженіе министра гласило, что мнѣ воспрещается на два года жительство въ черниговской губерніи, съ отдачею меня на этотъ срокъ подъ гласный надзоръ полиціи и съ предоставленіемъ мнѣ избрать другое мѣсто жительства, кромѣ столицъ и университетскихъ городовъ. Въ концѣ добавлена странная милость, что мнѣ разрѣшаются временные пріѣзды въ имѣніе мое въ черниговскомъ уѣздѣ.

Мѣстомъ жительства я избралъ Полтаву.

Полиція съ особеннымъ усердіемъ стала проявлять свои новыя права надо мной, надоѣдая мнѣ частыми визитами и вопросами, когда я уѣзжаю.

Я рѣшилъ ѣхать безъ семьи, — но нужно было устроить разныя дѣла, и выѣхать немедленно было трудно. Я послалъ министру прошеніе объ отсрочкѣ моего выѣзда на мѣсяцъ. Но губернаторъ Андреевскій видимо старался выпроводить меня скорѣе. Въ маѣ назначено было экстренное губернское земское собраніе, и онъ, вѣроятно, опасался какихъ-нибудь выступленій въ собраніи по моему адресу.

Просимая отсрочка сокращена была до минимума, и въ началѣ мая я долженъ былъ уѣхать.

Передъ выѣздомъ меня навѣщали очень немногіе изъ близкой мнѣ молодежи. Остальные-же многочисленные знакомые признали для себя неудобнымъ переступать въ это время порогъ моего дома. На вокзалѣ, когда я уѣзжалъ, эти знакомые также блистали своимъ полнымъ отсутствіемъ.

Я былъ въ полномъ недоумѣніи относительно причины постигшей меня кары. Сначала я думалъ, что причиною является моя подпись подъ упомянутымъ протестомъ у Лесгафта. Но скоро я узналъ, что другіе, подписавшіе этотъ протестъ, нисколько не пострадали. Пробовалъ я позднѣе выяснить это недоумѣніе въ департаментѣ полиціи. Но тамъ ничего опредѣленнаго добиться не могъ и только узналъ отъ земляка, имѣ-

ющаго отношеніе къ этому департаменту, что тамъ есть обо мнѣ довольно длинная „хроника". Выходитъ, что я изъятъ былъ изъ черниговской губерніи „по совокупности".

Министръ разрѣшилъ мнѣ разъѣзды по моей страховой службѣ, и я большую часть времени проводилъ въ этихъ разъѣздахъ по четыремъ губерніямъ моего района. Сначала я точно выполнялъ обязанность являться лично въ каждомъ городѣ къ начальнику мѣстной полиціи. Нѣкоторые исправники встрѣчали меня очень любезно и, просмотрѣвъ мой документъ, наивно выражали крайнее изумленіе, что я, въ преклонныхъ лѣтахъ и въ чинѣ статскаго совѣтника, живу по „проходному свидѣтельству". Другіе относились ко мнѣ сурово и, считая, что, съ появленіемъ моимъ, отечество въ опасности, устраивали за мной наблюденіе и ставили городового у гостинницы, гдѣ я останавливался. Особенно строго слѣдилъ за мной полиціймейстеръ въ Харьковѣ, куда я изрѣдка заѣзжалъ на короткое время, предполагая, вѣроятно, что я взбунтую всѣ высшія харьковскія учебныя заведенія.

Но болѣе всего надоѣдала мнѣ черниговская полиція. Нѣсколько разъ во время изгнанія я навѣдывался въ свой хуторъ. Путь туда направлялся непремѣнно черезъ Черниговъ. Какъ только я съ вокзала пріѣзжалъ въ свой домъ, немедленно являлся частный приставъ и строго заявлялъ, что мнѣ воспрещено жительство въ Черниговѣ. Мое объясненіе, что я пріѣхалъ сюда не жительствовать и что, отправляясь въ с. Кези, я не могу минуть Чернигова, не удовлетворяло усерднаго полицейскаго чина, и онъ слѣдилъ два—три часа, чтобы я поскорѣе выѣхалъ изъ города. Не оставляли меня въ покоѣ эти преслѣдованія и въ хуторѣ. Наѣзжалъ становой приставъ и производилъ допросы и разслѣдованія, не выѣзжаю-ли я изъ Кезей куда-нибудь по уѣзду.

Почти черезъ годъ послѣ моего переѣзда въ Полтаву, въ полтавскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ вспыхнули первыя въ новомъ столѣтіи аграрныя волненія. Это дикое крестьянское движеніе захватило и сосѣдніе уѣзды харьковской губерніи.

Для характеристики этого движенія, я приведу слышанный мною разсказъ потерпѣвшаго въ этой смутѣ.

Лѣтомъ 1902 года ѣхалъ я изъ Харькова въ Полтаву. Противъ меня сидѣли въ вагонѣ двое мужчинъ—одинъ очень пожилой, другой значительно моложе. Изъ ихъ бесѣды между собой я узналъ, что они мѣстные землевладѣльцы, сосѣди, и возвращаются въ свои имѣнія.

При остановкѣ на какой-то станціи, въ нашъ вагонъ вошелъ новый пассажиръ. Онъ былъ въ инженерной формѣ. Скоро выяснилось, что онъ служилъ много лѣтъ гдѣ-то на далекой окраинѣ и теперь ѣдетъ на родину, въ валковскій уѣздъ.

Увидѣвъ моего пожилого сосѣда, онъ радостно облобызался съ нимъ, какъ съ близкимъ старымъ знакомымъ.

— Знаю я по газетамъ,—спросилъ инженеръ,—что у васъ происходили безобразные разгромы помѣщичьихъ усадьбъ. Можетъ быть, и васъ это коснулось?

— И очень даже коснулось, разсказалъ пожилой помѣщикъ: въ началѣ апрѣля раззорили и совершенно разграбили нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. (И онъ назвалъ села и фамиліи пострадавшихъ). Я сидѣлъ и ожидалъ своей очереди. Однажды передъ вечеромъ явились нѣсколько крестьянъ и объявили мнѣ, что завтра рано всѣмъ селомъ придутъ меня „грабовать“.

— Развѣ и я долженъ подвергнутся этому?—спросилъ я.

— А якъ-же, пане? объяснили пришедшіе: може мы и не чипали-бъ васъ, такъ на васъ збираютца завтра зъ другого села. Отъ мы и приговорили на сході, щобъ у ранці забрать ваше добро. Хиба-жъ можно попустить, щобъ воно чужимъ досталось?

Я немедленно распорядился запречь экипажъ, усадилъ жену и дѣтей и отправилъ ихъ ночевать въ Валки. Вслѣдъ за ними я послалъ двѣ подводы, на-скоро нагруженныя болѣе цѣнными вещами и платьемъ, и легъ спать. На разсвѣтѣ я проснулся отъ сильнаго шума со стороны сада. Огромная толпа направлялась во дворъ. Я быстро одѣлся и вышелъ на крыльцо.

— Давайте, пане, ключи,—обратились ко мнѣ вожаки.

Я отвѣтилъ, что не буду помогать грабить меня и ключей не дамъ.

Немедленно были пущены въ ходъ разныя орудія, и затрещали замки въ амбарѣ, клунѣ и въ другихъ постройкахъ. Въ это время растворились ворота, и въѣхало множество подводъ, запрудившихъ весь дворъ. Одни поспѣшно нагружали возы зерномъ, сѣномъ, соломой и разными припасами изъ погреба и кладовой. Другіе отправились въ конюшню и на скотный дворъ, вывели оттуда лошадей, коровъ и мелкій скотъ и распредѣлили всю эту живность по дворамъ. Были при этомъ дѣлежѣ небольшіе споры, но они не затягивались. Нужно было спѣшить.

Подводы уѣхали съ подростками, а толпа, начавшая грабежъ, направилась въ домъ. Многіе взяли къ себѣ кресла, стулья и мелкія вещи, а болѣе громоздкіе предметы, которымъ тѣсно было-бы въ крестьянской избѣ, изрубили топорами и поломали въ щепки.

— Отчего-же такое озлобленіе? прервалъ разсказчика инженеръ: можетъ быть, вы слишкомъ строго взыскивали съ крестьянъ за потравы и другія провинности?

— О, нѣтъ, отвѣтилъ помѣщикъ: у меня всегда были хорошія отношенія съ крестьянами. Были, конечно, случаи, когда я взыскивалъ съ нихъ за разныя пакости,— но крестьяне за это не осуждаютъ,— лишь-бы взыскивать по справедливости. А если на все будешь смотрѣть сквозь пальцы, дуракомъ назовутъ. „Зовсімъ плохий панъ", скажутъ. Да и озлобленія тутъ никакого не было. Толпа вѣжливо поздоровалась и простилась со мной и во все время грабежа относилась ко мнѣ очень добродушно. Тутъ совсѣмъ не то. Вѣдь вы помните Марью Ивановну?

— Какъ? Неужели и она пострадала?—изумился инженеръ.

Я полюбопытствовалъ узнать причину этого изумленія.

Оказалось, что Марья Ивановна мѣстная помѣщица, владѣвшая очень небольшимъ имѣніемъ. Пристроивъ дѣтей, она жила одиноко въ своей усадьбѣ, и жизнь ея всецѣло была наполнена заботами объ односельчанахъ. Изъ своихъ скудныхъ средствъ она помогала

всѣмъ нуждающимся, давала имъ совѣты, хлопотала по ихъ дѣламъ, лѣчила ихъ, а у тяжелыхъ больныхъ просиживала цѣлыя ночи.

Эту благодѣтельницу совершенно ограбили, а ночью сожгли до-тла всю ея усадьбу, и она, въ одномъ бѣльѣ, едва спаслась изъ горящаго дома.

На вопросъ инженера объ отношеніи къ погромамъ мѣстныхъ властей разсказчикъ, выразивъ, что власти всегда опаздываютъ, сообщилъ о жестокихъ поголовныхъ поркахъ, произведенныхъ въ селахъ валковскаго уѣзда тогдашнимъ харьковскимъ губернаторомъ кн. И. Оболенскимъ.

На слѣдующей станціи собесѣдники вышли изъ вагона.

Какъ извѣстно, кн. Оболенскій за свои карательные подвиги возвеличенъ былъ до высокаго поста финляндскаго генералъ-губернатора, а полтавскій губернаторъ Бельгардъ, не особенно усердно примѣнявшій розги во время крестьянскихъ волненій, удаленъ отъ должности *).

Еще изъ моего недавняго прошлаго нѣсколько воспоминаній, представляющихъ нѣкоторый общій интересъ.

Въ 1904 году я участвовалъ въ извѣстномъ ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ **). Я буду го-

---

*) Земскій начальникъ и затѣмъ членъ губернскаго присутствія кашей губерніи, участвовавшій въ карательныхъ экспедиціяхъ и едва ни не превзошедшій въ жестокости кн. Оболенскаго, былъ за эти подвиги назначенъ нижегородскимъ губернаторомъ. Но опытъ показалъ, что для выполненія сложныхъ административныхъ обязанностей однихъ карательныхъ талантовъ недостаточно.

**) Считаю нужнымъ дополнить сказанное И. П. Бѣлоконскимъ о частичныхъ съѣздахъ оппозиціи въ его книгѣ „Земское движеніе", на стр. 83. Такіе съѣзды были еще въ 80-хъ годахъ. Я участвовалъ въ двухъ изъ нихъ — въ Москвѣ, въ квартирахъ И. И. Петрункевича, В. И. Вернадскаго и др. Они были немноголюдны: въ нихъ участвовало до 30 человѣкъ. По большей части это были земцы, но приглашались и спеціалисты по разнымъ предметамъ земскаго вѣдѣнія. Такъ, по организаціи народнаго кредита интересныя бесѣды велъ М. Я. Герценштейнъ. Вообще, бесѣды имѣли содержаніемъ расширеніе и объединеніе дѣятельности земствъ. Вопросовъ государственнаго преобразованія эти бесѣды почти не касались. Въ сохранившемся черновикѣ имѣется перечень занятій одного изъ такихъ совѣщаній

ворить не о содержаніи и резолюціяхъ этого съѣзда,— все это хорошо извѣстно, — а о томъ, какъ отнеслись къ нему въ обществѣ, насколько мнѣ пришлось наблюдать.

Гдѣ мнѣ ни приходилось бывать послѣ закрытія съѣзда, только и разговоровъ было, что о немъ. Въ частныхъ квартирахъ собирались митинги, и велись жаркія пренія по поводу постановленій съѣзда. По приглашенію прис. пов. М. М. Винавера, я въ его довольно обширной квартирѣ сдѣлалъ подробное сообщеніе о происходившемъ на съѣздѣ. Собралось до 150 слушателей. Къ резолюціямъ съѣзда всѣ отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ. Съѣздъ представлялся цѣлымъ событіемъ, предвѣщающимъ скорое обновленіе общественнаго строя. Когда въ квартирѣ остался небольшой кружокъ знакомыхъ, М. М. Винаверъ, только что пріѣхавшій изъ Гомеля, гдѣ онъ, какъ защитникъ, участвовалъ въ извѣстномъ процессѣ по поводу происшедшаго тамъ жестокаго еврейскаго погрома, очень охладилъ въ оставшихся это радужное настроеніе. Его разсказы о томъ, какъ грабили, поджигали и избивали при явномъ попустительствѣ полиціи, и какъ судъ съ самыми грубыми натяжками направлялъ дѣло къ оправданію громилъ и обвиненію потерпѣвшихъ отъ погрома, возвратили всѣхъ къ горькой дѣйствительности и къ сознанію, что у насъ едва-ли возможно надѣяться на скорое осуществленіе правовыхъ условій, провозглашенныхъ земскимъ съѣздомъ.

На первой очереди было обсужденіе взаимоотношеній земства и администраціи. Послѣ указанія примѣровъ вторженія губернаторовъ въ обсужденіе земскихъ пользъ и нуждъ по существу (примѣры эти приводились Родичевымъ, Храповицкимъ, Якушкинымъ, Бакунинымъ, Головачевымъ, Петрункевичемъ и др.), рѣшено было, что земцы, каждый въ своей губерніи, должны провести ходатайства о надзорѣ администраціи за земскими постановленіями лишь съ точки зрѣнія законности, а не цѣлесообразности. Обсуждался самый вопросъ объ одновременныхъ ходатайствахъ. Высказывалось мнѣніе, что для возбужденія ходатайствъ не надо ждать особыхъ поводовъ или чрезвычайныхъ событій, а ввести таковыя въ качествѣ систематической мѣры, по возможности охватывающей побольше участниковъ (земскихъ собраній). Говорилось еще о ревизіяхъ земствъ губернаторами, о неутвержденіи земскихъ выборныхъ лицъ и служащихъ по найму, объ освобожденіи отъ опеки крестьянскаго представительства и т. п.

На обратномъ пути изъ Петербурга я заѣхалъ въ Кіевъ. В. В. Водовозовъ, И. В. Лучицкій и другіе убѣдили меня сдѣлать въ одномъ изъ клубовъ сообщеніе о съѣздѣ. Немедленно распространены были оповѣщенія объ этомъ (тогда это было еще возможно) и въ обширномъ залѣ клуба собралось болѣе тысячи человѣкъ. Изложивъ свое сообщеніе, я сказалъ нѣсколько заключительныхъ словъ въ томъ смыслѣ, что съѣздъ произнесъ рѣшительное слово, но для проведенія его въ жизнь необходимо, чтобы всѣ, кому невыносимо жить при существующихъ условіяхъ, забыли всѣ партійныя несогласія и дружно двинулись вмѣстѣ до перваго этапа, по достиженіи котораго каждый можетъ свободно направиться по избранному имъ пути.

Какъ только я произнесъ эти слова, въ глубинѣ плохо освѣщеннаго зала вскочилъ на стулъ какой-то молодой человѣкъ и произнесъ крайне запальчивую рѣчь о томъ, что земскій съѣздъ составился изъ представителей буржуазіи и капитала, что эти господа напрасно берутся рѣшать судьбы Россіи, что „мы“ не можемъ идти съ ними по одной дорогѣ, что созданіе будущаго государственнаго и общественнаго строя должно быть въ рукахъ рабочаго класса, и что только этотъ классъ можетъ установить будущія справедливыя общественныя и экономическія отношенія.

Въ такомъ-же смыслѣ произнесена была другая рѣчь, въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ.

Воспользовавшись секундною паузой, на каѳедру взошелъ В. В. Водовозовъ и, очень волнуясь, горячо и убѣдительно говорилъ въ смыслѣ выраженнаго мною пожеланія, доказывая крайнюю опасность партійной розни въ переживаемый Россіею моментъ.

Но убѣдить большинство собравшейся молодежи было невозможно. Снова изъ полумрака раздались рѣзкія рѣчи, — и я ушелъ изъ зала, сопровождаемый не особенно сочувственными возгласами.

Въ началѣ октября 1905 г. я ѣздилъ по дѣламъ службы въ полтавской губерніи. Послѣдняя моя остановка была въ г. Лубнахъ, куда я прибылъ утромъ, а съ ночнымъ поѣздомъ долженъ былъ выѣхать домой, гдѣ меня ожидали на другой день. Около 11 часовъ

вечера я пріѣхалъ на вокзалъ. Ни одного извозчика у вокзала не было. Въ вокзалѣ было пусто. Билетная касса заперта. Я съ досадой подумалъ, что часы мои подгуляли, и я опоздалъ къ поѣзду. Выйдя на платформу, я увидѣлъ вдали человѣка съ фонаремъ. Я догналъ его и спросилъ, давно-ли прошелъ поѣздъ изъ Полтавы.

— Никакого поѣзда не было и не будетъ, отвѣтилъ онъ.

— И сколько времени это будетъ продолжаться?— добивался я.

— Можетъ быть, и долго, я не знаю,—сказалъ онъ и направился по своему дѣлу.

— Но есть-же кто-нибудь, кто знаетъ объ этомъ? попробовалъ я еще спросить.

— Вѣрно, есть такіе, что и знаютъ.

И фонарь сталъ быстро удаляться.

Я вернулся въ гостиницу. Утромъ, написавъ письмо и телеграмму домой, я пошелъ на почту. Тамъ было тихо и пусто. Одинъ только дежурный чиновникъ сидѣлъ у окна и развлекался чтеніемъ.

— Могу-ли я отправить письмо? спросилъ я.

— Письмо вы можете бросить въ ящикъ, отвѣтилъ онъ: а когда оно пойдетъ, неизвѣстно. Почтовыя сообщенія прекращены.

— А телеграмму можно отправить?

— Нѣтъ,—телеграфъ закрытъ.

Я сдѣлалъ еще попытку вырваться изъ лубенскаго плѣненія, отправился на площадь и вступилъ въ переговоры съ извозчиками, не возьмется-ли кто-нибудь доставить меня къ днѣпровской пристани, откуда я надѣялся доѣхать до Кіева на пароходѣ.

Да вѣдь это около ста верстъ, рѣшительно заявили извозчики: а теперь такая невылазная грязь по нашимъ дорогамъ, что совсѣмъ замучишь лошадей.

Я пробовалъ соблазнить высокою платой, но извозчики отказались на-отрѣзъ.

Плѣненіе мое продолжалось одиннадцать дней. Скука была невыносимая. Вѣстей никакихъ. Въ мѣстной жалкой библіотекѣ я перечиталъ все, заслуживающее вниманія. Ежедневно я навѣдывался на вокзалъ, но возвращался въ унынiи, безъ надежды на скорое освобожденіе.

Въ послѣдніе дни я познакомился съ мѣстнымъ податнымъ инспекторомъ Ж. и провелъ въ его семьѣ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ. Однажды вечеромъ Ж. прислалъ за мной, обѣщая очень меня чѣмъ-то порадовать. Когда я пришелъ, Ж. обнялъ меня и отъ сильнаго волненія не могъ произнести ни слова. Жена его тоже была очень взволнована. Она радостно улыбалась, а на глазахъ были слезы.

— Въ чемъ дѣло?—съ удивленіемъ спросилъ я.

Ж. подалъ мнѣ большой листъ съ крупными печатными строками. Это былъ манифестъ 17 октября, какимъ-то непонятнымъ способомъ довольно скоро дошедшій до Лубенъ.

Возвращаясь ночью въ свой номеръ, я встрѣчалъ цѣлыя толпы ликующаго народа. Но на слѣдующій день ликованіе уже не допускалось, и толпы разгонялись казацкими нагайками.

Дня через два я узналъ на вокзалѣ, что черезъ нѣсколько часовъ отправляется въ Кіевъ товарный поѣздъ съ однимъ пассажирскимъ служебнымъ вагономъ. Я едва добился разрѣшенія отправиться съ этимъ поѣздомъ.

Ѣхали мы очень медленно, съ большими остановками. На станціи Борисполь мы стояли ночью особенно долго. Я вышелъ изъ вагона узнать о причинѣ такой остановки. Начальникъ станціи сообщилъ, что въ Кіевѣ очень неспокойно, и ѣхать опасно. Поэтому поѣздъ двинется только съ разсвѣтомъ.

Въ Кіевѣ, на пути отъ вокзала, я увидѣлъ цѣлый рядъ еврейскихъ магазиновъ съ разбитыми и изломанными окнами и открытыми настежь дверями. Все въ нихъ было разграблено. У дверей валялись цѣлыя кучи всякаго хлама. Среди улицы разбросаны были въ жидкой грязи разбитыя лампы, измятыя женскія шляпки, ленты и т. п.

Желѣзнодорожное сообщеніе еще не возстановилось, и я въ тотъ-же день выѣхалъ въ Черниговъ на пароходѣ. Направляясь къ Днѣпру, я увидѣлъ на Крещатикѣ и на Подолѣ такую картину разрушенія, передъ которой видѣнное мною близъ вокзала показалось каплей въ морѣ.

Словоохотливый извозчикъ разсказалъ мнѣ, что все это безобразіе совершено вчера толпами пьяныхъ громилъ, и на вопросъ мой, неужели никто не останавливалъ разгрома, объяснилъ, что было много полиціи, но она нападала и била не громилъ, а тѣхъ, которые старались защищать евреевъ и ихъ имущество.

Въ Черниговъ пріѣхалъ я утромъ. Направляясь къ своему дому и въѣхавъ на „Красный" мостъ, я увидѣлъ идущую среди улицы на встрѣчу многолюдную процессію. Выглянувшее солнце освѣтило что-то блестящее впереди. Догадавшись, въ чемъ дѣло, я сказалъ извозчику повернуть назадъ и обождать въ сторонѣ, на площадкѣ передъ мостомъ. Вся процессія прошла передо мной. Впереди шли два извѣстныхъ въ городѣ „патріота", избивавшіе резиновыми палками евреевъ и молодыхъ людей, казавшихся имъ крамольными. Одинъ несъ большую икону, а другой царскій портретъ. За ними шелъ губернаторъ Хвостовъ съ жандармскимъ полковникомъ и какимъ-то военнымъ. Позади слѣдовалъ небольшой отрядъ солдатъ съ ружьями и потомъ толпа разнаго сброда, до 150 человѣкъ. Не прошло и часа, какъ сдѣлалось извѣстно, что процессія отслужила въ соборѣ молебенъ, а оттуда толпа кинулась на базаръ, и немедленно зазвенѣли разбиваемыя стекла, и пошелъ разгромъ и грабежъ еврейскихъ лавокъ и домовъ, безъ всякаго препятствія со стороны присутствовавшей при этомъ полиціи.

Такъ ознаменовали у насъ темныя силы первые дни новорожденной русской конституціи.

Еще одинъ эпизодъ, характерный для нашего современнаго суда *).

Въ 1907 году умеръ А. А. Мухановъ. Онъ много дѣлалъ для нашего общества учительской взаимопомощи и завѣщалъ ему довольно значительную сумму. Въ первомъ собраніи членовъ общества рѣшено было въ отчетѣ о дѣятельности общества за 1907 годъ помѣстить портретъ и некрологъ покойнаго. Составленіе некролога возложено на меня. Въ 1908 году отчетъ

*) Объ этомъ я разсказалъ уже въ упомянутой статьѣ въ журналѣ „Русское Богатство" за прошлый годъ.

былъ напечатанъ и болѣе тысячи его экземпляровъ разослано по губерніи.

Въ началѣ 1909 года я получилъ повѣстку о явкѣ въ окружный судъ въ качествѣ подсудимаго, обвиняемаго по 1 п. 281[1] ст. Улож. о нак. Прис. пов. И. Л. Шрагъ, вызвавшійся меня защищать, выяснилъ, что меня обвиняютъ, по предложенію губернатора Родіонова, въ нарушеніи законовъ о печати.

Преступленіе мое усмотрѣно въ слѣдующихъ строкахъ составленнаго мною некролога:

„По окончаніи университета, А. А. поступилъ на службу въ министерство вн. дѣлъ. Министромъ тогда былъ гр. Д. А. Толстой, одинъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей системы бюрократическаго произвола и гнета и подавленія общественной самодѣятельности,—системы, усердно проводимой его преемниками и доведшей Россію до современнаго ужаснаго положенія. Этой удушливой атмосферы А. А. не могъ долго выдержать и оставилъ службу въ министерствѣ“.

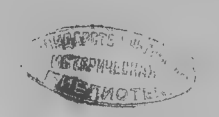
Въ назначенный день я явился въ судъ. Состава суда пришлось ожидать очень долго. Послѣ я узналъ, что едва нашли трехъ, которые согласились участвовать въ разборѣ этого страннаго дѣла. Публика была удалена. Два моихъ защитника совершенно разбили всѣ доводы обвинительнаго акта. Прокуроръ, вмѣсто пространной обвинительной рѣчи, произнесъ, опустивъ глаза, только три слова, что онъ поддерживаетъ обвиненіе. Я въ послѣднемъ словѣ добавилъ къ словамъ защитниковъ, что о современномъ правительствѣ я не упомянулъ ни однимъ словомъ, и что инкриминируемыя мнѣ строки относятся къ лицамъ, сошедшимъ со сцены десятки лѣтъ назадъ.

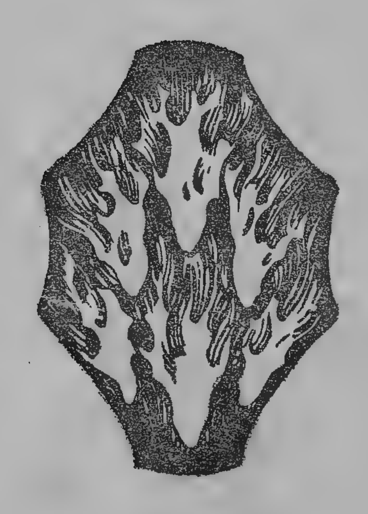
Послѣ продолжительнаго совѣщанія, судъ обнаружилъ большое гражданское мужество: вопреки требованію губернатора, онъ объявилъ, что я по суду оправданъ.

Послѣдніе годы я живу постоянно въ деревнѣ. Принимая участіе въ дѣятельности сельскихъ кооперативовъ, я наталкиваюсь на полное отсутствіе альтруизма

со стороны мѣстныхъ крестьянъ, на совершенно апатичное отношеніе ихъ къ общественному дѣлу и на стремленіе почти каждаго извлечь изъ этого дѣла личную выгоду, не останавливаясь для этого передъ всякими неправдами и злоупотребленіями. Все это, конечно, объясняется глубокимъ невѣжествомъ огромнаго большинства моихъ односельчанъ. И я очень часто скорблю о томъ, какъ мало сдѣлано земствомъ и интеллигенціей для развитія народнаго образованія, и какъ далеко ушли-бы во всѣхъ отношеніяхъ впередъ наши села, если-бы для удовлетворенія этой важнѣйшей потребности сельскаго населенія употреблено было достаточно энергіи и заботъ.

Апрѣль 1914 г.

Цѣна 6 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Петроградъ, К-во „Огни“, Фонтанка, 80, тел. 252-56;
Москва, К-во „Задруга“, м. Никитская, 29, тел. 4-50-61.

ТИП. „ПРАВДА“, РАЗЪѢЗЖАЯ 16-18.

